

Современная
литература
Узбекистана

Альманах СЛОВО

В НОМЕРЕ:

Раим Фархади
Александр Свистунов
Алексей Кирдянов
Галина Долгая
Дилбар Баратова
Наталья Бондаренко
Бах Ахмедов
Владимир Фетисов
Михаил Шаинский
Галина Востокова
Рифат Гумеров

Человечество не устанет
Что-то строить
из века в век:
Для веселья -
новый "Титаник",
Для спасения -
Ноев ковчег.

Раим Фархади

2024

Одиннадцатый выпуск

Вспомним Раима Фархади

СЛОВО

Литературный Альманах

Одиннадцатый выпуск

*Современная литература
Узбекистана*

2024

СЛОВО

Литературный Альманах

Учредитель:

Союз Писателей Узбекистана

Электронное периодическое издание

www.slovo.nx.uz

Подготовлено Советом по русской литературе СП Узбекистана

Главный редактор

Раим Фархади

Редакция:

Александр Свистунов, ответственный секретарь

Наталья Бондаренко, редактор-корректор

Ирина Семенюк, верстка

Анатолий Наймушин, вебмастер

Дарья Егорова, художественный редактор

Редакционный совет:

Сирожиддин Саййид

Рисолат Хайдарова

Рифат Гумеров

Николай Ильин

© Все права принадлежат авторам

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Тексты принимаются в формате doc (word)

по электронной почте: raimfarkhadi@icloud.com, alexsvs@yandex.ru

РАИМ ФАРХАДИ – ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР АЛЬМАНАХА “СЛОВО”

В апреле этого года ушел от нас Раим Хакимович Фархади. Не могу о нем писать в прошедшем времени. Буду писать в настоящем.

Вот, что сам главный редактор альманаха “СЛОВО” пишет о себе, как об авторе нашего издания.

Раим Фархади.

Родился в городе Самарканде, в 1942 году, врач, литератор, художник, переводчик узбекской поэзии на русский язык. Автор многих книг, в том числе для юного читателя, изданных в Ташкенте, Москве, Лондоне, Сеуле, Праге, Кишиневе, Таллине, Душанбе, Алма-Ате. Награждён орденом Дружбы (Дружбы), отличник народного образования, заслуженный деятель культуры Узбекистана.

Главная тема его стихов и прозы – сбережение духовных ценностей, защита родной Природы, Мир, Добро, Любовь.

И в тех произведениях, которые он отбирал для публикаций в альманахе, в рассказах, в стихах, в сказках, должны были звучать Мир, Добро, Любовь, защита родной природы.

Альманах “СЛОВО”, главным редактором которого четыре года был Раим Фархади, прежде всего, отражал его духовные ценности. И нередко Раим Хакимович, просил даже известных авторов заменить какое-то произведение, считая, что литературный уровень этого рассказа или стихов слабоват. Не стоит ронять престиж издания и автора, публиковать незрелое произведение.

Да! Усилиями Раима Фархади мы добились успеха. Альманах “СЛОВО” скачивается, просматривается и читается более чем в 40 странах мира. Это Узбекистан, Россия, Израиль, США, Германия, Англия и многие другие.

Теперь у нас, редколлегии “СЛОВО”, трудная задача. Удержать высокий уровень издания уже без главного редактора. Но мы помним, Раима Фархади, читаем его. Четко представляем, что бы он сказал по поводу того или иного произведения. Как он бы проводил отбор.

С современной литературой Узбекистана необходимо знакомить зарубежного читателя. Альманах будет выходить. И в этом немалая заслуга Раима Фархади.

*Ответственный секретарь альманаха “СЛОВО”
Александр Свистунов*

Алексей Кирдянов

ВОЛШЕБНИК СЛОВА¹

*Об избранных книгах заслуженного работника культуры Республики Узбекистан
поэта Раима Фархади*

I

В аннотации к изданию произведений Раима Фархади «Доброта. Книга лирики» (Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1972) читаем: «Стихи новой книги лирики Раима Фархади объединяет чуткое, трепетно-заботливое внимание к человеку и к окружающей его природе». Думаю, что это достаточно общее суждение о стихах, собранных в сборнике, верно, но все же хочется остановиться не только на заботливом взгляде автора на окружающий мир, подмечающем самые мелкие, а потому подчас очень важные детали. Спустя годы мы можем различить в авторской манере Фархади прежде всего умение взглянуть на предметы и явления глазами философа, с мудростью, скрытой подчас в подтексте стихотворений.

Сейчас, когда стихи «сочиняют» почти все, у кого дома есть компьютер, почти не слышно, тем не менее, суждений о том, что же предложения, записанные «в столбик», превращает в поэтическое явление? А зря. Ведь многие из «авторов» и их читателей с удивлением бы узнали, если б задумались над этим вопросом, что главную роль в поэтическом произведении играют отнюдь не признаки технического мастерства (владение рифмой, соблюдение размера и т. д.), а наличие глубокой и оригинальной мысли и личностная ее подача. Этот тезис подтверждают многочисленные прекрасные стихотворения в прозе – вот уж где точно всё держится на высказывании определенной мысли и ее развитии!

Так вот, у Раима Фархади каждое стихотворение содержит ярко выраженную мысль, направленную на созидание, пронизанную гуманизмом и при этом лишенную дидактического начала.

Царица-мысль, как и положено, следует со своей замечательной свитой, в которую входят блестяще выдержанная ритмика, точные, почти безукоризненные рифмы и, конечно, великолепные метафоры, аллегории.

Если очень внимательно прочесть стихи, вошедшие в книгу «Доброта», то становится понятным, насколько мастерски создает автор свои поэтические полотна: практически каждое стихотворение – это новелла, психологическая зарисовка, иногда притча. Корни такого удачного творчества, как я считаю, в слиянии восточных и европейских традиций в искусстве (в широком смысле этого слова). Причем подчас отличить, чего же больше в том или ином стихотворении – орнаментальности или же классической сдержанности, – не представляется возможным. А, впрочем, это и не нужно ради сохранения магии поэтического высказывания.

Открывает книжку небольшое стихотворение «Две строчки в книжке записной...» Его, пожалуй, можно не считать «программным» для этой книги (не говорим – всего творчества), но оно «тянет» на многозначительный эпиграф. Ведь в нем так наглядно

¹ Фрагменты статьи опубликованы. См. журнал «Звезда Востока», № 3, 2021.

Вспоминаем Раима Фархади

развивается фабула – в манере, свойственной всему творчеству Р. Фархади. Прием здесь таков: фабула разворачивается непредсказуемо и необычно.

*Две строчки в книжке записной
Внезапно ожили весной...*

– таково начало повествования. Читатель предполагает, что автор вот-вот поведаст, что же это за строчки, но просчитывается. Далее мы узнаем о том, как менялась погода с момента записи двух строк – «таял снег. Синела высь. Теплело. Грозы пронеслись»...

К упомянутым двум строчкам автор возвращается лишь в конце стихотворения, и при этом мы узнаем не какую-то животрепещущую истину, а всего лишь о том, что «роса блестела между строк». «Мораль» такова: в дозимнее время в них (двух строках), уже была заложена «весенняя роса».

Согласитесь, интересно следить за ходом рассуждения автора, о котором можно с уверенностью сказать: он нестандартно мыслит.

Что еще подкупает в лирике Раима Хакимовича Фархади? Его сочувствие всякому живому существу, будь то травинка, муравей или человек. Причем это сочувствие не напускное, не «дежурное», а вполне осознанное, впитанное с молоком матери. Столь сердечному взгляду на жизнь наш любимый поэт обязан родной земле, замечательно его воспитавшей, ибо, как известно, «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» (Н. А. Некрасов) (я бы сказал шире – *человеком* быть обязан).

Читая стихи Р. Фархади, представляешь перед собой равнодушного человека. Он понимает, как хрупка жизнь на нашей планете и как много зависит от нас в деле ее сохранения. Он сочувствует муравью, несущему поклажу, беспокоится, чтобы не упала «девочка на шаре»:

*Не столкнули бы, не помешали
Удержаться девочке на шаре,
Только бы не дали ей упасть.*

Сердечные слова находятся у автора «Доброты» даже для саксаула, обычно вспоминаемого стихотворцами в пародиях и шуточных стихах (вот уж, казалось бы, совсем не опозитизированный вид растительности!):

Саксаул.

*Его и ветер гнул –
Скрючился, как старец, саксаул.
Брали и пески его в тиски –
Заострились жесткие листки.
Но весной, пока не ожил зной,
Раннюю, стремительной весной,
Стоя на ветру, сбивавшем с ног,
Отряхнув с плечей-ветвей песок,
Расцветает саксаул, спеша,
Пламенем горит его душа.*

Вспоминаем Раима Фархади

Можно долго длить этот ряд душевных обращений автора в основном к одушевленным (включая растения) предметам.

Что еще стоит отметить? Будучи одним из авторов советского периода литературы, Р. Фархади не потерял своего индивидуального творческого лица (а опасность такая была) и, не став записным певцом соцреализма, прекрасно освоил собственно «реализм», так необходимый в современной поэзии. Он избежал уклона как в романтизм, так и в символизм (огромное количество авторов советской эпохи, увы, этим грешило). Такой – реалистический – взгляд (без излишних украшательств, еще бы я назвал его трезвым) позволяет видеть и запечатлевать жизнь такой, какая она есть (без прикрас).

*Я здесь не увидел ограды...
Посыпана желтым песком,
Тянулась дорожка. А рядом
Лежал человек под кустом.*

*Он спал. После долгой дороги,
Щекою прижавшись к траве.
Он спал. И заснули тревоги
И строки в его голове...*

– так вот просто, но в то же время по сути и емко сказано о поэте Владимире Луговском.

Что еще отличает Р. Фархади от других поэтов его и не только его поколения? Ярко выраженный интернационализм. Причем можно сказать так: он интернационально мыслит. Это уникальное качество, присущее, на мой взгляд, только большим поэтам. Интернациональны были в своих стихах А. Навои, А. С. Пушкин, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев и другие гении. И Раим Хакимович принимает у них эстафету любви к национальным культурам, языкам народов мира.

*Какой язык,
 скажите,
 мне родной?
Тот ли шуршащий,
 ласковый,
 степной,
Знакомый с детства...
(...)
Иль тот язык, –
Его слова простые
Беру из росных трав,
Слова босые.
Слова осин,
 светлеющих берез...*

Вспоминаем Раима Фархади

Являясь подлинным художником слова, Р. Х. Фархади прекрасно понимает природу творчества в целом. Оттого у него так хорошо получаются стихотворные новеллы о художниках, артистах, писателях, поэтах (в данной книге смотри стихотворения «Луговской», «Самаркандский мастер», «Превращение Гамлета», «Поэт», «Пушкин»).

К настоящему времени за заслуженным работником культуры Республики Узбекистан Р. Фархади прочно закрепились звание защитника природы.

Но не сразу вызревала его «экологическая эстетика», она – плод долгих раздумий, творческих поисков, приведших к созданию череды незабываемых, прежде всего, с точки зрения непреложной истины стихотворений-открытий на тему заботы о природе (хотя вряд ли для себя автор их так атрибутировал). В книге «Доброта» такие стихотворения также есть.

*Я просыпаюсь
И шагаю в утро.
Я убеждаюсь:
Всё в природе мудро.
(«Я просыпаюсь...»)*

*Ты не выйдешь к морю,
Зарафшан...
Не отпустит шумная долина,
С нею жизнь твоя неразделима.
Вечно в том просторе, Зарафшан,
Будешь ты струиться по арыкам...
(«Ты не выйдешь к морю...»)*

Здесь можно было бы процитировать и такие стихотворения, как «Дума о Земле», «Учил отец растить деревья», «Грачиха», «Птицы прислали вчера заявление...» и некоторые другие.

Но есть два стихотворения – очень значимые в плане «экологичности» (условно). Это «Аральское море уходит» и «Верю в деревья и травы...».

*Аральское море уходит
На цыпочках. Море мелеет.
Вдоль берега, как пароходик,
С утра твое платье белеет.*

*Быть завтра горячему ветру.
Вздыхает стихия морская,
По камешку, по сантиметру
Подножье скалы обнажая.*

*Темнеет варан на бархане.
Ему здесь приволье отныне.
Шипит и разносит дыханье
Уснувшей от зноя пустыни.*

Вспоминаем Раима Фархади

*Уступы остры и покаты,
Соленые травы поникли.
Щемящее чувство утраты,
И странно: к нему мы привыкли!*

*Наверно, мы тоже мельчали,
Шутя, улыбаясь, как прежде,
Смотрели и не замечали
Потери своих побережий...*

*Родная, где птичьи базары?
Где чаек твоих изобилье?..
Крича, улетели гагары,
Но мы безучастными были.*

*А волны на отмелях синих
Тянулись, как будто руками.
И вот отступили, не в силах
Возвыситься над берегами.*

*Лишь соль заблестит на ресницах
Крупинкою грустной во взоре...
Обнять торопливо, проститься –
Уходит Аральское море.*

В чем же секрет запоминаемости этого стихотворения? Во-первых, конечно, в выборе темы, которая была «на слуху» в пору его написания и остается актуальной уже много лет, во-вторых, в некоторой притчевости повествования, в-третьих, в успешном применении такого приема, как «погружение читателя в сюжет», в-четвертых, последствия обмеления Аральского моря описаны с помощью ярких образов, зримых и «выпуклых»: они, словно крупные мазки на холсте художника, будят воображение. И еще. Ответственность людей за экологическую катастрофу на Арале автор не выделяет как-то особо, наоборот, она лишь обозначена как бы случайными оговорками («Щемящее чувство утраты, // И странно: к нему мы привыкли!»; «Смотрели и не замечали // Потери своих побережий»; «Крича, улетели гагары, // Но мы безучастными были»).

И все же, самое главное, что делает это произведение состоятельным, – таким, которому безоговорочно веришь, – так это чувство искреннего сожаления о случившемся, переживаемое не коллективно (что было бы вполне ожидаемо в советское время), а индивидуально, самостийно. В итоге проблема обмеления моря предстает не столько общенациональной, сколько личной для каждого читателя.

А вот следующее значимое «экологическое» стихотворение:

*Верю в деревья и травы,
В их освежающий шум,
Неистощимый и правый,
Полный возвышенных дум.*

Вспоминаем Раима Фархади

*Светлой порой и в неволе
Вдруг отрешась от всего,
Слышу пшеничное поле,
Голос негромкий его.*

*Вижу высокие кроны,
Будто счастливые сны,
Как мы без них малокровны,
Как отрешенно бледны.*

*Снова являются силы,
Руки парят в синеве,
Если ногами босыми
Утром шагнешь по траве...*

*Рубим, срезаем и пилим,
Пней оставляя круги,
В этом лесном изобилье
Лезем и лезем в долги.*

*В дни роковых испытаний,
В тягости горьких минут
Ветви зеленые встанут,
Нас они, грешных, спасут.
Тайнам извечным внимая,
Зря ли твердят испокон:
Каждым ростком прорастают
Люди минувших времен!*

*Да, ведь и мы, без сомненья,
Станем стволами дерев,
Помня ошибки, паденья,
Листьями словно прозрев.*

По существу, перед нами монолог – достаточно эмоциональный, прочувствованный, которому веришь. В нем Раим Хакимович Фархади признается в своей вере в силу природы, ее извечный «разум», спасение человечества через единство с ней.

«Деревья и травы» здесь почти что очеловечены: они «полны возвышенных дум», обладают «негромким голосом» и т. д. И это не просто красивая образность, а искусная «подводка» к основной мысли данного произведения:

*Каждым ростком прорастают
Люди минувших времен!*

Наделение высокими человеческими качествами представителей растительного мира не дает нам усомниться в нашей с ними не только духовной, но и биохимической,

Вспоминаем Раима Фархади

«генетической» связи. Если верить утверждению некоторых современных ученых, душа это энергия (которая, как известно, не иссякает), то вполне логично допустить переселение душ от людей к растениям, животным и наоборот. А значит, всё живое на нашей Земле – единая сложноорганизованная система, до конца не изученный планетарного масштаба организм.

В рассматриваемом нами лирическом монологе Раиму Хакимовичу удалось от общего рассуждения о необходимости заботы о «деревьях и травах» перейти к устойчивому личному убеждению в этом. Такой «прием» реализовать под силу, пожалуй, только большим мастерам слова. Обычно мы наблюдаем обратное: от личного, прочувствованного опыта – к широкому, значимому для многих обобщению.

Считаю, что стихотворения «Аральское море уходит...» и «Верю в деревья и травы...» стали одними из важных «зерен», из которых в последующем проросло оригинальное лирико-экологическое мышление Раима Фархади – оно-то и принесло ему заслуженную мировую известность.

Видим мы у автора «Доброты» и задатки эпика. Жаль, что поэзии свойственны в основном малые формы (романы в стихах – редкость). Наш автор умеет населять свои тексты вполне убедительными персоналиями (веришь, что их можно встретить в реальной жизни). В этом смысле интересно стихотворение «Карагач в Шахимардане», посвященный памяти поэта и просветителя Хамзы. Его образ выписан автором без мелких деталей, на «крупном плане», отчего безоговорочно значимой предстает его личность. При этом мы видим, насколько наблюдателен автор, насколько хорошо знает психологию человека и как прекрасно умеет определять типические для людских характеров черты. Именно эти качества очень важны для поэта-эпика, хотя и лирику они не помешают.

Свою «речь» Р. Фархади в указанном выше стихотворении начинает «издалека»:

*Много есть карагачей в Шахимардане.
Среди них в молчании стоит
Карагач один, причастный к тайне.*

Это дерево должно «помнить» поэта, погибшего рядом с ним от рук недоброжелателей.

После описания (весьма краткого, исключаящего всё неосновное) облика и сути личности Хамзы Хакима-заде автор подводит нас к указанию на причину случившейся культурно-исторической катастрофы (гибель выдающегося поэта рубежа XIX – XX веков):

*Создана им, чтоб учились дети,
Школа в самом центре кишлака!*

То есть его просветительская деятельность, направленная на повышение уровня жизни населения, встретила враждебное отношение со стороны ретроградов, отрицавших всё новое и прогрессивное.

*Помнит дерево,
(...)
Как нежданно ворвалась беда,
Как в поэта полетели камни...*

Вспоминаем Раима Фархади

Знаменательно по горькой правдивости, точности формулировки итоговое обобщение рассказанной автором были:

*Острым камнем, каплями свинца
Сколько раз пытались озверело
Уничтожить песнь, сразив певца,
Целятся, а песня улетела!*

В связи с вышесказанным об уникальном даре эпика у Р. Фархади обращаю внимание читателя на стихотворные произведения «Мальчишка», «Лайлак», «Голоса гетто» (баллада), «Снег Хиросимы», «Луговской», «Иван и Жар-птица» (маленькая поэма). Их объединяет как минимум одно: буквально несколько точных штрихов делает образы героев живыми, близкими и понятными.

«Доброта» определена как книга лирики. А она, лирика, разнообразна. В этой книге мы встречаем не только глубоко личностные переживания автора, его философские размышления, но и прочувствованные многими из нас гражданские мотивы. Словом, представлены в «Доброте» все разновидности лирики. А порой нельзя понять, к какой лирической градации отнести то или иное стихотворение – любовной, пейзажной, городской, философской или гражданской – настолько их характеристики переплетены, неоднозначны.

Конечно, было бы важно понять, что делает высказывание (пусть и рифмованное) поэтическим? Здесь важно уяснить: у настоящего поэта «в рукаве» много технических приемов, но главное, у него должен быть хороший вкус (эстетический), формирующийся в результате чтения и анализа произведений поэтов-классиков.

Многие современные авторы слишком уж злоупотребляют прямым высказыванием, забывая, что не только в нем должен быть смысл. Еще он должен возникать и за строкой, между строками.

Не вдаваясь в подробности, скажу: Р. Фархади профессионально владеет техникой стихосложения, обогащая ее своими авторскими приемами. Так, примером «развернутой» (если можно так выразиться) метафоры может служить стихотворение «Кирпичные ступеньки» (причем всё целиком!).

Оно начинается с прямого высказывания:

*Кирпичные ступеньки.
Давно, когда был мал,
О них свои коленки
Я часто разбивал.*

А в конце стихотворения, обращаясь к матери, лирический герой говорит:

*Смажь, мама, лучше йодом
Царапины мои.*

*На них бы осторожно,
Тихонечко подуть,
Да отыскать их сложно:
Саднят они чуть-чуть...*

Вспоминаем Раима Фархади

То есть царапины на коленках, как по волшебству, превращаются в царапины на душе.

Кстати, в этом стихотворении заметна переключка с С. Есениным («Ничего! Я споткнулся о камень, // Это к завтраму всё заживет»).

II

«Собранные вместе лучшие стихотворения Фархади представляются своеобразным философско-лирическим исследованием мира, постигаемого художником, ибо именно философский лиризм мышления кажется одним из основных свойств, формирующих и движущих идейно-образную систему его поэзии», – отметил Петр Тартаковский, один из исследователей творчества Раима Хакимовича Фархади (см. П. Тартаковский. «В поисках главного. Литературно-критические статьи». – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978). По мнению П. Тартаковского, «в истоке стихотворения у Фархади почти всегда лежит образ зримый, вещий, ощутимый на ощупь – предмет с формой, цветом, запахом». Этот образ может остаться порой за «текстом», став первотолчком ассоциации, за которым следует эмоциональный всплеск – собственно поэзия. В книге Р. Фархади «Птица радость – птица Грусть. Стихи, баллады, поэмы» (Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979) отмечаемую исследователем особенность можно проследить очень явно. Вот, например, очень зримый образ планеты в стихотворении «Землевращение»:

*Кружится, кружится
Наша Земля –
Гнутя, шумя на ветру, тополя.
Птицы летят. Опадает листва.
Кругом, всё кругом идет голова!..*

Сама строфика, кажется, способствует созданию полноты образа Земли – голова читателя как будто на самом деле кружится вместе с нашей планетой.

А во второй и третьей строках появляется находившийся ранее «за кадром» образ возлюбленной лирического героя:

*Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.
Шли мы навстречу... Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.*

*Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относил!*

Благодаря этому, я бы сказал «кинематографическому», приему Земля из космического объекта превращается в родной дом (как бы приближаясь к читателю) – близкий, жизненно необходимый, понятный и такой уязвимый, хрупкий на просторах Вселенной! Кстати, здесь явно проступает реминисценция строк легендарного поэта XX века Николая Рубцова («Как центростремительная сила, // Жизнь меня по всей земле

Вспоминаем Раима Фархади

носила!)). (Но творческая перекличка Р. Фархади с поэтами-предшественниками – это особая тема для исследования, оставленная мною за рамками данной статьи.)

В маленькой притче «Бытие» читаем:

*Великий Круг вращает времена.
Та истина древнейшая верна:
– Чего ждешь, юноша?
 Чем очарован ты?
– Жду вечера.
Жду звездной темноты.
Свиданья жду
 с возлюбленной своей –
Жаль, мчится ночь
 мгновения быстрее!..*

Сразу представляется неназванный образ гончарного круга – кажется, что строфа о нем, дав толчок дальнейшему ассоциативному ряду, осталась в черновиках. За счет такой – волшебной, не побоюсь этого слова, метафоры (по своей парадоксальности, неожиданности) стихотворение наполняется глубинными смыслами, достойными приведенной в качестве эпиграфа древнеиндийской мудрости – «Чередование дня и ночи принесет забвение горя». Вообще, сравнивая книгу «Птица Радость – птица Грусть» со сборником «Доброта», неизбежно замечаешь: мудрости житейской, «первородной» у нашего поэта значительно прибавилось. Почти что нет в «Птице Радости – птице Грусти» произведений легкомысленных, проходных, наоборот, в каждом находятся зерна «здорового смысла», «сердца горестные заметы», понятые глубоко личностно вековые истины: «Одна любовь умрет, // Взрастет другая»; «Улыбается город светло, // Снится городу детство: село»; «Я вам желаю трудного счастья! // Легкое счастье – это несчастье»; «Растает утро дымное – // И вся земля видна... // Есть у меня родимая, // Родная сторона!» и т. д.

«Фархади умеет выразить важные и выношенные идеи свежо и своеобразно, не только видя, но и воплощая значительное и огромное в малом – воссоздавая в двух-трех строчках целый мир мыслей и эмоций» – вот еще одна цитата из упомянутой мною ранее книги П. Тартаковского. В качестве подтверждения суждения исследователя могут служить, например, такие строчки:

*Мы – дети бетона,
Но в нас не из камня душа.*

Нельзя пройти мимо поэм, размещенных в книге «Птица Радость – птица Грусть». «Журавленок» – в этой поэме рассказывается трогательная история о журавленке, который, будучи раненым, оказался в подворье известного ташкентского композитора Алексея Козловского и остался там выздоравливать. Великая сила музыки, которая царила в доме музыканта, конечно, не могла вылечить крыло журавленка, но исцелила дух раненой птицы. Журавленок, не имея возможности взлететь, научился танцевать, когда звучали мелодии. Автор находит нужные сравнения, чтобы подчеркнуть, как важно человеческое участие любой живой душе, что, помогая другим, мы помогаем и себе. В этой

Вспоминаем Раима Фархади

маленькой поэме нет демонстрации какого-то особого стиля: повествование ведется простым, бесхитростным языком. «Приземляющая» читателя прозаичность лишь изредка украшена сравнениями. Но зато такими поэтичными! Так, журавленок назван «почти еще ребенком», он упал с высоты так, как «будто небо выронило скрипку», у него «тяжело срастались в крыльях струны». А вот пример уникального эпитета – «музыка звучала голубая». Он передает ощущение полета?

Поэма «Ярмарка цветов» приведена не полностью, но, тем не менее, занимает немалый объем книги. На это раз Р. Фархади решил не идти проторенным путем, а создал произведение в жанре поэмы по собственным лекалам – из достаточно самостоятельных лирических стихотворений, элегий, баллад и мини-поэм. В итоге в «Ярмарке цветов» то и дело меняется ритмический рисунок, появляются разные стихотворные размеры, что, как вы понимаете, традиционной поэме несвойственно. В «Ярмарке...» отдельные фрагменты объединены очень неявной, а оттого широкой идеей – родина это не только место, где ты родился, но и его дух, люди, которые живут на нем, их заботы и желания; родина это еще и природа, которую надо беречь. Автор на глазах у читателя «взращивает» свою малую родину (самаркандский Багишамал) до большой страны, а затем до одинокой планеты во Вселенной. Причем ему удалось избежать дидактики, создать живые образы отца-садовника, матери, возлюбленной, космонавта и многих-многих других населяющих родину поэта людей, без которых разве была бы она дорога сердцу?

«Сердцевинной» этого уникального по замыслу и техническому исполнению повествования можно считать балладу «Сказки деревьев», которую придется привести полностью, так как невозможно прервать ход мыслей в ней.

*Я рос, как в деревне,
На Багишамале.
Большие деревья
Меня окружали.*

*Так было давно
 установлено в доме:
Вставать на рассвете.
Отец мой, садовник,
До завтрака сад обходил
 незаметно,
Попутно срезал он
 засохшие ветки,
Взрыхлял у корней
 увлажненную землю,
И листьям, и птицам
 заботливо внимля...
Пораньше вставая,
 я двигался рядом,
Любуясь шумящим
 светлеющим садом.*

Вспоминаем Раима Фархади

Деревья,
 паря над моей головою,
Качали ветвями,
 шуршали листвою.
Урючина, груша,
 две тетушки вишни
Меня узнавали,
Я был там не лишний.
Ветвь тала
Шептала
О чем-то заветном...
А яблоня,
 низко склоняясь под ветром,
Дарила мне яблоко
 с красным отливом...
Я шел к ним,
 замерзшим
 и солнцем палимым.
Смелея,
 ловил их лучистые краски...
Деревья
 умели рассказывать сказки.
У самого дома
Стояла чинара.
Ей – тысяча лет,
И она начинала:
(Я слушал растерянный,
 чуткий,
 глазастый.)
– Жил добрый волшебник...
 в затерянном царстве...
Но были у власти...
 волшебники злые...
А люди бесстрашные и удалые,
Что прихоти царской их
 не подчинялись...
Злой силой...
 в деревья тотчас превращались.
Сгибали их бури...
 ломали их грозы...
И реки текли там –
 горючие слезы...
То царство обмана,
 жестокости, фальши... –
Чинара смолкала.
– А что было дальше?

Вспоминаем Раима Фархади

*И тысячетлетняя бабка чинара
Вздыхала
И сказку свою продолжала:
– Могучих стволов
 там стояло немало...
И добрый волшебник сказал им:
 «Идите
И царский дворец
 в сто лесов окружите.
Народ защитите...
 любою ценою...
Срастайтесь корнями...
 вставайте стеною...»
Наутро проснулись
 волшебники злые
И видят: леса перед ними густые...
Скорей за мечи –
 и рубили, рубили...
Они все мечи о стволы иступили,
Но не одолели зеленой твердыни.
Еще колдовали и слали напасти...
А дети деревьев узнали о счастье,
Там люди счастливо живут и поныне...*

*Закончилась сказка.
Звучала другая,
Звя, будоража,
 щемя, увлекая.
Опять надо мною шумели деревья,
Учили быть выше
Светлее,
Добрее.*

Здесь автор, словно деревья, выхаживает дополнительные смыслы – и поражаешься, насколько они глубоки и в то же время понятны, близки каждому, кто искренне любит свой край и готов ему послужить. Стоит заметить, что именно в этой балладе появляется образ доброго волшебника – именно так будут впоследствии называть самого Раима Хакимовича Фархади его преданные читатели.

Как жаль, что сейчас не принято сочинять поэмы – они длинные, в них должна царствовать мысль, желателен сюжет, а главное – нужен герой (а где его взять?) – так думают, наверное, на этот счет молодые стихотворцы. А ведь практически каждый видный русский поэт стремился дополнить собрание своих стихов поэмами (порой удачными, порой – не очень), ведь малых стихотворных форм недостаточно, чтобы художественно отразить время с его трагедиями, разломами, достижениями.

Вспоминаем Раима Фархади

Но будем надеяться, что поэму о нашем непростом времени (с глобализацией, индивидуализацией, экологическими проблемами и так далее) напишет именно наш волшебник слова – Раим Хакимович Фархади.

III

Если задаться вопросом «Как стать автором, понятным большому количеству читателей?», то вариантов ответа найдется немало. И наверняка в каждом будет доля истины. Если же попытаться найти ответ на этот вопрос в творчестве Раима Фархади, то, пожалуй, лучше всего обратиться к его книге «Улица влюбленных» (Ташкент: Издательство «Ёш гвардия», 1982). Вышедшая в «молодежном» издательстве, она и адресована в первую очередь молодым. А потому ее язык максимально приближен к языку подростков, представителей юношества, правда, этот язык в каждую эпоху – свой. Тогда, в 1980-е, большую часть молодых людей занимали проблемы самоидентификации, поиска места в жизни, нравственных начал, осознания важности служения обществу, расширения кругозора, погружения в пространство культуры. Материальные блага не отвергались, а воспринимались как результат созидательного труда и средство, помогающее в саморазвитии. (Кто-то сегодня обязательно поспорит с этим утверждением). Именно обо всем этом говорит на языке, понятном эмоционально пылкому, духовно ищущему юному читателю, в своих произведениях Р. Фархади. Исполнень, ненавязчиво, посредством образов запоминающихся героев, автор книги сеет зерна познания в благодатную почву, ведь душам молодых людей важно получить прививку от черствости, злобы, неверия, приспособленчества. Автор учит разбираться в таких важнейших нравственных категориях, как Добро и Зло. Жаль, что сейчас все меньше становится поэтов, обращающих свое внимание на духовные запросы детей старшего школьного возраста и юношества.

Удачно наладить диалог с адресной аудиторией автору книги помог такой интересный прием, как разговор с читателем на равных. Автор будто бы отождествляет себя с теми, к кому обращается, уверен, что обязательно будет понят, ведь он такой, «как все, свой», ровесник, которому можно верить. Это прием наглядно представлен уже в заглавном стихотворении:

*Я живу на улице Влюбленных,
Улица растет. Дома встают.
<...>
Вот мой дом. И в нем в любом подъезде
Всех своих соседей знаю я.
(«Улица Влюбленных»)*

Тем не менее, из «всех своих соседей» автор «окликает» девочку Джульетту и мальчика Ромео, литературных потомков великого Шекспира. Правда, участь у юных влюбленных в новых исторических условиях, по замыслу автора, должна быть оптимистичной. Но, конечно, и потрудиться им придется. Прежде всего – задуматься и уяснить непреложные истины. И автор предлагает им своего рода мини-энциклопедию жизни. Так, к примеру, из стихотворения «Свет Отчизны» они узнают о «звезде Земля», оглядывают ее «с комического корабля» и понимают, насколько неразрывна связь всего живого на Земле. А еще они учатся любить родину так, как ее любит лирический герой стихотворения «Вечный огонь»:

Вспоминаем Раима Фархади

*Я родился, а страна – в огне,
И отцы, и братья на войне.*

*Сколько их не вышло из огня...
Пламя это обожгло меня.*

*Вырос я. Иду тропой земной,
Ласковое небо надо мной.*

*Родина! Огромная страна –
Ты на свете у меня одна.*

Вообще нельзя обойти вниманием тему отечества в этой книге. О нем, по мнению Р. Фархади, не стоит забывать ни в будни, ни в праздники, ни в горе, ни в радости. Глубокие раздумья на эту тему не кажутся читателю излишне усложненными, наоборот, в них на первый план выходят очищенные от ненужных деталей и патетики сущностные определения того, с «чего начинается Родина».

*Считаю,
Это было очень правильно:
Что воспитала ты меня, окраина,
Что, как в деревне,
На Багишамале
Огромные деревья
Окружали.
Что молоком меня парным поили,
Что петухи-будильники будили.
А из окна в одноэтажной школе
Мне виделось родное наше поле.
(«Городская окраина»)*

В этом ряду стоят и такие удачные стихотворения книги, как «По ночам...», «Обычай»,

«К материнским холмам...», «Время птичьих перелетов...», «Стала мама моя уменьшаться...», «Большое дерево стояло...» и другие.

Конечно, наш родной край – край восточный, а значит, без восточной мудрости, «выкованной» в народе веками, разговор поэта с молодежью не обходится. Рассказывая о традициях, нравах, свершениях и победах своего народа, Раим Фархади порождает у читателей чувство причастности ко всему происходящему вокруг, равнодушие к ближним и дальним, судьбам своей страны.

В общем, он нашел ту единственно продуктивную интонацию, которой верит юношество, – интонацию доброжелательной сопричастности, свойской доверительности. А без большого сердца, сочувствующего и сопереживающего, такого добиться невозможно. И – без детскости в душе.

Вспоминаем Раима Фархади

*Прилетели аисты.
Ночью. Или нет?
Нас крылом касается
аистиный снег...
Снег последний, тающий
в сумрачной тиши.
Прилетали аисты
или нет? Скажи.
(«Прилетели аисты...»)*

IV

Следующий сборник – «Древо радости и печали. Стихи». (Москва: Советский писатель, 1990). Аннотация к нему содержит суждения А. Межирова, учителя Р. Фархади по Литературному институту имени М. Горького: «Стихи Раима Фархади – сплав современности и истории. Поэт стремится стоять лицом к лицу с жизнью, быть с глазу на глаз с природой. В лучших своих стихотворениях Р. Фархади – мыслитель, но не рассуждающий, а предлагающий свою судьбу современникам как мысль о времени...». Точнее не скажешь.

Поскольку книга «Древо радости и печали» выходила в Москве, то вполне резонно она впустила в себя густой восточный колорит, что видно хотя бы по названиям стихотворений («Снег в Самарканде», «Музликүён», «Ташкентский дом», «Самарканд. Уходящая окраина», «Родников самаркандских струя...», «Тутовина, или шелковица, на пути в Маргелан. 1977 год», «Легенда об огне», «Мираж» и т. д.). И надо сказать, Восток предстает в книге как «прародина родин» (говоря словами Анны Ахматовой). Это земля древних истин, насыщенная неспешным течением времени, населенная людьми, мудрыми сердцем. Да и сам автор книги – прежде всего рассказчик-философ; его не лишены притчевости, наполненные многозначительными образами и яркими прозрениями стихотворные новеллы продолжают ряд выдающихся произведений, вышедших из-под пера известных на весь мир восточных мыслителей (в первую очередь я бы назвал Алишера Навои). Как и у них, у Раима Фархади художественное пространство держат духовные скрепы (без которых невозможно процветание общества в Азии). Он прокладывает духовный мост от прошлого к современности и ожидаемо отдает дань остросоциальной тематике, публицистичности, столь характерным для конца 1980-х и начала 1990-х годов, когда в ходу были перестройка и гласность. При этом, будучи настоящим художником, Раим Хакимович избегает вульгарности, плакатности, шаблонности, которыми тогда грешили многие авторы. Критику действительности он, словно искру, высекает из узнаваемых, понятных читателям бытовых картин.

В этой книге, достаточно внушительной по объему, нет «проходных» стихотворений. Всё собранное в ней образует единый сквозной сюжет, то и дело возвращающий нас к теме родины-Азии, а потому и неудивительно, что завершается книга таким вот резюмирующим и резонирующим в сердце признанием:

Вспоминаем Раима Фархади

*По тропам Азии срединной
Еще ступать,
идти,
брести мне,
Так много обойти дорог.
(...)
Через пески,
холмы,
лощины,
Сквозь перевалы –
до вершины,
До пика снежного того!..
И от последнего колодца
Прийти туда,
где так же вьется
Тропинка детства моего.*

V

Наиболее близким к нашим дням можно считать следующее издание лирических стихов Раима Фархади – «Остров стихов» (Великобритания, Лондон: Издательство «Hertfordshire Press Ltd.», 2017). И это довольно внушительный по объему сборник. В нем Раим Хакимович являет себя чутким экспериментатором в творчестве, ищущим и отражающим важные приметы наступившего XXI столетия.

Книга нашего «Остров стихов» включила в себя большой массив избранных стихотворений (некоторые публиковались ранее, а некоторые являлись новыми на момент выхода книги), очищенный от какого-либо идеологического налета, апеллирующий к возвышенным чувствам и трезвому рассудку читателя. Конечно, этот эпохальный сборник стихотворений мастера поэтического цеха требует отдельного разговора. Но все же о некоторых его особенностях позволю себе сказать прямо сейчас.

Стихотворения в сборнике объединены в тематические циклы, первый из которых – «Моя Евразия» – задает достаточно высокую планку лирико-философского повествования. Как и в самом слове «Евразия», в стихах этого цикла тесно переплетены Европа и Азия, на протяжении веков культурно обогащавшие друг друга, а для нескольких поколений жителей бывших союзных республик являвшиеся единой культурной родиной. Духовные связи между Западом и Востоком проходят, я уверен в этом, через сердце автора книги, на страницах которой вполне органично соседствуют, например, узбекское сказание «Птица-свет» и лирическое повествование о пребывании Сергея Есенина и Айседоры Дункан в Лондоне.

А сколько любви, сердечной отзывчивости в стихотворении «Глаза васильковые»? Любуясь нарисованной Марком Шагалом синеглазой красавицей, автор переносится в «просторы отзывчивой Азии искать городов многоцветие»:

*У вас удивительно синие
Откуда глаза васильковые?
Хоть дуют здесь ветры пустынные,
Спать все живое готовы.*

Вспоминаем Раима Фархади

*Шагал, «Васильки» свои выдумал
Под небом парижской окраины.
Он синь всю из тюбика выдавил
И чудо представил заранее.*

Практически во всех циклах стихов книги находится место для непростых размышлений о судьбах народов, государств в непростые времена (а они, увы, всегда таковы), острых вопросах, но при этом Раиму Фархади удается уйти от острой публицистичности, нарочитой социальности. Будучи истинным восточным мудрецом-аксакалом, Раим Хакимович понимает, что корни многих проблем в исконной борьбе добра со злом, что, только кропотливо взращивая добро в своей душе, можно победить (когда-нибудь!) людские пороки.

В этой непрекращающейся работе по воспитанию своей (а поскольку он поэт, но и нашей, читательской) души Р. Фархади черпает силу, энергию в природе. И неудивительно что, растения, прежде всего деревья, часто выступают в книге «Остров стихов» как одухотворенные существа, исполненные жизненной стойкости и первозданной (вековой) мудрости.

*В лихой городской суете
Не все еще мною потеряно,
Пока я могу доброте
Учиться у стойкого дерева.
(«Юбилей дерева»)*

Еще отмечу одну деталь. Можно сказать, что в этой книге Раим Фархади в полный голос (возможно, раньше ему это не всегда разрешали) ведет творческий диалог с гениями прошлого – выдающимися поэтами, художниками, актерами, учеными и мыслителями. Таким образом он пытается выстроить единый, очень значимый для всех нас, жителей многополярного мира, культурологический ряд, не разъединяющий, а объединяющий представителей разных народов и стран. Ведь творческие личности всех времен трудились ради всего человечества, они являются духовными братьями и сестрами, ведущими диалог друг с другом на языке таланта, гуманизма и прогресса. Вполне живыми, не плакатными и не ходульными, предстают в лирических зарисовках Раима Фархади поэты Омар Хайям, Анна Ахматова, Сергей Есенин, Борис Пастернак, бард и актер Владимир Высоцкий, ученый Ибн Сина и многие другие выдающиеся личности.

Но, отдавая дань уважения великим, Раим Хакимович ни в коем случае не принижает значение людей малоизвестных, чей повседневный труд также двигает прогресс (в очевидности этого постулата заставляет нас убедиться нынешнее противодействие пандемии коронавируса, когда обычно «незаметные» медики стали незаменимыми героями).

Если говорить о технической стороне произведений, собранных в книге, то бросается в глаза их ритмическая «нервность». Чувствуется, что автор не стремился к изысканным формам выражения, ему было важно запечатлеть искреннюю эмоцию, простыми размерами донести «трудные» истины. Это вполне логично: в наше время красотами слога, изысканностью рифмы и сложностью строфики мало кого удивишь.

Вспоминаем Раима Фархади

В качестве пожелания могу добавить, что ожидаю от Раима Хакимовича дальнейшего лирического развития. Мне кажется, в нынешних условиях читатели ждут от поэта большей личностной открытости, глубоких сердечных переживаний, погруженности в тонкости любви. Здесь я бы процитировал Осипа Мандельштама, 130-летие со дня рождения отмечалось в прошлом году, – «Я скажу тебе с последней прямоотой...» Вот этой «последней прямооты» (в смысле высочайшего уровня доверия читателю) мы будем ждать от следующих поэтических книг Раима Хакимовича. Но задел уже есть: в газете «Вечерний Ташкент» (в ней Раим Фархади дебютировал в 1966 году местной печати), в начале 2020 года (незадолго до фактического прекращения работы этого издания) опубликовано его стихотворение с мощным, глубоко искренним чувственным началом.

*Сентябрь. И в пыльной позолоте
На ветках листья шелестят.
И Вы уже мгновенья ждете,
Когда начнется листопад.*

*Но хочется, чтобы сначала
Дождем умытая листва
Лучистым утром засверкала,
Вернув забытые слова,*

*Потерянные жизни краски
И многоцветье вешних дней;
Чтоб стала явь чудесней сказки,
А мы вдруг оказались в ней...
(«До листопада»)*

Подводя итог вышесказанному, рискну заметить, что «Остров стихов» – это успех, к которому автор шел долгие годы, основы которого заложены им в предыдущих книгах. А потому достойны внимания и они, пусть уже и ретроспективно.

P. S.

Оговорю особо: за пределами этой статьи оставлены стихи поэта для младшего и детского возраста. В жанре детской литературы Р. Фархади – признанный корифей. Этот большой пласт его творчества требует отдельного исследования.

Галина Долгая

ВДОХНОВЛЕННЫЙ ПРИРОДОЙ И ПОЭЗИЕЙ

Памяти Раима Хакимовича Фархади
(16.05.1942 – 04.04.2024)

С Раимом Хакимовичем Фархади я познакомилась в 2018 году на заседании Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана. Я хорошо помню, как потом мы вместе шли от здания СП к метро, и Раим Хакимович на ходу сочинял экспромты. Это был настоящий поэт! Он чувствовал мелодию слов как никто другой; он мыслил поэтически, сразу откликаясь на любое событие стихами, в которых мысль обретала гармоничное звучание.

Раим Фархади был многогранно талантливым человеком. Он писал не только стихи, рассказы или статьи, но и картины, называя свой труд экологической живописью. Вместо красок он использовал пигменты цветов и трав, которые сам собирал; сверху для сохранности покрывал живопись лаком. Он говорил, что с течением времени краски меняются, и картины обретают новое живописное звучание. Мне особо запомнилась одна его картина – невероятно живописная. В ней и многоцветная темнота холмов в ночи, и яркий лунный свет, и два человека в центре, чьи силуэты едва намечены, но притягивают внимание яркостью цветового решения. В балахонах, слегка согбенные они походят на странников, заблудившихся в пустыне. Картина так и называется – «Бредущие в ночи». Раим Хакимович показывал свои работы, размещая их на странице в Фейсбуке, присылая в личной переписке. А «Бредущих» я видела воочию.

Раим Хакимович любил искусство и хорошо разбирался в живописи. В 2019 году в ташкентском Музее искусств проходила выставка авангарда из собрания музея. Мы договорились о встрече и вместе пошли посмотреть выставку. В тот день кроме нас там была пара человек, и мы спокойно рассматривали полотна Волкова, Карахана, Кандинского, а Раим Хакимович учил меня видеть прекрасное в абстракции, отличать гармонию цвета и формы от безвкусицы. С тех пор я начала понимать кубизм, абстракционизм и другие стили живописи, которые до того мне не были понятны. После музея мы прошли по ташкентскому Бродвею, и я сразу увидела, насколько бедны гармонией картины, продаваемые там.

В 2020 году меня приняли в члены Союза писателей Узбекистана. Раим Хакимович был одним из трех писателей (еще Владимир Васильев и Мухаббат Юлдашева), которые дали мне рекомендации. Его незамысловатый росчерк, по сути, открыл мне путь в литературу Узбекистана.

Основной вехой творчества Фархади была детская литература. Он любил детей, как самую откровенную и вдохновляющую часть человечества. Он учил детей любви к природе, проводил уроки экологии, на которых читал свои стихи, побуждал детей рисовать на разные темы природы, был строгим членом жюри конкурсов юных чтецов.

Вспоминаем Раима Фархади

На одном из них, в НОУ «Интеллект» мы с ним и с Юсуповой Ларисой Львовной работали вместе. Для детей, родителей, педагогов участие легендарного Фархади было огромной радостью. Это было видно по их лицам, улыбкам, словам, полным уважения и любви. В конце конкурса Раим Хакимович зачитал свой экспромт, написанный тут же.

*С детства мы одним задорным кликом
Путь находим к самым лучшим книгам.
Наступает век библиотек.
С книгой вырастает человек!*

Я храню фото той странички из блокнота Раима Хакимовича. Храню и две открытки, подаренные им на восьмое марта. На одной из них фото пумы, на другой – картина Шагала и подпись Фархади. Когда человек уходит из нашего мира, даже такие, казалось бы, незначительные подарки обретают особую ценность.

Кроме поэтического творчества, в орбиту которого входили не только стихи для детей, но и полные раздумий лирические строки, Раим Хакимович занимался переводами. Он переводил Алишера Навои и современных узбекских поэтов.

В 2021 году Алишеру Навои отмечали 580 лет со дня рождения. К этому юбилею на узбекском телевидении готовили передачи с участием известных людей, в том числе и писателей. На запись одной из передач пригласили и членов Совета по русской литературе. Пошли мы с Раимом Хакимовичем. Это было очень интересное мероприятие. Я впервые попала на телестудию, увидела, как создаются телепередачи. Раим Хакимович был элегантным: короткое пальто, шарф, неизменное кепи на голове. Он принес с собой папку с заметками из старых газет, раритетные книги со стихами Навои; рассказал много интересного из своей творческой биографии, связанное с именем великого поэта. После записи мы немного прогулялись по улице рядом с телецентром, поговорили о поэзии, о творчестве. У Раима Хакимовича было хорошее настроение. И расставшись с ним я тоже ощущала прилив энергии и такое удовлетворение, которое бывает после общения с человеком, близким по духу. К сожалению, эту передачу не пустили в эфир. Причина так и осталась за кадром. Но день создания передачи остался в моей памяти приятным воспоминанием.

Раим Хакимович Фархади многое в жизни пережил, многое познал, встречался с выдающимися людьми своего времени и всегда с особым вдохновением рассказывал истории из своей жизни, которая до краев была наполнена творчеством. Как это всегда бывает, большое видится издалека. Познать всю глубину вклада Раима Фархади в литературу нам еще предстоит. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что на его стихах выросло не одно поколение детей. И следующие поколения также будут познавать мир через героев его стихотворений, полных любви к природе, к нашему огромному и противоречивому миру, в котором он видел красоту и гармонию.

Вспоминаем Раима Фархади

С детства
мы один за другим
кликом
Путь находим
К самым
лучшим книгам
Наскопает все
Библиотека
С книгой
вырастает
Человек!
Раим Фархади



Вспоминаем Раима Фархади



Вспоминаем Раима Фархади



Дилбар Баратова

ЧЕЛОВЕКУ, НЕСУЩЕМУ СВЕТ, ПОСВЯЩАЕТСЯ...

На моем пути было много людей, несущих в себе свет...Да, в моём окружении есть люди, которые даже по облику отличаются от других людей.

Я давно тянулась к таким людям, от них исходил свет мудрости и легкости, и я долго не могла понять, что в них общего, почему к ним так тянет.

А сейчас знаю.

Их объединяет гармония внутри. Мудрость. Внутренний комфорт.

Таким мудрым и светлым был и ОН – наш любимый, талантливейший наставник, говоря по-узбекски – УСТОЗ РАИМ ФАРХАДИ.

Пишу «был», но рука дрожит... Слёзами полны глаза...Мозг отказывается принимать такую информацию – почему «был»?! Он есть!

...Я была знакома с ним заочно, ещё будучи школьницей, когда мне в руки попал томик стихов – с упоением читала его стихи про любовь.

А когда меня приняли в СП РУзб., в декабре 2022 года, я увидела ЕГО, живого. В тот день Раима Хакимовича награждали грантом за очередную детскую книгу. Он был такой нарядный, красивый, его поздравил сам председатель Союза Писателей республики. Позже мэтр подошёл ко мне, мягко взял за локоть, и когда мы отошли подальше от шумно поздравляющих друг друга людей, которых приняли в члены Союза писателей, пригласил на Совет по русской литературе при СП. Мы сфотографировались. Я пообещала присутствовать на ближайшем совете.



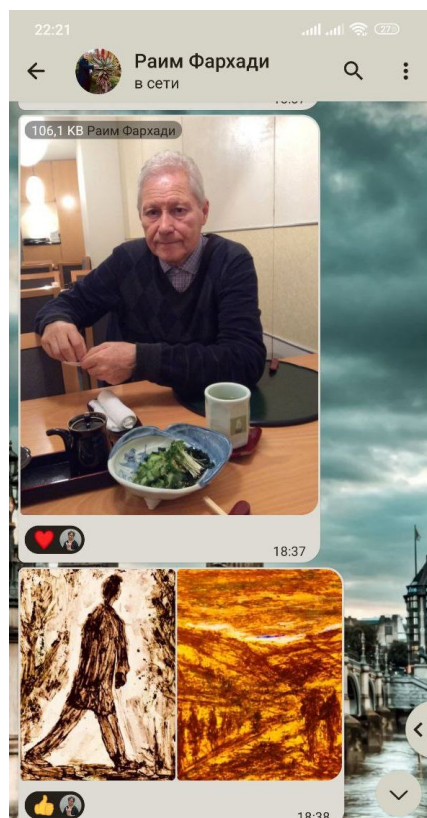
Вспоминаем Раима Фархади

Когда я с опозданием вошла в зал, где проходил совет, меня радушно приняли. Раим Фархади уже успел рассказать сидящим всё, что знал о моём творчестве. Потом попросил рассказать о себе. Я и выступила...



С тех пор мы часто встречались. Двигался он немного скованно. Как выяснилось, это было следствием ковида, которым он переболел.

Этот мудрый человек поразил меня здравыми рассуждениями о жизни, о нынешнем положении дел на творческом фронте и в стране, и в мире, он мог часами рассказывать свои воспоминания о прожитых годах, о творческих планах на будущее.



Вспоминаем Раима Фархади



Его бесценный опыт, весь жизненный путь говорили о колоссальной энергии, о неиссякаемом потенциале, о несравненном таланте.

Вспоминаем Раима Фархади



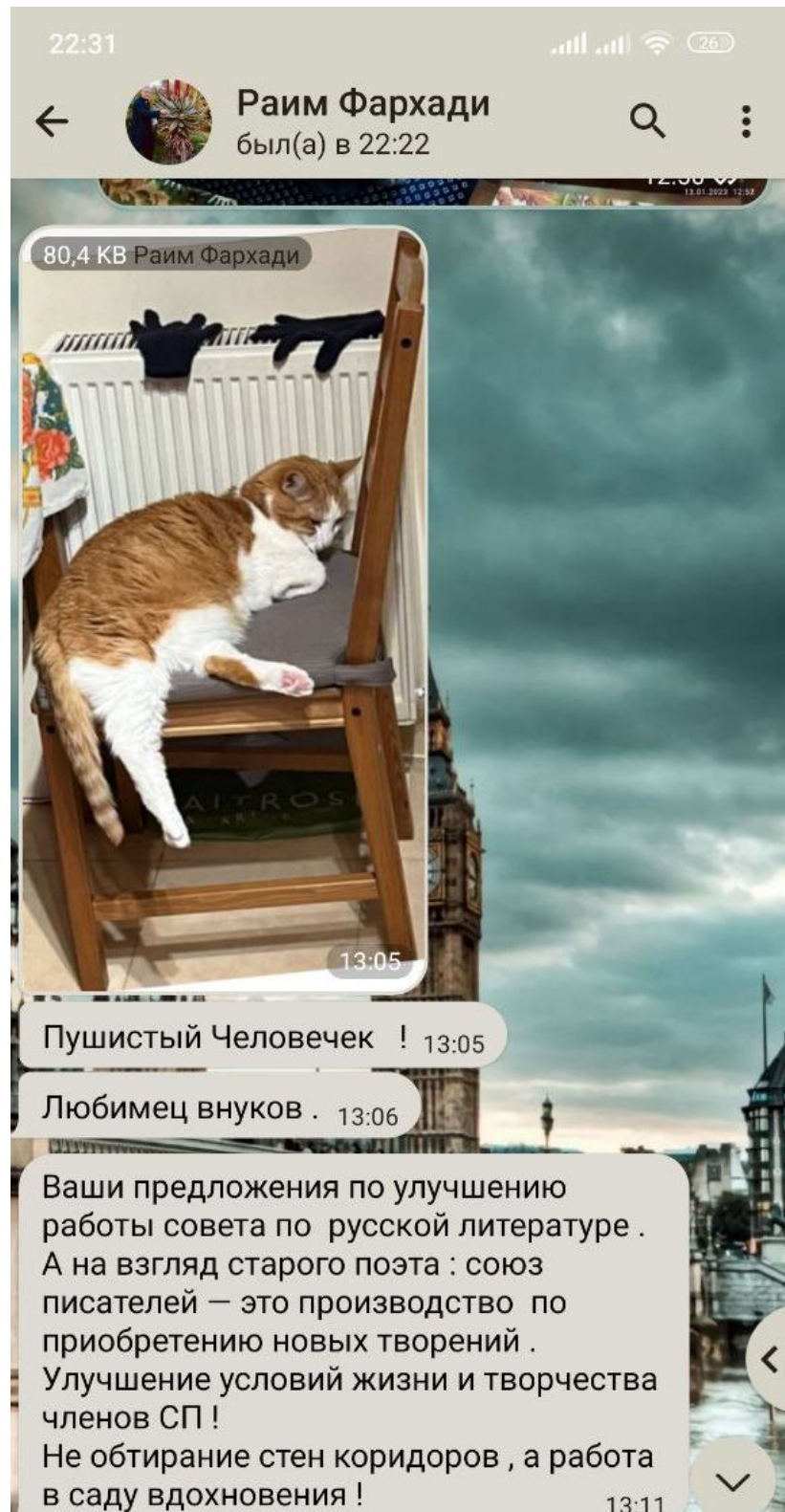
Он так мечтал возобновить выпуск своего любимого детского журнала «Родничок»! Обещал, что назначит меня ответственным секретарём журнала.

Не хочу писать об общеизвестных фактах его биографии и об известных произведениях. Но хочу особо подчеркнуть его любовь к детям. В окружении детей его глаза загорались особенным добрым светом. В каждом ребёнке он видел талант, старался угадать творческое начало...



Вспоминаем Раима Фархади

А ещё он любил природу. Старался воспеть её во всей красе: и пение птиц, и цветение деревьев, и весенний дождь ... Любил животных, кормил птиц, уличных кошек и котов, собачек...Зимой пускал их в подвал и подкармливал...



МИРНАЯ ДОРОГА
ПО ДРЕВНЕМУ ТРАКТУ УЗБЕКСКОМУ
МАРШРУТОМ ТАШКЕНТ - НАВОИ ,
К МОСТУ ПРИБЛИЖАЯСЬ ТЕРМЕЗСКОМУ...-
И ЗНАЮТ СОСЕДИ МОИ ,
ЧТО ВЕЩИ ДОБРОТНЫЕ В КУЗОВЕ
МОГУЧЕГО ГРУЗОВИКА ,
И МЫСЛИ РАЗВЕЮТСЯ ГРУСТНЫЕ ,
НЕ ДВИНУТСЯ ВСЛЕД ВОЙСКА !

РАИМ ФАРХАДИ , Март 2022

Молодая, безгрешная
Жизнь прекрасная отдана ...
Боль в сердцах безутешная ,
Горько плачет их Родина !
Нападение подлое
На любимое , светлое .
Невозможно подобное
В двадцать первом столетии !
Рождены были братьями,
На одной жили улице ...
Не бросайтесь проклятьями ,
Всем пора образумиться !!!

РАССТАВАНИЯ И ВСТРЕЧИ

«До свидания, друг мой...»

Сергей Есенин

Виновата Хиросима
Иль какая-та иная,
Нам неведомая сила,
Что идет разъединяя.

Обходя моря и суши,
Посылая ветер дымный,
Разводя тела и души,
Предвещая час пустынный...

Будто линия разлома
Грозного землетрясения,
По сосне родного дома
Тянется... И нет спасенья!

Сила жуткая, слепая.
Пули в цель, увы, не мимо.
Лучевая, роковая,
Двигается неотвратно.

Покидают гнёзда птицы,
И крылами воздух вспорот..
Суждено и нам проститься
Так внезапно. Очень скоро.

Недопетые мотивы,
И рассыпанные перья.
И коней летящих гривы,
И горящие деревья...

И заломленные руки
На полях недавней сечи.
Сколько символов разлуки...
Но шепчу тебе: «До встречи!..»

Раим Фархади

Нет! Не могу о нём говорить в прошедшем времени! Простите, но не могу! Он жив!
Ещё очень свежа боль утраты...

Ушла ЦЕЛАЯ ЭПОХА!

Он навсегда останется в наших сердцах...

Наталья Бондаренко

ЧЕЛОВЕК МИРА

Когда Т. И. Васильева, бывший руководитель клуба «Данко», порекомендовала мне позвонить Раиму Фархади и показать ему свои стихи, я не знала о нем ничего, кроме того, что он поэт и член Союза писателей Узбекистана. Конечно, я немного побаивалась звонить.

Третью своей жизни я прожила вне Узбекистана. Поэзией интересовалась только в школе, на уроках литературы. Любимыми поэтами были юморист Александр Александрович Иванов (с которым, как я потом узнала, довольно тесно общался Раим Фархади) и Владимир Маяковский. Любимые стихи – конечно, мои. В моём окружении членов Союза писателей никогда не было. Мне казалось – они настолько заняты своим творчеством, что вряд ли найдут время прочитать мои любительские творения. Поэтому, когда Раим Хакимович сходу предложил мне поучаствовать в качестве поэта в его журнале «Родничок», я с хорошо скрываемым сомнением согласилась. Он назначил встречу в книжном магазине «Китоб олами».

В день встречи был сильный мороз, улицы в сугробах по обе стороны тротуара, а посередине – ледяная скользкая дорожка. Но он пришел. Раим Хакимович оказался стройным и хрупким мужчиной семидесяти восьми лет. Присев в уютном зале на удобные кресла в обрамлении книг, мы обменялись памятными подарками. Раим Хакимович подарил мне открытку с фотографией Ириса Светланы, с надписью «Будем прекрасными с майскими красками» и автографом, а меня заставил оставить дарственную надпись и свой автограф на первом сборнике стихов, который я ему подарила – конечно, надеясь, что он будет от них в восторге.

Писать стихи об экологии у меня все-таки не получилось, но зато мне посчастливилось работать с ним над его знаменитой книгой «Слон-автобус», которая была признана лучшей книгой 2022 года, а Раим Фархади – лучшим поэтом года. Он был очень строг и выверял каждую букву в этой книге, текст которой я набирала. Частенько я плакала от его строгих замечаний. Особенно замучились мы с буквой Ё. Мне пришлось раз пятьдесят прочитать эту толстую книгу, чтобы сменить Е на Ё. Автор каждый раз находил очередное Е вместо Ё и ругался. Я восхищалась его внимательностью. Когда книга была издана, и мы испытали чувство удовлетворения от обоюдного труда, я восхитилась: «Как Вам все-таки удавалось находить в таком огромном тексте эти несчастные пропущенные буквы Ё». Он ответил просто: «Мой планшет показывает как ошибку все Е вместо Ё». Несмотря на все шероховатости в общении при издании этой книги, для меня это был бесценный урок создания своих книг. Значение имело всё – внешний вид, расположение стихов по смыслу, несколько раз Раим Хакимович менял состав разделов. Когда дизайнер издательства принёс мне на проверку пилотный экземпляр, я спросила его мнение о книге. На его лице появилась непроизвольная улыбка, и он восхищённо сказала: «Я в первый раз вижу так замечательно сделанную книгу!». С его мнением совпало мнение руководства СП Узбекистана.

Вспоминаем Раима Фархади

В ночь, которая стоила Раиму Фархади жизни, мне почему-то захотелось пролистать эту книгу, над которой мы работали день и ночь полгода. Я нашла заложенную в неё открытку, которую он подарил мне в первый день нашего знакомства. Конечно, он уже не помнил о ней и удивился. Я прочла ему то, что на ней написано. Он был волшебником. Только с волшебниками, как говорил индейский маг Дон Хуан, могут случаться такие необычные совпадения. Это была последняя ночь, в которую я разговаривала с одним из великих людей Узбекистана. Эта открытка стала для меня символом знакомства и символом прощания с Раимом Хакимовичем.

Несколько раз по его приглашению я участвовала в заседаниях совета по русской литературе в СП. При первом же моем посещении я была потрясена переводом Раима Хакимовича стихотворения Алишера Навои. Как раз в этот год (2021) широко праздновали 580-летие со дня его рождения. Я слушала и еле сдерживала слезы – настолько глубоко и гармонично Раим Хакимович передал мировоззрение Алишера Навои, настолько пророческими и современными были идеи, давней приверженкой которых я являлась, осознавая в чем-то вредное направление развития цивилизации. Конечно, в этом и был талант поэта, которого не знакомые с его творчеством люди считали детским – в полном погружении в любую деталь нашей богатой событиями, эмоциями и информацией реальности – и в мудрость великих поэтов предыдущих веков.

«Я корпел допоздна за рабочим столом...» – когда-то написал наш любимый поэт. В такую же последнюю ночь – ах, если бы я знала, если бы могла... Много чего я могла бы сказать ему на прощанье... В последний раз выразить восхищение, которое вызывали у меня его стихи – простые при первом чтении, и такие многозначительные при втором! Которые хочется читать и перечитывать, учить их наизусть. Хотя при каждом удобном случае, зная, что для поэтов признание читателей – как чаша родниковой воды – старалась своими неуклюжими словами выразить своё поклонение перед его талантом, мудростью, энциклопедическими знаниями, добротой и человечностью, которые читались между его лаконичных, эмоциональных, гениальных строк и всплывали при личном общении.

Казалось, всю его жизнь от рождения до смерти, высшие силы вели его по самым значимым для человечества дорогам, от одного гения к другому, от одной великой книги к другой, показывали ему всё самое лучшее, что есть на Земле – природу, детей, животных, необыкновенно талантливых, умнейших людей. Его всепрощение, как отпущение грехов Иисусом, не мешало ему все-таки по мере возможности бороться с дискредитацией узбекской литературы графоманами, публично называющими себя поэтами, и дельцами от поэзии.

Удивительная работоспособность Раима Хакимовича казалась результатом встроенного вечного двигателя. Трудно перечислить все направления его общественной деятельности. Ежедневные уроки по искусству со школьниками, творческие поездки по Узбекистану, выступления на литературных мероприятиях, председательство в жюри на международных конкурсах, общение с писателями и поэтами из других стран, оценка произведений начинающих авторов, которые заваливали его своими книгами в надежде стать членами Союза Писателей ...

Его ответственность, дотошность и творческий подход к выполнению любого дела вызывали у меня белую зависть. Я считала его своим учителем, созидательность мысли которого была недостижима. Как главный редактор интернет-альманаха «Слово», он тщательно контролировал его качество, читая и оценивая все присланные авторами

Вспоминаем Раима Фархади

литературные произведения, не жалея на это своё бесценное время, которое мог бы потратить на создание своей новой книги, для которой давно было придумано ёмкое название – «Тысяча Лун» – как вершины его поэтического творчества. За несколько месяцев до смерти он начал эту работу – изучал свои рукописные архивы со стихами, некоторые перерабатывал, некоторые набирал для печати и частично нас с ними знакомил. Эта книга была бы подарком не только Узбекистану, но и всему миру, всем почитателям его таланта.

Часто общаясь с ним по делам альманаха, я каждый раз умоляла его хотя бы полчаса в день посвятить написанию своих мемуаров. Его философский ум и феноменальная память могли бы одарить и облагородить человечество глубоко осмысленным и прочувствованным историческим трудом скромного, но гениального человека. Раим Хакимович был знаком с самыми известными политическими, научными и литературными деятелями прошлого века, века расцвета советской литературы. Его предки были влиятельными людьми в Узбекистане, а возможно, и не только. Когда я предлагала ему написать автобиографический роман, он говорил: «Вот Вы и напишите». К сожалению, я понимала, что никто, кроме него самого не смог бы это сделать так ценно, как он – с его умом, точным и выразительным литературным языком, с его глубоким абстрактным осмыслением событий, свидетелем, а иногда и участником которых он был.

Как всегда, добрые волшебники покидают нас слишком рано. Наверное, потому, что они отдают всего себя без остатка нам, часто неблагодарным и не понимающим, какое благотворное влияние они оказывают на нас. Понимание их чарующего волшебства приходит к нам с каждым воспоминанием о них, с каждым раздумьем об их произведениях, с каждым увековеченным их словом и улыбкой, греющей наши сердца.

«Не говорите мне: ИХ НЕТ.
Остались фотки, письма, строчки ...
Мы все заходим в интернет,
Чтоб не пропасть поодиночке».
(Раим Фархади)

Вечная память уникальному человеку и великому поэту!



Раим ФАРХАДИ

КАРДИОГРАММА

В.Б.

Зафиксирует кардиограмма;
Не вмещается сердце в груди...
Успокою его; еще рано,
Не спеши улетать, погоди.

Просьбы тщетны и увещевания;
Птицей крыльями крепкими бьет.
Приближается час расставания,
Отменить невозможно полет.

Ты поймешь, сердцу хочется воли;
Мы отложим дела на потом.
Сгусток крови моей, сгусток боли
Расцветает прощальным цветком.

Сердце вырвется, в высь устремится –
И древесные вздрогнут листки...
Тень его – за страницей страница
И стихи – до последней строки.

* * *

Земля корней –
Шумящая листва.
Иду по ней.
Рождаются слова.
Они растут, цветут,
Дают плоды.
Здесь мой приют:
Поэзии сады.



ДОМ ДЕТСТВА

По адресу: Самарканд, Багишамал –
в переводе: «сад северного ветра»,
основанный в эпоху правления Амира
Темура (Тамерлана)

Стоял наш глинобитный дом,
Похожий на аэродром.
Растает в марте снег едва, –
Над крышей зыбилась трава.
Блаженство в той траве лежать,
Дождаться ветра и бежать.
Сам не взлетишь – бумажный змей
На нитке держится твоей.
Мой змей повиснет в проводах...
И преодолевая страх,
Возьмусь я «пленника» спасти –
И взбучку мне устроит мать.
Отец с постели не вставал,
Не маршал и не генерал.
Мыл утром руки я ему,
Отцу родному своему.
Запомнил я его глаза,
Огнём горела в них слеза.
Живым вернулся он с войны
И умер дома в день весны.
К нему спешил я, встав чуть свет.
Мне было ровно десять лет...
Грустны до боли и тихи
О детстве горестном стихи.
Оттуда смотрят на меня
Четыре трепетных огня.

ИМЯ БАБУШКИ

Моим родственникам, павшим в годы
репрессий, посвящается

Из Кеша родом бабушка моя.
Что более о ней известно внуку?
Арба судьбы. Тянулась колея
Сквозь войны, мор, гибель и разлуку.
Пройдя катком над гнёздами жилыми,
Утюжило нещадно колесо.
Но сквозь асфальт сумел прочесть я имя
Любимой бабушки своей: Мехринисо.

ФОТОГРАФИЯ МАМЫ

Мама в поздние годы такую была:
Величава в своём нежно-ситцевом платье.
Золотились над ней арки и купола.
Крепло с каждой весной материнское счастье.
Родилась на Босфоре. В душе пронесла;
Довелось строки трудной судьбы сочинять ей.
Томик Анны Ахматовой возле стола.
Чтение книг называла важнейшим занятием.
И ещё бесконечно любила цветы.
Из листочков они вырастали в квартире.
Из добра и любви, из её красоты,
Той, которой всегда недостаточно в мире.
Мама! Звали Марией тебя и Марьям
На Земле, где стреляют в ночи автоматы,
И сынов прибивают к высоким крестам,
Ты целуешь сегодня их раны — стигматы...

ХОЛМЫ АФРАСИАБА

Что таят холмы Афрасиаба,
Дикою поросшие травой...
Кое-где глазурь мерцает слабо
Вперемешку с глиной и золой.
Под пластами — фрески в тронном зале,
С детства это узнавали мы.
Здесь текли ручьи, дворцы стояли.
Сколько ещё тайн хранят холмы...



Долго после страшных разрушений
Над землёй в дыму горел закат...
Строя жизни новые ступени,
Поднимался гордо Самарканд.

МУЗЫКА ДЕТСТВА

(Самарканд, 1950-е годы)
Заиграла музыка веселая
Возле рынка в центре городка.
И на зов ее иду из школы я:
Цирк приехал к нам издалека.
«Цирк приехал! Цирк приехал! Цирк приехал!» –
Радости клоочет водопад.
«Цирк приехал...» – отзовется эхом:
Город тоже, как мальчишка, рад.
Приглашает цирк гостей афишами,
Барабанит до исхода дня,
Звоном будит улицы остывшие,
Музыкой нескучною маня;
Машет на ветру цветными лентами,

Едет на зашарпанном авто...
Детям презентован цирк брезентовый,
Старый друг провинций – шапито!
Я бегу, не ощущая холода,
Силою магической влеком.
За один билет отдам всё «золото» –
Выложу пятак за пятаком.
Предвкушаю встречу с акробатами,
И арена вся передо мной –
С клоуном, джигитами крылатыми,
тиграми и женщиной-змеей!
«Цирк приехал! Цирк приехал! Цирк приехал!» –
Радости грохочет водопад.
Мячиком подпрыгивает эхо,
Голуби над городом летят.
В миг один билеты все раскуплены.
Разгорайся, тусклая заря!
Улыбайся, мир! Под хрупким куполом
Стань веселой музыкой, Земля!

МУЗЫКА ДЕТСТВА – 2

Скрипач в подземном переходе
При многих зрителях и без
В числе изысканных мелодий
Играл старинный полонез.
И это странное соседство,
Как будто кровная родня,
В моё простуженное детство
Кормило музыкой меня.
Скрипач ловил мои улыбки
И взгляд мальчиший замечал –
И сразу голос его скрипки
Ещё красивее звучал.
Он приходил всегда во фраке,
Пройдя войну, пройдя ГУЛАГ.
«Скрипач-пропойца» – это враки,
Он пил, конечно, но не так.
В берете – жёлтые копейки,
Всего лишь горстка за концерт.
На пиво это – в кои веки –
И внучке на кулёк конфет.
Не проявил тогда я смелость,
Когда нам было по пути
И по дороге мне хотелось
В футляре скрипку с ним нести.
А внученьку представьте сами,
Она, как музыка, светла,
Хрустя беспечно леденцами,
С ним рядом горделиво шла.



СЕРГЕЙ БОРОДИН. УРОКИ ИСТОРИИ

Песчаный фон... Видения времён.
Восток и Запад. Туркестан и Русь.
Творит Художник. Ясно видит он,
Что вызывает гордость, боль и грусть.
И, может быть, ещё подспудный страх
Посеян им в читательских сердцах.
Коварный враг переступил порог...
Истории уроки нам не в прок!

2008

* * *

Саиде

Не успеваем проститься,
Выбежишь ты на крыльцо.
Где-то в дороге приснится
Снова твоё мне лицо.

Будет видение кратко.
Таять, как льдинка ,начнёт.
Где-нибудь у полустанка
Поезд внезапно качнет.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Сауде

На перевале в горах лето-осень;
Красные листья, зеленые листья...
Остановиться шофера попросим,
Чтобы воды ключевой здесь напиться.

Мы на секунду одну только выйдем.
Воздух вздохнем.

Постоим над откосом.

И в серпантинах дорогу увидим.
На перевале в горах лето-осень.

Верно, другой начинается возраст.
И перевал разделяет, как веха.
“Помнишь?” –

Звучит твой нечаянный возглас.

Долгое, долгое слышится эхо...

Помню, сюда приезжали весною.
О, как тюльпаны пылали багряно.
Помню дыханье июльского зноя.
Нас обжигавшие дни саратана...

На перевале в горах лето-осень;
Красные листья, зеленые листья...
След камнепада.

Песчаная осыпь.

Стали внезапно задумчивы лица.

Надо впитать до конца эту свежесть,
Вместе испить родниковую нежность,
Чтобы сказать:

“Я люблю тебя очень!”

На перевале в горах лето-осень.



АРАЛЬСКОЕ МОРЕ УХОДИТ

Аральское море уходит
На цыпочках. Море мелеет.
Вдоль берега, как пароходик,
С утра твоё платье белеет.
Быть завтра горячему ветру.
Вздыхает стихия морская,
По камешку, по сантиметру
Подножье скалы обнажая.
Темнеет варан на бархане,
Ему здесь приволье отныне.
Шипит и разносит дыханье
Уснувшей от зноя пустыни.
Уступы остры и покаты,
Солёные травы поникли.
Щемящее чувство утраты,
И странно: к нему мы привыкли.
Наверно, мы тоже мельчали,
Шутя, улыбаясь, как прежде,
Смотрели и не замечали
Потери своих побережий.
Родная, где птичьи базары?
Где чаек твоих изобилье?
Крича, улетали гагары,
Но мы безучастными были.
А волны на отмелях синих,
Тянулись, как будто руками,
И вот отступили, не в силах
Возвыситься над берегами.
Лишь соль заблестит на ресницах,
Крупницею грустной во взоре...
Обнять торопливо.
Проститься.
Уходит Аральское море.

Декабрь 1967 года

ТАШКЕНТСКИЙ ПАРНАС

"Я не была здесь лет семьсот..."

Анна Ахматова.

Здесь жила Есенина Татьяна
И Надежда с Анною прошли.
На солёных тропах каравана
Их следы теряются в пыли.
Отыщу. Пройду до Минг-урюка,
Мимо Бодомзора, до Ходры.
Приведут деревья многоруко
В старые ташкентские дворы.
Где фонарь высвечивает лица
И поет до хрипа бедана.
Сладким ароматом плов дымится
И висит лепешкою луна.
Посреди воздушных звездных знаков
Огненно-сплетенные тела ...
Кто сказал, что не был здесь Булгаков,
Если Маргарита здесь была?!
Отбывая страшной жизни сроки,
В думах вечных о Добре и Зле,
По крупицам редкостные строки
Отыскать смогу в песке, в золе.
Вижу. Вижу солнечные своды:
Всем безгрешным душам постамент.
В сталинские каменные годы
Их Судьба спасала и... Ташкент!
В ярмарках, блужданиях, пантомимах
Десять лет пройдёт или семьсот,
И не раз еще детей гонимых
Этот город примет и спасет.

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Держит солнышко маленький шарик –
Нашу Землю за тонкую нить,
Как ребёнок, который состарясь,
Продолжает играть и шутить.
Надоели светила причуды,
Принимает людей за кого?
С ним готовы вступить в пересуды
И себя ставить выше его.



Снова рвенье борца-святотатца,
Свой огонь зажигаем в доме,
Перестали ему поклоняться
И с мольбой обращаться к нему.
Наша жизнь на Земле – это Солнце,
Светоносный родник и магнит.
Что нас ждёт, если нить оборвётся,
Шар воздушный, земной улетит...

* * *

Пока есть люди на Земле,
Ей не пропасть в холодной мгле.
Пусть нас сдувают «сквозняки»,
Пусть мы только светляки,
Соединимся, наконец,
В цепь напряжения сердец,
Питаемую правотой, –
Чтобы сразиться с темнотой.

АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

В программах земных новостей
Оскал замечаю звериный,
Когда убивают детей
И всюду – руины, руины...
Последняя мерзкая тварь
Стреляет в них из автомата.
И пули проббили букварь,
Который читали ребята.
В подвалах находят тела
Замученных ангелов божьих.
Набатные колокола,
Скорей разбудите прохожих!
Ужели пройдут стороной
И скроются в тихом подъезде...
Грядёт Страшный Суд, не иной,
Но прежде настигнет Возмездье.

ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Писать стихи учусь я у Таками*
И, может быть, грядущий критик молвит:
Мы оба в жизни слыли чужаками,
Мир идеальный вылепляя в слове.
Переживали за судьбу деревьев,
В улыбках детства счастье измеряли,
Что люди могут всё же стать добрее,
Мы никогда надежды не теряли.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

А Земля –
Человеческий дом.
Виснет ласточкиным гнездом. –
Над бескрайнею синею бездной –
Между светом
И тьмою небесной.
Глины ком.
Мы на нём...
И живём!

ТАЙНЫ ДЕРЕВЬЕВ

«Встал, словно дерево, я!»
Владимир Маяковский
Не бывает у деревьев тайн,
У деревьев души нараспашку.
А плоды поспеют – налетай! –
Отдадут последнюю рубашку.
Если срежут ветку – стерпят боль,
Укрывая в зной свою тенью...
В жизни им дана такая роль,
Догадайтесь, по чьему хотенью.
Свет весны и осени распад.
Тихий плач ночного листопада...
Ливнями умытые стоят –
В мире им другой судьбы не надо.
Люди! Рядом с ними, наконец,
Может быть, немного подобраем.
Вырастить, затем нести свой крест –
В мире предназначено деревьям.



ПЕСНЯ АИСТА

Аист – птица счастья. Птица молчаливая.
Окна, двери – настежь! Аист к нам летит.
– Где же твоя песня? – у него спросил я.
Он прицокнул клювом, будто говорит:
– Аисты когда-то много песен знали,
Все их привечали, все их в гости звали.
Аисты охотно раздавали песни,
Чтобы мир стал ярче, стал ещё чудесней.
Аисты летели. Песни их звучали.
Но однажды утром птицы замолчали.
Все они раздали, до последней песни,
И прицокнув клювом, взмыли в поднебесье.
Я и сам, родная, много песен знаю,
О цветах весенних, о родимом крае.
Чтобы мир стал ярче, стал ещё чудесней,
Я иду по свету, раздавая песни.
Радостную песню отдаю влюблённым,
Раздаётся в песне нежный звон венчальный.
Песню о просторе – людям окрылённым,
Песню-ожиданье – матери печальной...
Птицы пролетают где-то в поднебесье.
Всё отдам я людям, до последней песни.
А когда однажды петь я перестану,
Аистом я стану, аистом я стану.
Аист – птица счастья, птица молчаливая.
Окна, двери – настежь! Аист к нам летит.
Подарю тебе я песню, моя милая,
О судьбе нелёгкой белокрылых птиц.

УРОКИ ЖИЗНИ

Не ищите виноватого,
Чтобы разом всё решить,
Научитесь, как Ахматова,
Честно, просто, мудро жить.
Даже если всё потеряно
И дышать невмоготу,
Пейте молча, словно дерево,
Взором Неба чистоту.

ПРОСТОЕ ДЕРЕВО

Я слушаю, как дерево растёт.
Как сладостен восход его соцветий.
Как, созревая, тяжелеет плод.
Как листья падают. Как умирают ветви...
Оно читает проповедь добра,
И утверждает истину упорно,
И не боится стука топора,
Огонь вселенский собирая в зёрна.
То дерево – и суть его чиста.
И не лежит на нём ничьё заветье.
Живым оно похоже на Христа.
А мёртвое похоже на Распятие.

ВЕРБЛЮД

Верблюд, утоляющий жажду в пустыне,
Где даже рассветы сухи и горьки,
Забыв о потомственной царской гордыне,
Находит в колючих кустах стебельки.
В них ценность превыше алмазов и злата,
Какую другим не понять никогда.
И мудрость верблюда – достойная плата
За то, что зовётся здесь кратко «вода».
Её добывает он каплю за каплей,
Всем телом к песку припадая почти,
Чтоб силы в суровом пути не иссякли,
И, долг свой исполнив, до цели дойти.
Упорство верблюда тебе непонятно,
Но жизнь – это вечно терпенье и труд.
И может проверить судьба многократно
Твоё утвержденье, мол, ты не верблюд.



В ДОРОГЕ

Уезжаем, улетаем, убегаем,
От судьбы бежим иль за судьбой.
Что ещё найдём, что потеряем,
Календарь листая отрывной.
Станет ли чужбина тёплым домом,
Будет хлеб ли так же сладок в нём.
Привыкая к людям незнакомым,
Жизнь свою мы заново начнём.
Языки чужие и понятия
Неизбежно предъявляют счёт.
И святой завет: все люди – братья –
Нас в пути не раз ещё спасёт.
Нелегко лететь пернатым стаям,
Покидая гнёзда в листопад.
Но известно им, что мы не знаем...
Вновь они весною прилетят.
В небесах ведомы вечным зовом
И другим не веря чудесам,
Воротятся к родовым гнездовьям,
Завещая кров родной птенцам.

СВЕЧЕНИЕ ЖИВОЕ. ТРИПТИХ

Дочкам

Лучистости учиться у цветов,
С тем же старанием,
Как цветы у солнца.
Исчезнет всё, но спорить я готов:
Свечение живое остаётся.

Бывают дни – хандра и мелкий дождь.
Грустит журавль у старого колодца...
Испей воды студёной – и поймёшь:
Свечение живое остаётся.

Расстались мы.
Но сквозь пространства лет
Я вижу вдалеке твоё оконце.
И в нём до боли близкий силуэт...
Свечение живое остаётся.

ГЛАВНЫЕ СЛОВА

Их знают люди и растенья,
И в трелях сыплют соловьи,
Земля их слышит и Вселенная.
У всех свои Слова Любви.
Наш бранный мир преображается
И радуги торят пути,
Когда влюблённые решаются
Эти слова произнести.
Но если их предать забвению,
Сжигая близости мосты,
Людей, и Землю, и Вселенную
Охватит ужас немоты



Михаил ШАИНСКИЙ

НОЧЬ В ДЮНАХ

Памяти **Раима Хакимовича Фархади**

посвящается

Эмили сидела перед компьютером и искала видео продюсера. У нее давно была мечта сделать видеоклип своей песни, где она бы сбегала с белоснежных песчаных дюн в открытом ярко-красном платье, и ее руки были бы воздеты к небу. Да, какое зрелище!

Но как известно, своей музыкой особо не заработаешь, если ты никто и зовут тебя никак. Так что, пока приходилось зарабатывать на чужой – и она работала, как и миллионы других людей в мире, отложив мечту на дальнюю полку. Девушка исполняла разные песни, но не те, которые сама сочиняла и которыми жила, а популярные песни, которые нравились публике. Один уикенд – в ночном клубе, другой – в баре; то в составе различных групп, то одна, аккомпанируя себе на фортепиано или синтезаторе. В сезон даже ездила в круизы на огромных лайнерах и развлекала отдыхающих там. Публика всегда была в восторге от ее голоса и внешности, и умения зажечь. Хлопали много, но на этом все заканчивалось. Серьезными заработками не пахло.

И вот настал день, когда Эмили решилась.

– Черт с ним, – подумала она, – пусть будет нечем платить за аренду квартиры, но клип я сделаю!

Студийная запись песни была готова уже почти год назад и ждала своего часа. После нескольких дней поиска и переписки с разными людьми, её внимание привлекло одно объявление. Хотя чаще всего она пропускала те, в которых не было фотографии автора, здесь ей понравились краткость и уверенный тон. Она прочитала его еще раз. Хм... «Студент четвертого курса кинематографического факультета Университета Нью Мексико с удовольствием снимет для вас видео, которое люди захотят смотреть опять и опять. Это качество любого хита, не правда ли?» И все.

Через несколько дней автор объявления заехал за ней домой, как и договорились, ровно в восемь утра. Рановато, конечно, для творческих людей, но в апреле светлое время суток еще относительно короткое, а надо было за один день отснять материал.

Они направлялись в Национальный парк Белые Пески в американском штате Нью Мексико.

Ее оператор оказался смуглым высоким brunetом, в красивом мужественном лице которого немного угадывались азиатские черты. Почему-то сразу в разговоре по телефону он ей внушил доверие, и она чувствовала себя в безопасности.

– А почему в твоём объявлении нет фото? – спросила Эмили.

– Представь себе, сапожник без сапог...нет нормального фото, – засмеялся он.

– Ну, может, в Белых Песках сегодня сделаем, – сказала она. – Будет классно.

От Альбукерке до Национального парка было три с половиной часа пути. Южная часть штата, граничившая с Техасом, была довольно пустынной, и лишь в некоторых местах с хайвэя проглядывал зеленый оазис, который тянулся вдоль главной водной артерии региона, реки Рио-Гранде.

В разговоре время летело незаметно. Они обсуждали детали предстоящей съемки, придумали что-то наподобие сценария и просто болтали, иногда прерываясь, чтобы полюбоваться красивыми местами.

– Так, значит, ты учишься и подрабатываешь на видеосъемках? – спросила Эмили.

– Не только. Еще работаю водителем грузовика. Развожу посылки по всей стране.

– Водителем? Так ты же вроде кинорежиссер.

– А мне нравится. В этих поездках ты один, сам по себе, ничто тебя не отвлекает, видишь много красивых мест, природу. Ну, и снимаю кое-что...будет материал для фильмов.

Баха, так звали попутчика Эмили, снимал скромную квартирку в рабочем районе Альбукерке, откуда он проезжал пару миль до Университета на велосипеде с рюкзаком за плечами. Ему нравилась такая простая и самодостаточная жизнь.

– Давай остановимся вот на этой заправке, – сказала она. – Здесь отличный кофе и чистый туалет.

Они съехали с хайвэя в маленьком городке Каризозо на одну из двух имеющихся здесь заправок. Она была как бы квинтэссенцией американской глубинки. На заборе напротив неё в лучах весеннего солнца нежилась кошка, а по дороге важно прогуливался чей-то индюк.

Приветливая хозяйка заправки, поглаживая примостившуюся возле нее немецкую овчарку, спросила у них, откуда и куда они едут, и сказала, что сейчас заварит свежий кофе.

– Мне ужасно нравятся такие места, – сказала Эмили, выйдя на улицу и делая растяжку под навесом.

– Ты имеешь в виду заправку?

– И заправку, и городок. Они простецкие и очень настоящие.

На подъезде к Белым Пескам Эмили и Баха остановились в Центре для посетителей. Это был последний островок цивилизации перед въездом в национальный парк.

Дальше начинались песчаные дюны. Через короткое время асфальтированная дорога закончилась, и они поехали по утрамбованному машинами песку. По сторонам появлялись смотровые площадки. Пустынных растений, цепко прикрепившихся к песку, становилось все меньше и меньше, а вскоре они исчезли совсем.

И вот их взгляду открылась бесконечная белая равнина, обрамленная высокими белоснежными дюнами. Некоторые были высотой с пятиэтажный дом. Тишина была завораживающая. Ощущение покоя и умиротворенности пронизывало белое пространство, насколько хватало взгляда. Они припарковали машину на изгибе дороги, вдоль которой на равном расстоянии друг от друга стояли одинаковые металлические столы со скамейками и рядом – такие же одинаковые металлические круглые мусорные баки, накрытые крышками на цепях.

– Видно, чтобы не сдуло ветром, – подумал Баха.

Рядом расположились несколько одинаковых туалетных кабинок. Возле некоторых столов толпились люди. Семьи с детьми, пары, в основном, молодежь. Они разложили свои вещи, и кое-кто перекусывал. Из школьного автобуса вдалеке высаживалась стайка детей, которые сразу же бежали к дюнам.



Баха с Эмили тоже сели к столу и достали привезенные с собой сэндвичи и воду.

– А где ты будешь переодеваться? – спросил Баха. – В машине или там, наверху?

– Хм...интересно...а как ты думаешь, где лучше? Наверное, наверху...в сарафане туда не очень залезешь... – сказала Эмили.

Обговорив последние детали съемки, они достали из машины аппаратуру, штатив, небольшое покрывало, которое Баха прихватил с собой из дома, чтобы не класть все на песок, и, сняв обувь, стали подниматься вверх по крутому склону дюны. Баха нес всю видеотехнику в рюкзаке за плечами, а Эмили – пакет со своим сарафаном.

– Пошли до самого верха, посмотрим, где какой вид и откуда тебе лучше сбегать, – предложил Баха.

Белый как сахар песок осыпался под ногами, и карабкаться приходилось медленно. Дождей в пустыне уже давно не было, песок был абсолютно сухой. Светило яркое солнце, в небе не было ни единого облака. Дойдя до вершины дюны, они остановились и стали осматривать пространство вокруг. Подъем у них занял больше получаса.

У дюны было три отчетливых склона: тот, по которому они поднялись от дороги, самый крутой, и два других, которые расходились примерно под углом в сорок пять градусов; один из них более длинный и пологий с рыхлым песком, а другой – короче и немного круче. Так как этот склон находился с подветренной стороны, песок здесь был приглаженный и не такой рыхлый. Вот его-то они и выбрали для съемок.

Баха стал устанавливать камеру на штатив.

– Ну здесь, похоже, никого нет... школьники внизу играют в песочке...Ты поглядывай, а я переоденусь, – сказала Эмили.

– А, не-ет... вон там какие-то люди, смотри, видишь, вон... далеко, – показала она рукой.

– Ну, оттуда вряд ли видно... разве что в бинокль... Знаешь, давай я вот так встану, к тебе спиной, разверну покрывало, а ты переоденься.

Быстро переодевшись в то время, как Баха ловко натягивал покрывало в такт с небольшими порывами ветра – будто опытный матрос управлялся с парусом, Эмили сказала, смеясь: «Ну вот видишь, эстрадно-цирковое училище не прошло даром».

Пока они сюда ехали, Баха сообщил, что в далеком Ташкенте он закончил эстрадно-цирковое училище по классу гитары, а вскоре уехал искать удачу в Америке.

Он рассказал Эмили, как сначала работал на всяких низкооплачиваемых работах, поделился впечатлением от первой ходки на лимузине, с которым он не успел освоиться. Управление лимузином основывалось на кнопках, а он не знал, как подвинуть водительское сидение и ехал по хайвэю, прижатый почти вплотную к рулю. Чтобы отодвинуться, ему пришлось обшарить всю кабину, пока он не нащупал нужную кнопку. Но на этом его стресс не закончился. Уже темнело, а он не знал, как включить фары. Дама, вальяжно развалившаяся на диване сзади, стала его спрашивать, почему, мол, фары не включает. А он ответил, что, мол, всегда так ездит... привычка такая дурацкая, никак не может от нее избавиться. Он видел в зеркало заднего вида, как дама начала заметно нервничать, визгливо покрикивая на своего сиамского кота Томми, который носился кругами по всему салону, как скаковая лошадь, останавливаясь после каждого круга возле хозяйки, видимо, требуя аплодисментов. Уже почти полностью стемнело, как вдруг фары сами включились.

Баха рассказал, как на грязной кухне итальянского ресторана «Мальчики из Сицилии», в котором он работал на доставке еды клиентам вечерами, после дневного

колледжа, хозяин, воображавший себя итальянским мафиозо, кричал на свою любовницу-официантку в ответ на ее обвинения в неверности: «Я не спал со своей женой, ясно!?» Ну, только слова были поувесистей.

Рассказал и о том, как вышагивал по сорокоградусной жаре в застегнутой по уставу на все пуговицы униформе охранника вокруг банка, который так никто и не ограбил. «И грабителей можно было понять, – пошутил Баха. – В такую жару да без кондиционера, здесь за пять минут вся нация вымрет, а не то, что банк грабить!»

Одним словом, он отведал свою ложку дегтя.

– Внимание! Мотор! – сказал Баха, когда в объективе камеры показался красный сарафан Эмили. – Поехали.

Сбегая со склона дюны, Эмили поначалу больше скользила, как на лыжах, но после нескольких дублей она приноровилась выдергивать ноги из песка быстрее, не давая им проваливаться. Когда ямки от ног Эмили покрыли весь склон дюны, пара перешла на соседнюю, а потом – на другую.

Вставив в ухо наушник и сбегая вниз, Эмили пела под фонограмму своей песни. Когда успевала спеть только первый куплет, когда немного припева тоже. Сбегая в следующий раз, пела второй куплет, и так они отсняли все части песни.

Когда было снято достаточно дублей, Баха с Эмили присели на покрывало и достали из рюкзака по бутылке воды. Они были, как говорится, уставшие, но счастливые.

– Я думаю, у нас есть около получаса до темноты, – сказал Баха.

– Да, надо уходить. Смотри, какой ветер разыгрался! Хорошо мы с тобой поразмялись.

– Особенно ты.

И действительно, лицо Эмили было покрыто румянцем, а глаза блестели от воодушевления.

Она переоделась. Солнце медленно, но неуклонно приближалось к горизонту. Уже несколько часов дул приличный ветер, становясь все сильнее. Но пока Баха с Эмили были увлечены работой, они этого не замечали. Иногда порывы были такие сильные, что надо было стоять, широко расставив ноги, чтобы не упасть.

Поднявшись на самую вершину дюны, они осмотрелись. Далеко внизу виднелись металлические столы со скамейками. Ни за одним из столов никого не было. Только вдалеке две небольшие группы людей, из-за расстояния казавшихся размером с мурашей, грузились в машины. Их же машины нигде не было видно.

– Давай спустимся и по твердой дороге пойдем искать нашу машину, – сказал Баха.

– Все лучше, чем по дюнам ковылять.

В высокой пустыне большой контраст между дневными и ночными температурами и с заходом солнца очень быстро становится холоднее.

Баха нес за плечами рюкзак, временами поддерживая рукой Эмили. Так они медленно, чтобы не упасть, спустились на песчаную дорогу. Темнело. Вокруг не было ни души. Было тихо, и в прозрачном воздухе видно, как на горизонте, быстро уменьшаясь, висело оранжевое зарево.

– Что-то нашей машины не видать, – сказал Баха. – Пошли тогда прямо, мы же ее возле дюн припарковали.

– Да, похоже, мы по дюнам далеко ушли, – откликнулась Эмили.

Они двинулись по дороге, глядя на обочину, где была кромка дюн. Ветер сделал до этого покатые формы дюн причудливо изогнутыми, то местами вздымающимися почти



вертикально, то совсем пологими. Этот безвестный ваятель, который за миллионы лет, вместе со своими подручными – водой и тектоническими силами – создал каньоны, отшлифовал горы и русла рек, трудился без усталы, и в наступившей кромешной тьме, как смена декораций на сцене, происходило что-то загадочное и манящее.

По мере того, как они шли вдоль дюн, Баха нажимал кнопку на дистанционном пульте от машины, направляя его в их сторону.

– Может, где заморгает.

– А звук она у тебя не издает, когда открываешь или закрываешь? – спросила Эмили.

– Нет, только мигает три раза. Раньше был сигнал тоже, но я отключил, чтобы не будить соседей.

Когда Баха с Эмили дошли до развилки, где кончались столы и дорога уходила глубоко в дюны, они остановились. Баха положил на землю рюкзак.

– Ну, угнать машину не могли же, – сказал он. – Может ее засыпало песком? Разве что по этой дороге есть такой же изгиб с другой стороны дюн, и там точно такие же столы? Тогда она там.

– А давай посмотрим карту, я в Центре для посетителей взяла...

Баха включил фонарик на мобильном телефоне, и они стали смотреть.

– Нет, здесь столы нигде вообще не обозначены. Идем, посмотрим.

Ежась от холода, они двинулись дальше.

Через минут двадцать дорога кончалась. В тупике ее полукругом обступили белесые дюны, толпясь и натываясь друг на друга за призрачной вуалью ночи. Еле различимый в темноте знак показывал, что на выезд из парка надо было повернуть направо.

– Похоже, что там единственное место, где есть столы, – сказал Баха. – Пошли назад.

Вернувшись на исходную позицию, они в изнеможении сели на холодную скамейку за холодный стол. Баха вытащил из рюкзака половинку сэндвича, которая у него осталась с ланча, и разломил пополам. Подвинув Эмили половинку, он вынул из рюкзака начатую бутылку воды и поставил ее посередине.

– Вот все, что осталось, – сказал он, – если не брезгуешь. – В машине полно воды, но где она?

Посмотрев на свой телефон, Баха сказал: «Нет приема. Черт! А то бы вызвали ААА*». Эмили посмотрела на свой: «У меня тоже ничего».

Они замолчали. Каждый думал о своем.

Первым паузу прервал Баха.

– А знаешь, давай возьмем штатив и будем им тыкать в дюну у дороги. Может, так найдем.

Они оставили рюкзак на столе и пошли к кромке дюны.

– Пусть ориентиром будет этот стол, где наш рюкзак, – сказал Баха. – Давай сначала вправо от него, а если ничего не найдем – влево. Вот, если мы приехали вон оттуда, значит запарковались мы где-то в районе этих столов. Я помню, что это было не в самом начале, где столы начинаются, но и не в конце.

Была кромешная тьма, и только тревожно поблескивал песок да звезды мерцали в небе. Даже луны не было видно.

Они двинулись на поиски машины. Вскоре у них выработалась тактика: они, тыкая штативом в песок, немного вертикально поднимались на дюну, шагов на десять, проходили

* ААА – Американская Автомобильная Ассоциация, членство в которой позволяет, кроме всего прочего, вызывать бесплатно техпомощь.

там шагов пять по горизонтали и спускались снова к кромке. После нескольких таких заходов Эмили предложила: «Если найти какую-нибудь палку, тогда я тоже могла бы тыкать, и дело пошло бы в два раза быстрее».

Когда они спустились в очередной раз к основанию дюны, Баха огляделся. Никаких палок вокруг, даже намек не было. Тогда он взялся обеими руками за штатив и стал отламывать от него одну из трех ножек. «Вот, будет тебе орудие».

Теперь каждый из них очерчивал более узкий участок, примерно в половину ширины машины, и вероятность ее пропустить уменьшилась. Кое-как, втыкая штатив на всю его длину в песок, они таким образом часа за полтора избороздили половину намеченного участка. Подниматься выше не имело смысла, т.к. даже если бы машина была там, их «зонды» ее бы не достали из-за толстого слоя песка над ней. Да и как бы они ее оттуда вытащили?

Уставшие Баха и Эмили сели на песок. Было холодно, и сидя без движения, они это почувствовали еще отчетливее.

– Если не найдем, – сказал Баха, – можно пойти пешком до выхода из парка и в Центр для посетителей. Правда, туда, наверное, идти с час.

– А зачем? – спросила Эмили.

– Да там или прием на телефоне появится, или, я видел, там есть телефон-автомат снаружи... позвоним в ААА... Может, они пришлют техпомощь и мы найдем машину и откапаем...

Они встали и снова взялись за поиски. Ими двигали одновременно азарт и холод. Казалось, вот-вот их орудие упрется в крышу машины, но этого не происходило.

До конца ряда столов оставалось метров пятнадцать, как вдруг Баха закричал:

– Есть. Вот она.

Эмили, с трудом переставляя ноги по песку, подбежала к нему.

– Вот! – Баха потыкал обломком штатива в песок.

Он немного погружался, но дальше не шел. Похоже, действительно упирался во что-то твердое. Взяв штатив наперевес, как лопату, Баха стал им разрывать песок. Эмили светила телефоном.

Через несколько минут в свете фонарика что-то блеснуло. Баха нагнулся и озябшими руками вытащил из песка... БУТЫЛКУ!

Да, это была обычная стеклянная прозрачная бутылка, видно из-под какой-то воды. Этикетки не было, и она была закрыта накручивающейся металлической пробкой. Внутри виднелись какие-то бумажки.

– Черт побери... Дети, что ли, зарыли? – сказал Баха. – Которые из автобуса...

– Это какое-то издевательство, – сказала с усталой улыбкой Эмили. – Искали машину, а нашли бутылку... да если бы еще с виски.

Они стояли посередине огромных дюн и смеялись в голос. В этом смехе были одновременно и физическая усталость, и нервное напряжение, и запал молодости, открытой для любых приключений.

В тишине поднебесья только звезды, молча открывая беззубые рты, вторили им.

Баха хотел выбросить бутылку, но Эмили его остановила: «Может, там что-то интересное».

Они спустились и сели за «свой» стол. Ноги гудели. У них оставалось еще немного воды, и они ее по очереди допили.



Дул сильный ветер, и Эмили ежилась. Заметив это, Баха придвинул к себе рюкзак. Только он успел его расстегнуть и ухватить покрывало, как в крошечной тьме на дороге метрах в тридцати от них показались два зеленых глаза.

Замерев, Баха стал пристально смотреть в ту сторону. Почувствовав что-то неладное, Эмили, ежась от холода, стала тоже туда смотреть.

– О, боже, – вымолвила она, содрогаясь, – это двое одноглазых или у него глаза на таком расстоянии?!

Они замерли и стали неотрывно следить за глазами. Глаза тоже замерли. Не было никакого движения ни с той, ни с другой стороны.

– Похоже, что это что-то огромное, – сказал шепотом Баха.- Видишь, глаза сдвинулись с места одновременно.

Два зеленых глаза определенно направлялись к ним. Медленно, но верно. И действительно, глаза были на таком расстоянии друг от друга, что могли принадлежать разве что мамонту, или ихтиозавру.

И вдруг, в отблеске осмелевшей звезды мелькнуло ОНО. Два зеленых глаза теперь были укомплектованы с туловищем огромного койота с приоткрытой огромной пастью, из которой стекала пена.

– Боже мой, – прошептала Эмили.

Они встали со скамейки.

– Ничего, не волнуйся, – взяв ее за руку, сказал Баха, не отрывая взгляда от чудовища.

Тем временем Большой Койот медленно продвигался к ним. Баха повертел в руках штатив, но осознав, что от него толку будет мало, достал из кармана на штанине автоматический складной нож. Его острое лезвие сантиметров в пятнадцать блеснуло сталью.

Койот продолжал приближаться, и расстояние между ними катастрофически сокращалось.

Тихо, чтобы не испугать Эмили, Баха сказал:

– Я читал, что когда-то индейцы ушли из этих мест из-за этого Большого Койота, и там было написано, что они не могут ходить по песку... Идем медленно, без паники к дюнам, и...

Он не успел закончить, как Большой Койот одним прыжком сократил расстояние между ними шагов до десяти. Его зеленые глаза горели как огни светофора, он хрипел, и белая пена текла из пасти в предвкушении трапезы.

Баха начал неистово вертеть перед собой штативом, совершая круговые движения, как каратист своими палками на веревках, и громко кричать что-то по-узбекски. Большой Койот остановился, и у него закрылась пасть.

– Ага, испугался?! – проговорил Баха, придав тем самым Эмили уверенности.

Пара стала медленно пятиться. Баха продолжал крутить перед собой штативом и кричать изо всех сил. Похоже, на Большого Койота эта уловка действовала. Вероятно, он такого никогда не видел и не знал, как реагировать.

Когда расстояние между ними немного увеличилось, Баха тихо скомандовал: «Бежим на дюны!» Они сорвались с места, и через несколько секунд были на песке близлежащей дюны. Большой Койот, сотрясая окрестности, пустился за ними вдогонку. «Может, в легенде неправда, что они по песку не ходят?» – содрогаясь, спросила Эмили.

Они продолжали карабкаться вверх по почти вертикальному склону.

Иногда поворачиваясь в его сторону, пара в ужасе видела зеленые лазеры, нацеленные на них. Но покрыв в несколько прыжков расстояние до кромки дюны, Большой Койот остановился. Пара застыла тоже. Они смотрели друг на друга. Большой койот на них, а они на него.

– Видишь, правда, что они по песку не ходят, – тихо, но внушительно сказал Баха.

Эмили в ответ сжала его руку. Они продолжали подниматься, держась за руки. Чем выше, тем ветер становился сильнее. В один момент Эмили, вскрикнув, пошатнулась, чуть не упав, но Баха крепко держал ее за руку. Они остановились, чтобы перевести дух. Большой Койот по-прежнему стоял у кромки дюны. Баха на мгновение отпустил руку Эмили, чтобы поправить бейсбольную кепку, которую ветер упрямо пытался сдуть с его головы. В этот момент сильный порыв ветра сбил Эмили с ног, и она покатила вниз. Баха кинулся за ней.

– Держись! Я сейчас, – кричал он.

Но Эмили, как снежный ком, скатывалась прямо в пасть Большому Койоту. Расстояние между ними сокращалось так быстро, что даже если бы Баха бежал по твердой поверхности, он бы все равно не успел. И он, сев на песок, покатился вниз, помогая себе ногами, как на санках. Эмили уже почувствовала горячее дыхание из пасти Большого Койота на своем лице, как вдруг Баха схватил ее за руку и из-за всех сил дернул вверх.

– Беги! Наверх! – крикнул он и стал тянуть ее за собой.

У кромки дюны Большой Койот храпел и подпрыгивал. Земля дрожала, его зеленые глаза горели и из огромной пасти ручьем текла пена.

Поднявшись на безопасное расстояние, пара остановилась. У Эмили от стресса и холода зуб на зуб не попадал. Оглядываясь на беснующееся внизу чудовище, они снова стали подниматься. Так они дошли до вершины дюны.

Зеленые глаза на расстоянии теперь казались двумя крошечными точками, и, как и вначале, не двигались. Баха и Эмили неотрывно смотрели в их сторону. Через некоторое время, зеленые глаза развернулись и стали удаляться от дюны, а вскоре и вовсе исчезли из вида.

Пара в изнеможении села на холодный песок. Их план пойти пешком до Центра для посетителей и вызвать техпомощь провалился. Здесь, на сыпучих дюнах Большой Койот их не достанет. Надо было ждать утра. Они сидели в полной тишине, которую иногда нарушали лишь завывания ветра. Эмили дрожала, как осиновый лист.

– Пойду принесу рюкзак, там покрывало, – сказал Баха, вставая.

– Ты с ума сошел! – заикаясь от дрожи, воскликнула Эмили. – Там же ОН!

– Ну и черт с ним! Иначе ты здесь окоченеешь.

Баха нащупал в кармане нож, взял штатив и, опираясь на него как на палку, пошел вниз. Внимательно осматривая пространство вокруг дюн, он медленно спускался. Подойдя к кромке дюны, он остановился и еще раз пристально посмотрел по сторонам. Зеленых глаз нигде не было. Баха прыгнул на дорогу и побежал к столу, на котором все так же стоял рюкзак. Его отделяло от цели всего с десятков шагов, как вдруг сзади раздался хрип. Баха остановился, как вкопанный, и медленно, как в замедленной съемке, развернулся. За ним, в свете проглянувшей луны, отрезая путь к отступлению стоял Большой Койот. Казалось, что он улыбался. Два зеленых глаза смотрели прямо на Баху, и из открытой пасти текла белая пена.

– Бежать? Но покрывало! Эмили замерзнет! – Баха подскочил к столу и схватил рюкзак.



Развернувшись, он увидел, что Большой Койот стоит на том же месте, не двигаясь. Тогда Баха стал пятиться в противоположную от дюн сторону. Койот не двигался. Баха остановился. Затем сделал несколько шагов по направлению к дюнам. Чудище сдвинулось навстречу ему. Баха стал снова пятиться. Койот стоял на месте.

– Он мне не дает идти к дюнам, – промелькнуло у Бахи. — Значит, мозги есть. Но без души получают вот такие монстры.

В этот момент откуда-то сверху раздался женский крик. Баха поднял глаза. С дюны в лунном свете, размахивая руками, спускалась Эмили. Ее крики привлекли не только его внимание. Большой Койот тоже повернул голову на этот странный звук.

Как только зеленые лазеры на мгновение ушли, Баха в спринтерском рывке в считанные секунды оказался у кромки дюны. В тот момент, когда одна его нога уже была на сыпучем песке дюны, он почувствовал что-то мокрое на щиколотке другой ноги. Кровь? Нет, это была пена, которая как из брандспойта текла из пасти чудища. Баха молниеносным движением вытащил из кармана нож, нажатием кнопки открыл лезвие и изо всех сил вонзил его в морду Большого Койота. Тот захрипел и стал топтать огромными лапами, сотрясая окрестные дюны. Но Баха уже был в безопасности.

Поднявшись немного наверх, он встретил Эмили, которая, запыхавшись, падая и вставая, спускалась к нему. Они обнялись. Их сердца отчаянно колотились.

Придя немного в себя, пара стала подниматься прочь от Большого Койота. Две тени шагали по холодному песку – он, немного согнувшись под рюкзаком, и она, завернувшись в покрывало – и прокладывали себе путь к звездам.

Когда они взобрались наверх, Баха в изнеможении бросил рюкзак на песок и оглядел пространство внизу.

– Ну, вроде ушел...шакал паршивый. Садись на рюкзак, – сказал он все еще дрожащей Эмили, бережно и успокаивающе коснувшись ее плеча.

Она села. Баха обошел ее вокруг и поправил покрывало так, чтобы не было щелей, откуда бы задувал ветер.

– Нет у нас ни еды, ни воды, – сказал он, – хотя, подожди...

Баха просунул руку в наружный карман рюкзака и вытащил оттуда пачку фисташек.

– Вот, держи, – сказал он, протягивая ее Эмили.

Она отсыпала себе небольшую пригоршню и хотела отдать пачку Бахе, но он отстранил ее руку.

– Это тебе...ты голодная.

Она молча и благодарно улыбнулась.

– Этот парень такой добрый и заботливый. И мужественный. За ним как за каменной стеной, – подумала Эмили.

Баха стоял у основания дюн, не подвластный ветру, и осматривал окрестности. Зеленых глаз нигде не было видно. Он положил штатив на песок и сел на него, скрестив ноги по-турецки. Они молчали, каждый внутри себя, переживая только что происшедшее.

Эмили, видимо, начала согреваться. Из-под покрывала торчал только кончик ее носа. Ее дрожь прекратилась. Было по-прежнему тихо, лишь ветер порой завывал в резких порывах. Баха иногда вставал посмотреть, не появились ли зеленые глаза.

Так прошла пара часов. Они часто клевали носом, но тут же вскидывались, чтобы не упасть в песок.

– Ты вот сам предложил за мной заехать. А мог бы, например, сказать, чтобы я к тебе приехала...и что поедет сюда на моей машине. Ты какой-то... другой. – Очнувшись в очередной раз, спросила Эмили.

– Ташкентская закваска, – сказал Баха.

Помолчав немного, Эмили усмехнулась: «А здорово ты крутил штативом перед чудищем».

– Как сказала одна моя знакомая, эстрадно-цирковое училище не прошло даром, – с улыбкой сказал Баха.

В какой-то момент Эмили окончательно пробудилась и начала ерзать на рюкзаке, стараясь сесть поудобнее.

– Что, устала так сидеть? – спросил Баха, открыв глаза.

– Да что-то там такое...твердое. Сидеть неудобно.

Баха встал: «А ну-ка, встань... дай, посмотрю». Он открыл рюкзак и вытащил оттуда предмет, который сверкнул холодным блеском в прорезанной половинкой луны темноте. Это была бутылка.

– А, это же наш клад! Может, это послание от детей, – сказал он, рассматривая их находку.

Леденеющими на ветру руками он открутил пробку. Эмили устроилась поудобнее на рюкзаке и с любопытством выглядывала из-под покрывала. Баха начал трясти бутылку, и когда кусочек бумажки показался из горлышка, зацепил его пальцами и стал осторожно тащить. Это оказалась сложенная гармошкой лента из тонкой, но прочной бумаги, типа той, которую используют для выпечки. По мере того, как он ее тянул, гармошка раскрывалась и становился виден написанный от руки текст. Он посветил фонариком на телефоне.

– Какие-то записки! – Он прочитал вслух. – Нашедший это, прочти и оставь другому. Хочешь почитаю?

– Давай. Всё веселее будет

Баха кивнул и начал.

Письма с Яхты

Я гуляла по переулкам моей памяти и увидела свет. Там было поле с красными маками, посередине стоял белый рояль. Молодой симпатичный парень с густой шевелюрой играл волшебную музыку. Увидев меня, он сказал: «Это я сочинил для тебя». Я поймала эту мелодию и посадила ее в золотую клетку. Не отпущу, она моя, она будет со мной навеки.

Ты моя любовь, ты мой мир! Всегда буду помнить тебя.

Помнишь, где бы мы с тобой ни появлялись, нам вслед все поворачивали головы? И мужчины, и женщины. Когда мы заходили в концертный зал через служебный вход и садились в первый ряд, чувствовали, что все восемь тысяч глаз смотрят на нас. Ты в элегантном костюме с модным тогда узким ярко-красным галстуком, а я в красном платье с черным поясом, подчеркивавшим талию, на высоких каблуках и с такой грацией. Да. Вот так. Когда под твою песню все вскочили, стали подпевать и потом скандировать «бис», я сжала твою руку и сказала: «Ты прорвался, милый!»

Зато теперь у меня есть время размышлять.

О душе. О разном.



Душа – это хранилище любви. Чем больше душа – тем больше в ней любви. Ко всему живому.

Единственное место, где можно жить вечно – это в сердцах людей.

Счастье — это состояние души. Тот, у кого ее нет, не может быть счастлив.

Ты можешь пойти дорогой овцы, павлина, или героя.

Мы часть природы, а не ее покорители.

Почему я тебе в первом сообщении написала, что я в забытой богом деревне, надвигается зима, у меня нет денег на дрова и я замерзну? Это чтобы убедиться, что ты остался тем же парнем, который тридцать лет назад ехал в шесть утра через весь город, чтобы привезти мне молоко к кофе на завтрак.

Да, я живу в комфорте, но оказывается, комфорт не ведет к счастью. Как муж?

Да, сначала все было прекрасно. Дорогие машины, рестораны, бриллианты, шикарные отпуска, потом вот эта яхта... А потом начались курсантки мореходного училища на стажировке... в его каюте.

Александр? Тот молодой стюард, которого я, когда мы с тобой разговаривали по видео, попросила принести мимозу в мой кабинет на шестом этаже? Нет, он не любовник. Он просто хороший парень, который иногда выслушивает мои пьяные исповеди.

Да, все эти шесть этажей мои. Но с какой бы радостью я их променяла на маленькую избушку, чтобы быть там с тобой и слушать твою божественную музыку. Дура была. Только потом стала понимать, что потеряла. Польстилась на все эти побрякушки.

А ты, похоже, все тот же. Все воюешь с ветряными мельницами...за светлое будущее человечества.

А помнишь, как мы с тобой ходили по осеннему парку и раскидывали ногами опавшие листья? Как было красиво. И поэтично. И как мы сели на ту скамейку? И тот первый поцелуй?

Я вот, даже стихи писать стала.

Мы с тобой никогда не расстанемся.

Даже если я в ад, а ты в рай.

Между нами верёвочка тянется,

Боль и радость сплелись невзначай.

Между нами – дорога с обрывами,

Леденящая душу тоска.

Одинокие ночи, что вырвали

Ключья счастья из зарева дня.

Мы с тобой никогда не расстанемся.

В день, когда в бесконечность уйду,

Пусть все так же веревочка тянется

Вдаль, где стайка дельфинов

И волны игривы,

И ты все стоишь

На другом,

На другом берегу.

Как же ты мне въелся в душу! Было много всяких других, которые приходили и уходили, не оставив никакого следа. Но ты остался.

И теперь я сама как птица в золоченной клетке. Живу припеваючи, но не пою. Все у меня есть. Кроме любви.

А жизнь проходит...

Остались только воспоминания. Те желтые листья в осеннем парке. Те безумные ночи. Тот белый рояль среди красных маков. И тот наивный романтик, который щедро раздает свою душу всем без остатка.

Иногда я смотрю со своего балкона на шестом этаже яхты в эту черную бездну океана и чувствую, как она меня манит. Как будто там поют сирены своими сладкими голосками: «Идем к нам, милая». От раза к разу мне становится все труднее противостоять их зову...И вот...

– Машина! – прервала Баху Эмили, показывая пальцем в сторону дороги.

Действительно, к ним приближался, становясь все отчетливее звук двигателя автомобиля. Пара вскочила. На линии горизонта едва брезжил рассвет. Зеленых глаз нигде не было. Они жадно вслушивались. Через несколько минут появился свет фар, а потом пикап хозяйственной службы национального парка.

– Ты здесь постой, на всякий случай, если койот еще там...а я с ними поговорю, – сказал Баха.

Он начал спускаться по слегка влажному от утренней росы песку. Но пройдя несколько шагов, вернулся, поднял бутылку, запихал в нее бумажную ленту, закрутил крышку и засунув бутылку в песок, присыпал немного ногой.

– Держись, – сказал он, устало улыбнувшись Эмили, – победа не за горами.

И опять пошел вниз, маша руками и выкрикивая, чтобы привлечь внимание водителя.

Когда Баха, поглядывая по сторонам на предмет Большого Койота, спускался к основанию дюны, пикап остановился у первого стола. Из него вышел дюжий бородатый парень в темно-зеленой униформе работника системы национальных парков и начал вытаскивать мусорный мешок из металлической мусорки. Погрузив его в пикап, он заправил в мусорный бак новый мешок и направился к кабине. В этот момент он услышал, как мужской голос прокричал откуда-то сверху «Извините». Это был Баха. Размахивая руками, он дал понять парню, что хочет с ним поговорить. Работник остановился. Баха нетвердой походкой – результатом этой сумасшедшей ночи – подошел.

– Доброе утро, – сказал он, – вчера мы здесь снимали музыкальный клип и когда закончили, увидели, что нашей машины нет, наверное, засыпало песком. Телефоны здесь не ловят...Так и просидели до утра, пока вас ни увидели.

Парень посмотрел на изможденное лицо Бахи:

– Мой телефон здесь тоже не работает, а рация до Центра посетителей не достанет...да там еще никого и нет...садись, поедem туда, позвоним из автомата.

– Можешь немного подождать? Я позову девушку, с которой мы здесь ждали.

Он стал кричать в направлении места, где они расстались. Ветер уносил его зов в другую сторону.

– Нет, не слышит...слишком далеко...я схожу за ней.

– Подожди, я посиignalю, – сказал парень.



После нескольких гудков на вершине дюны показалась голова Эмили. Баха стал махать руками, призывая ее спускаться, а сам стал подниматься ей навстречу. Встретившись с Эмили, он взял ее за руку и осторожно, ставя ноги елочкой, повел вниз. Он нежно пожал её ладонь, на что Эмили ответила таким же теплым рукопожатием.

Когда они втроем ехали в кабине пикапа, Баха рассказал парню о Большом Койоте.

– Ну и ночка у вас выдалась, – сказал тот, качая головой. – Прямо как в кино.

– А ты, Баха, может, правда фильм сделаешь? Сценарий есть, – сказала Эмили.

Через минут пятнадцать компания приехала к центру для посетителей. Он был еще закрыт. Из телефона-автомата Баха набрал номер ААА.

Пока они ждали, Эмили сказала: «Какая интересная история...».

– Ты о нашем приключении? – спросил Баха.

– Да нет, о джине из бутылки, – помолчав немного, Эмили добавила, – неужели она выбросилась?!

Вскоре приехала техпомощь. Они вернулись в парк и стали лопатами разрывать основание дюны. И вскоре нашли машину. Осторожно разгребая песок со всех сторон, чтобы ее не поцарапать, они высвободили водительскую дверь, что позволило Бахе залезть вовнутрь. Водитель техпомощи подцепил лебедку и скомандовал, чтобы он поставил переключатель скоростей на нейтральную. Водитель стал натягивать лебедку, и скрипнув, вся в ручьях струящегося со всех сторон песка машина медленно, подрагивая, двинулась навстречу восходящему солнцу.

По дороге назад в Альбукерке Баха и Эмили молчали. Каждый думал о своем, да и сил не было говорить.

– А ведь он настоящий джентльмен, – думала Эмили, засыпая на откинутой по совету Бахи спинке сидения. – Думал прежде всего обо мне и меньше всего о себе. Как он старался, чтобы мне было тепло, и чтобы я поела ночью на дюне. И защищал от этого чудища. Ужас!

Она проснулась, когда машина плавно остановилась у ее дома. Стало немного легче, но все равно ужасно хотелось спать.

– Спасибо, Баха, за твою доброту и силу, – сказала она на прощание.

Через несколько дней Баха прислал отредактированный клип. Он получился великолепным. Красное платье, белоснежные дюны, утонченная красота Эмили и ее волшебная музыка!

– Какую красоту ты создал! – написала она ему.

– Не я, а ты, – ответил он.

Они договорились встретиться. У обоих изнутри поднималось чувство, которое зародилось в момент того рукопожатия на дюнах. Это было безошибочное чувство, что каждый из них нашел того, кого искал.

Тем временем началась пандемия, которая сломала их планы. Баха и Эмили часто разговаривали по телефону. Во время одного такого разговора Эмили узнала, что Баха был в пути, очередная ходка по доставке груза. В дороге у него появились симптомы вируса, но он продолжал ехать через всю страну, чтобы не подвести заказчика. На ее вопрос – почему он это делает, Баха ответил: «Ташкентская закваска».

Через неделю Эмили узнала, что Баха умер.

Эпилог

Пандемия заканчивалась, хотя то там, то здесь еще случались вспышки. Жизнь возвращалась на круги своя.

Как пел в своей песне один из ярких патриотов земли Узбекской Геннадий Садовников:

Да,
В природе свой круговорот.
И день за днем,
За годом год.
Жизнь
По звездным правилам идет.
Пусть будет вечным
Этот ход.

Эмили поместила свой клип на Ютуб, и за четыре дня он набрал десять миллионов просмотров. Вскоре ей позвонили из крупной звукозаписывающей компании с предложением записать альбом.

И вот она сидела, подперев кулаком подбородок, перед свежееотпечатанным диском. На обложке красовалась фотография вершины белоснежной дюны. В таинственном мерцании звезд – Эмили в красном платье, рядом Баха со своим рюкзаком, а на заднем плане два огромных зеленых глаза. Надпись гласила:

Эмили Свансон и Баходыр Ибрагимов
представляют
НОЧЬ в ДЮНАХ.

По щеке Эмили катилась непокорная слеза.



Бах АХМЕДОВ

О МОЛЧАНИИ

Мини-эссе

...Вы спросили меня за обедом, почему я молчу. Когда человек молчит, причины могут быть самыми разными. Но, возможно, важнее не **почему** человек, а **зачем** молчит.

Молчание — это разговор, направленный внутрь, разговор с самим собой, состоящий чаще из вопросов, чем из ответов. Молчание рождается, когда наступает усталость от слов, которые слишком много говорят за нас, но именно **за** нас, а не **от** нас.

Слова, живущие без нашего участия, лежат на скользкой поверхности нашего сознания, так что стоит лишь наклонить его в сторону болтовни, и они покатаются как мелкие горошинки, не связанные между собой нитью смысла, бесплодные и пустые. Мы не ценим такие слова и правильно делаем, потому что они не стоят ни копейки. Мы забываем их через пять минут после произнесения, и они не заслуживают иной участи. Их недаром называют сиюминутными, потому что живут они только в ту минуту, когда мы бросаем их в гущу общей болтовни ни о чем, где они смешиваются с такими же мелкими горошинками и теряются среди них, так что уже и непонятно, мы ли их произнесли или кто-то другой. И поэтому, и тоже недаром, их еще называют *общими*. Они общие, потому что их может произнести любой человек, потому что у них общий автор — общество.

... Но есть другие слова, их немного и лежат они на такой глубине, на которую мы редко отваживаемся нырять. Слишком неудобно это для нас, привыкших жить общим временем и пространством, привыкших принимать и отдавать монетки **общих** слов, иногда стертые до того, что ничего, кроме пошлости уже на них и не видно. А те, редкие, но живые слова, лежащие на глубине, они ждут, когда мы созреем, чтобы услышать и увидеть их в себе. Они живут в потаенных уголках нашей души, в лучшей ее части, и терпеливо и немо, как рыбы, ждут, когда мы к ним обратимся, чтобы узнать, наконец, что-то и о себе. Они живут в нашем молчании, в нашем созерцании, в нашей отрешенности, которые так редко к нам приходят.

Но тогда, когда наступает молчание и созерцание, тогда у нас есть шанс услышать эти тихие и немногие слова, которые имеют **реальную ценность** и правдивость. Поэтому, молчание — это *прислушивание* к себе, поиск себя и попытка уединиться в толпе. Это стремление уйти от общего к частному, от фальшивости к подлинности, от дешевых проходных истин к единственной *Истине*.

И недаром был (и, наверное, существует и сейчас) в старину у монахов обет безмолвия, как один из путей богопознания и достижения святости. Молчание среди общего гула, как маленький островок частного среди бурного потока общего, как небольшая лодочка с веслами, на которой мы можем попытаться плыть против течения, плыть туда, где мы найдем несколько грустных и радостных слов, где нас ждет наша душа и наша вера...

Молчание — это только начало пути, это только возможность сделать маленький шаг вперед. Но может, главное — начать?...

Бах АХМЕДОВ

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Мини-эссе

Каждый день мы задаем десятки вопросов. Себе, другим, всему миру, который волнами проходит сквозь нас, оставляя то редкие жемчужины откровений, то мутный ил горького опыта.

Мы задаем наши вопросы миру сознательно и бессознательно, но очень редко мы слышим ответ. Нам кажется, что вопросы падают в пустоту, и мы спрашиваем уже почти машинально, не надеясь услышать ответ. Но может быть, все дело в нашей глухоте или слепоте? Ведь ответы можно не только услышать, их можно и увидеть. Если только более внимательно всматриваться в то, что происходит вокруг нас, если попытаться более чутко вслушаться в жизнь...

Этот мир полон ответов. Более того, на самом деле ответов гораздо больше, чем самих вопросов, но мы, привыкшие видеть только то, что нам хочется видеть, не замечаем эти ответы. В одном древнекитайском трактате утверждается, что мир полон знаков и символов, по которым можно определить наше будущее. И все гадательные практики были основаны в старину на восприятии мироздания как единой системы, где все взаимосвязано. По полету птиц или по рисунку на панцире черепахи человек предполагал, какой у него сегодня может быть день.

Но на самом деле, не говоря уже о сомнительности всех этих подходов, нужно ли заглядывать в будущее? Не есть ли это проявление нашего неумолимого нетерпения и недоверия Богу? Ведь это желание содержит в себе внутреннее противоречие: если мы верим, что будущее уже существует, то значит, его нельзя изменить. А если мы узнаем то, чего нельзя изменить, станет ли нам от этого легче? И разве это знание может прибавить нам мудрости или душевного спокойствия? И почему мы не думаем, что именно сам факт предсказания может повлиять на наше будущее? Быть может, если бы нам не сказали, что нас в таком-то месяце ждет катастрофа, то ее и не произошло бы. Но мы ее ждали и спровоцировали своим ожиданием. Кому не знакома эта печальная ситуация?

Я же пытаюсь сказать о других знаках, о других ответах... О тех, по которым можно определить не будущее, но настоящее и, может быть, даже прошлое. То есть то, что происходит с тобой в данный момент, или произошло когда-то, но возвращается периодически в лице, встреченном на улице, в услышанной случайно мелодии, в странном сочетании цвета неба, запахов осени и пустой улицы, по которой ты возвращаешься с работы домой. Если прислушаться к себе и всмотреться в то, что вокруг тебя, то можно услышать и увидеть ответы на вопросы сегодняшнего или вчерашнего дня, можно разглядеть как в быстрых осенних сумерках мерцает тонкая, как паутина, но удивительно прочная нить, которая тянется из прошлого, и на которую, словно бусинки, нанизаны все твои дни...



Мы ищем ответы на мучающие нас вопросы: почему с нами происходит то, что происходит? Почему мы попали в эту ситуацию? Почему так долго нет письма от нее или от него? Нам постоянно кажется, что мир молчит, и эта его безответность доводит нас порой до отчаяния, а глухота близких и неспособность высказать им свои тревоги, делают нас похожими на героя знаменитой картины Мунка «Крик», когда худой человек с изможденным лицом кричит на пустом мосте на фоне пустого и тоскливого пейзажа. Эта одна из немногих «звучащих» картин и когда смотришь на нее, кажется, слышишь этот безумный вопль, вырвавшийся у человека, раздавленного своим одиночеством. Но почему мы не задумываемся о том, что и само молчание может быть ответом? Как в науке, отсутствие результата – это тоже результат, так и в жизни – молчание это тоже ответ. Когда кто-то не отвечает на наш вопрос или на наши письма – это тоже его ответ, пусть и очень тяжелый для нас, но быть может более точный и содержательный, чем все слова.

Не так ли происходит и с кажущимся молчанием мира? Ведь в молчании содержатся все слова, все варианты, в том числе, тот единственный, который мы ищем. Ищем, забывая, что все ответы скрыты не вне нас, а внутри нас... И если бы мы убрали этот эмоциональный шум наших страстей, если бы вслушались в тишину, мы бы смогли услышать те немногие слова ответа, которые робко ждут своего часа где-то в глубине нашей души. А может быть, нам бы даже посчастливилось услышать то единственное *Слово*, которое содержит в себе ответы на любые вопросы и в котором как в зеркале отражается вся наша жизнь.

И как редко мы задумываемся о том, что и мы сами являемся для кого-то ответом. Наши слова, наши жесты, поведение, улыбка – все это для кого-то может послужить ответом на его вопросы. Потому что вся жизнь – это постоянный взаимообмен вопросов и ответов. Когда художник пишет картины или писатель по тридцать раз переписывает одну страницу – это их ответы на то, что происходит с ними. Когда человек «возвращает Творцу билет» – это тоже его ответ, последний и страшный... Сразу вспоминается цветаевское «На Твой безумный мир один ответ – отказ!»

И поэтому всё, что мы делаем, каждое наше движение является и вопросом, и ответом одновременно. Сами наши вопросы для кого-то могут стать ответами.

И каждый услышанный ответ незаметно нас меняет. Но нас не в меньшей степени меняет и отсутствие ответа. Если, например, мы не получаем письма, то сама эта ситуация что-то меняет в нас и потому уже является ответом...

... А потом письмо приходит, и мы, еще не раскрыв конверта, уже знаем, что в нем написано. Наше долгое ожидание дало нам это знание. И мы оставляем конверт нераспечатанным... И на горечь молчания мы пытаемся ответить молчаливым спокойствием, обманывая себя тем, что стали мудрее, что научились отвечать на поражения и что нам уже ничего не нужно ждать... И только пройдя через это, только испив до конца эту горечь поражения, только приняв его по-настоящему, а не путем самообмана, мы сможем услышать настоящий ответ и настоящее *Слово*...



Бах АХМЕДОВ

УТРЕННИЕ ЗАМЕТКИ

Ожидание

...В конце мая, после одного из экзаменов, она позвонила ему и, рассказав о результате, пообещала перезвонить в ближайший вторник или среду, и он прождал ее звонка до конца недели, стараясь как можно реже выходить из дома. Прошло еще две недели, и его знакомые и друзья говорили ему: наверное, не дозвонилась, или уехала на дачу, а может, и то, и другое вместе. Он верил и не верил, потому что знал, что по сути это не имеет большого значения, и он обязательно дождется ее звонка. Но прошло лето и осень, а она так и не позвонила. И все это время он ждал ее звонка с таким же терпением и верой в то, что она со дня на день позвонит, как и в первые недели после ее обещания. Один из друзей сказал ему тогда: «Послушай, это уже перебор. Наверняка, у человека изменились планы насчет тебя». «Да нет, – устало отвечал он в таких случаях, – просто мы живем в разных временах». Многие его спрашивали: «Все-таки, почему ты не взял ее номер телефона?» «У нее нет телефона» – отвечал он в таких случаях, почти сразу начиная терять терпение от бессмысленных и бесполезных вопросов. «И ты в это веришь?» – насмешливо продолжал собеседник.

...Прошел год, потом еще два. Звонка все не было, а он продолжал ждать. Он купил себе автоответчик и каждый раз, приходя домой, смотрел на окошечко, в котором красная цифра показывала количество звонков. И когда это не был ноль, что случалось довольно редко, он не торопясь переодевался в домашнее, ставил чайник и только потом включал прослушивание сообщений. Однажды он вдруг услышал голос, очень похожий на голос Наташи, но девушка сказала только одну фразу: «Извините, я, кажется, не туда попала».

Еще через два года он женился, но все так же продолжал ждать ее звонка. И всё так же верил, что она все равно позвонит ему, если не в этом месяце, то в следующем, или через год, или через пять лет, но обязательно когда-то позвонит. Но она не звонила.

«Неужели ты до сих пор всерьез ждешь её звонка?» – спросил у него друг, когда они вышли поговорить в подъезд на дне рождения сына, которому исполнилось десять лет. «Знаешь, я уже настолько сросся со своим ожиданием, настолько оно стало частью меня самого, что теперь я не смогу его бросить на произвол судьбы. Тем более, что ждать осталось совсем недолго, не сегодня завтра она позвонит, я уверен в этом». «По-моему, тебе надо сходить к врачу», – сказал друг без тени иронии. «И потом, – продолжал он, – ну допустим, позвонит, допустим, хотя это почти невероятно, но дальше-то что? Скорее всего, и она уже давно замужем и вообще, извини меня, но все это просто детский сад какой-то».

...За месяц до шестидесяти восьми он заболел. Врачи сказали, что шансы на выздоровление примерно фифти-фифти. После трех месяцев больницы его выписали домой. Он лежал в своей комнате и смотрел на календарь, висящий на стене. Был вторник, начало июня. В полдень пришел его друг, архитектор со стажем. Он был старше него на два года, но продолжал работать. Яркое летнее солнце заливало комнату, а Илье казалось, что



его вместе с комнатой поместили под гигантский микроскоп и включили мощную лампу. Он попросил друга задернуть шторы. Потом они пили чай и вспоминали про общих знакомых. Когда наступила пауза, Илья сказал: «Я знаю, что мне осталось недолго, но на самом деле я этому даже рад. Только не надо глупых утешений и вранья, ладно? Спроси, лучше, почему я рад» «Ну хорошо, почему ты рад?» «Да очень просто, раз осталось так мало времени, это означает, что она совсем скоро, может, уже сегодня позвонит. Ведь это должно случиться, пока я жив, уж это я знаю точно». Друг помолчал, подошел к книжному шкафу и сказал: «Хорошее у тебя собрание все-таки». Илья хотел что-то ответить, но не успел, потому что в следующую секунду зазвонил телефон. «Послушай, кто там» – попросил Илья. Друг взял трубку. «Вас слушают... Да, минуточку». И протягивая трубку Илье, он прошептал: «Какая-то девушка». Илья взял трубку.

– Да..

– Илья?

– Да, это я.

– А это я... Ты что, не узнал меня?

– Наташа?... Ты откуда?

– Из библиотеки. А что с твоим голосом? Ты что заболел?

– Да, к сожалению.

– Жаль... А я думала, мы посидим в библиотеке.

– Наверное, в другой раз... А где ты пропадала все это время?

– Не понимаю, ты о чем? Сегодня же вторник? Я звоню, как обещала.

– А какой год сейчас, Наташа?

– Ты, что серьезно?

– Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот девяносто четвертый, Илюша... Выздоровливай! Я перезвоню тебе через неделю, ладно?

– Хорошо. Я буду ждать.

– Ну тогда, счастливо. Пока.

– Пока.

Илья положил трубку и посмотрел на слегка ошеломленного друга. Потом улыбнулся и сказал:

– Ну вот, я же говорил, что мы живем в разных временах.

Картинка из Кафки

...Однажды был в моей московской жизни эпизод, когда я устраивался в частную экспериментальную школу учителем физики. Сначала я провел пару испытательных уроков, и директрисе они, кажется, понравились. Она пригласила меня к себе домой, чтобы дать мне педагогические книжки и обсудить программу занятий. Жила она на «Соколе», в старом сталинском доме с большими комнатами и высокими потолками. Я пришел, разделся в прихожей, и она повела меня в свой кабинет через узкий полутемный коридор, загроможденный старой мебелью, какими-то пыльными коробками и прочим хламом, присутствие коего угадывалось, впрочем, скорее по запаху, чем по виду. Не доходя до двери в дальнюю комнату, коридор немного расширился и у стены на тумбочке стоял невообразимо древний телевизор с белесым от толстого слоя пыли экраном. Он был

включен, но изображения не было, только хрипловатый звук. У противоположной стены, в каком-то кресле неопределенной формы, сидел худой и неухоженный старик, на вид очень дряхлый. Прикрыв глаза, он внимательно слушал телевизор. Кажется, он не был слеп, но почему-то производил жутковатое впечатление слепого.

Мы прошли между стариком и телевизором, и я неуверенно поздоровался. Он даже не приоткрыл глаза в ответ на мое приветствие, а директриса прошла мимо него, так буднично и спокойно, как проходят мимо шкафа, который за много лет уже перестали замечать и вспоминают о его существовании только по мере необходимости. Очевидно, старика в этой квартире давно уже держали за мебель.

Мы уселись в большом светлом кабинете, уставленном книжными шкафами. Книги и журналы в них медленно задыхались от тесноты и время от времени судорожно вздрагивали жабрами своих страниц. Директриса вдохновенно что-то мне объясняла, манипулируя книжками не хуже уличного наперсточника, а у меня все не шел из головы этот старик. Слушал я как-то я рассеянно и все поглядывал с опаской на беспорядочно громоздившиеся по углам комнаты стопки книг, словно это были не книги, а неведомые существа, от которых можно ждать чего угодно. Казалось, что в этом доме готовятся к переезду.

Наконец, примерно через час, мы закончили, и я стал прощаться. Когда я шел по коридору назад, мне снова пришлось пройти мимо старика. Он сидел в той же позе и также, с закрытыми глазами, слушал охрипший телевизор. Кажется, шел какой-то фильм. Было такое чувство, что за целый час старик даже пальцем не шевельнул...

Вот собственно и весь эпизод. Казалось бы, ничего особенного, мало ли семей на свете, где стариков превращают в мебель. Но почему-то именно тот полуслепой старик, слушающий пыльный телевизор в заваленном старым хламом коридоре, до сих не идет у меня из головы, как какая-то картинка абсурда и кошмара, достойная кисти Гойи или пера Кафки. По крайней мере, тогда мне показалось, что этот эпизод сошел со страниц Кафки.

Когда-то я хотел сделать из этой картинки отдельный рассказ или вставить ее как эпизод в свою неоконченную повесть о последнем годе в Москве. Но недавно я решил, что, может, и не надо ничего придумывать, а написать так как есть, просто описать эту картинку – ведь действительность часто бывает абсурднее и страшнее любого выдуманного кошмара. Впрочем, может, только мне стало не по себе от этой картинки, может другие посетители этой квартиры прошли мимо и даже не заметили старика. Ведь действительно, его так легко было не заметить на пыльном фоне старого хлама.

Метроном

Стихотворение в прозе

...Каждый раз, когда идешь вверх по дороге, что ведет от небольшого пруда напротив китайского посольства к главному зданию Университета, неизбежно проходишь мимо двухэтажного желтого здания метеостанции. На крыше установлены разные приборы, флюгер в виде самолетика и метроном. Каждые десять секунд раздается высокий короткий звук. Его слышно издали, когда само здание еще скрыто густыми деревьями, растущими вдоль дороги. И чем ближе подходишь, тем отчетливее и громче слышится этот писк, и вот уже в тихий летний воздух, наполненный зеленым покоем и полуденной дремой, вливается по капле короткий и неумолимый звук. Словно капает в пространство



кровь времени. Десять секунд и капля. Десять секунд и еще капля. И от этой равнодушной механической размеренности даже в жаркий летний день становится холодно.

Пи... пи... пи...пи... Неумолимо, беспощадно срывается этот писк с крыши и разносится над деревьями, над окрестными зданиями, над дорогой и идущими по ней людьми, погруженными в свои мысли.

Что слышится в этом писке? Какое отчаянное вопрошание посылает он миру? О чем хочет напомнить нам этот электронный апофеоз точности? О том, что еще одна капля времени упала в бездонный колодец Вечности? О том, что каждому отмерено конечное число этих капель?..

Кровь времени, тоска пространства... Каждые десять секунд, как удар тока, от которого вздрагивает во сне разомлевшая на солнце окрестность. Вокруг расположились корпуса факультетов и отдельных лабораторий, проходят стайки студентов и одинокие сотрудники, а сверху неумолимо точно и железно падают льдинками эти короткие звуки, которые могут свести с ума любого, кто начнет к ним прислушиваться. Поневоле учащаешь шаги, проходя мимо метеостанции, но вслед тебе, словно выстрел в спину, тут же раздается насмешливый короткий писк.

И каждый раз, когда я думаю об этих десяти секундах, мне становится не по себе от этой жутью отдающей размеренности. И жизнь начинает казаться всего лишь большим листом бумаги, расчерченным на маленькие, почти невидимые клеточки. Но каждые десять секунд чьи-то огромные ножницы отрезают от твоего листа одну такую клеточку. А потом еще одну. И еще... Это госпожа Вечность молча продает шагреневую шкурку твоей жизни, совсем недорого... А все равно ее никто не покупает, потому что некому купить, кроме тебя.

Можно уйти от этого писка в Главное здание, можно забыть про него на несколько дней или даже месяцев, выбирая другую дорогу. Но он все равно будет звучать над крышей метеостанции, и как бы нам ни хотелось, нигде скрыться от этого жуткого тонкого звука, что стальной иглой вонзается в сердце, в разум, в душу. И надо как-то жить с этим звуком,

что-то делать, общаться, ходить куда-то, влюбляться и расходиться, обретать друзей и терять их... Словом, просто жить. Но каждые десять секунд будет лететь над нашими шагами, поцелуями и открытиями это короткое «пи», для которого не существует ни праздников, ни буден. И писк этот напоминает китайскую пытку. Словно время пытается пространство и живущих в нем людей. Словно сама смерть, жадно слизывающая языком эти капли, смеется над нами и говорит: «Вот погоди, наступит скоро и твоя очередь, дружок. Пи!»

Но напрасно силится нас испугать костлявая старуха, напрасно корчит свои неприглядные рожи – мы-то знаем, кто стоит за ее спиной и сеет черные семена ужаса. Потому что у нас есть то, что никогда не сможет разрушить ни это писк, ни все кривляния старого тролля – у нас есть надежда и знание. И еще вера, одна на всех, но ведь те, кто ее имеют, всегда готовы с радостью поделиться ею с теми, кто ее ищет. И все это «пи» разбиваются, как пена морская, о нерушимый утес Веры. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?..» Тот, кто знает, что за субботой наступает Воскресение, кто верит в Жизнь вечную, не станет бояться времени, но постарается просто с ним подружиться и сделать все, чтобы оно засветилось тихим светом радости и жизни. Мы уже спасены, но как страшно, что мы забываем о том, какой ценой куплено нами наше спасение. Быть может, этот писк призван напомнить нам об этом и только об этом?.. И может, именно поэтому мы подсознательно бежим от него?..

Колокольня

...Он приехал в город в воскресенье, поселился в дешевой гостинице и целыми днями бродил по городу. Он искал ту колокольню, на которую они поднимались в тот первый его приезд, когда Лена показывала ему местные достопримечательности. Колокольня тогда была без крыши, а расположенный рядом храм стоял весь в лесах – его только начали реставрировать.

...По вечерам Юра сидел в летнем кинотеатре с плохим звуком и смотрел старые фильмы. На четвертый день он позвонил домой и бодрым голосом сказал, что командировка проходит нормально, и он вернется в субботу, как и собирался. Но настроение у него было невеселое, и он уже начинал подспудно ощущать усталость от своей нелепой затеи. И вся поездка стала казаться ему глупым ребячеством, а намерение найти колокольню – нелепой и пустой попыткой прикоснуться к прошлому, которого уже давно не существует даже в его памяти. Да и что он помнил? Только то, как они поднялись на эту колокольню по темной каменной лестнице с полуобвалившимися ступеньками и смотрели с крыши на город, который в закатном солнце уже пылал осенними кострами, а рядом мягко отливало золотом купола храма, и где-то совсем далеко бесшумно полз вдоль правого берега красный вагончик игрушечного трамвая. Все это вместе возникало теперь в Юриной памяти как серия пожелтевших фотографий или как эпизод немого фильма, потому что слов, которые тогда говорились, он не помнил абсолютно. Лишь где-то в подсознании, на уровне ощущений едва теплилось бледное подобие того чувства легкости и свободы, которое он испытал в тот вечер, стоя на колокольне рядом с Леной, так радостно и бескорыстно дарившей ему свой город...

Несколько раз Юра спрашивал о колокольне у местных жителей, но все расспросы ни к чему не приводили, потому что он сам не знал точно, какую именно колокольню он ищет. Некоторые прохожие просили его уточнить, при какой церкви была колокольня, но разве он помнил такие подробности. Тогда он стал просто подниматься на все колокольни подряд, надеясь, что сам пейзаж, который с них открывается, поможет ему вспомнить и определить **ту** колокольню. Но и эта затея была обречена на неудачу, потому что город сильно изменился и, он почти ничего не узнавал. Тем более, что и был-то он в нем в тот раз всего несколько дней.

На пятый день своих поисков он совсем отчаялся и просто бесцельно кружил по центру, словно мог случайно встретить Лену, хотя знал точно, что она давно уже переехала в Москву. И во всех этих кружениях ему виделась какая-то дурная мистика: ведь колокольня не могла исчезнуть и тем не менее ее нигде не было.

...Поздними вечерами он возвращался в свой одноместный неуютный номер с поцарапанным ночным столиком, в ящике которого кто-то из предыдущих постояльцев забыл томик Чехова. Юре увиделась в этом очередная насмешка судьбы и в то же время знак, внушающий надежду на успех. В последний свой вечер он вырвал из блокнота листок и написал: «Дорогой Антон Павлович! Хотите, я расскажу вам, как я искал одну колокольню? Можете сделать потом из этого рассказ...» Юра дописал письмо, вложил листок в книгу и положил ее на место, в ящик столика. «В назидание потомкам» – мрачно



пошутил он сам с собой. Потом прилег на кровать, прикрыл глаз и вполголоса произнес: «Ну хорошо, хорошо, я сдаюсь...»

...Он уехал в субботу, так и не найдя колокольни. Когда самолет стал набирать высоту, Юра в последний раз взглянул на город, в который он уже больше никогда не придет. Он так и не понял, что все-таки нашел ту колокольню и даже поднимался на нее. За эти годы колокольню перекрасили, надстроили крышу и она стала на несколько метров выше. Возможно, поэтому Юра так и не узнал ее. И когда он стоял на ней, даже такой намек судьбы, как ползущий вдали трамвайчик, не помог ему догадаться, что он уже нашел то, что ищет. Может потому, что трамвайчик полз в другую сторону?..

Из обзора выставки С.

«Среди оригинальных и умных картин С. одна показалась мне особенно примечательной, несмотря на ее несколько кошунственное название: «Распятие». На картине изображена семейная ссора. Дело происходит в осеннем парке. Муж и жена идут в противоположные стороны, повернувшись спиной друг к другу, а между ними, в центре полотна стоит ребенок лет пяти. Он раскинул руки, одна рука в сторону отца, другая в сторону мамы. Мальчик смотрит на мать, но сама поза его, растерянное и недоуменное выражение лица, говорит о том, что он все время вертит головой то в одну, то в другую сторону и не может решить, за кем бежать. На глазах его слезы, рот полуоткрыт...

Картина достаточно проста по исполнению и использованной технике, но именно эта простота делает ее намного интереснее и глубже других полотен выставки. Впечатление от нее можно сравнить с легким ударом тока, от которого просыпается уснувшая боль и такие воспоминания, о которых, наверное, почти каждый зритель картины хотел бы забыть».

Двадцать девятое приближение

У него было странное хобби – он покупал все романы, повести или рассказы, в которых главную героиню звали Маргарита. Он надеялся, что когда-нибудь узнает в литературном персонаже ту живую, реальную Риту, которую, как ему казалось тогда, он так хорошо знал. И лишь позже, когда они уже давно расстались, он понял, что снова обманулся и её совсем не знал. Её образ так и остался в его памяти маятником, который медленно качался между двумя крайностями: от слепого восхищения и восторга первых трех месяцев до практически полного разочарования и грустного недоумения последних недель, когда их встречи приобретали всё более прагматичный характер, и от былых чувств остались лишь бледные неуверенные тени. И тогда он почему-то решил, что сможет восстановить её образ по книгам, точнее только по тем из них, в которых жила какая-нибудь Рита. Он понимал, что более абсурдную затею невозможно было придумать, но именно поэтому она казалось ему вполне осуществимой. Дело было только в сроках – на такой поиск могла уйти и вся жизнь, но ведь он никуда не торопился. Впрочем, он читал и другие книги, ибо знал, что *та* Рита могла уже не один раз поменять имя, переходя из книги в книгу, но по причине, которую он и сам не мог объяснить, эта версия казалось ему менее

вероятной. «Вряд ли она стала бы скрываться под чужим именем. Ее имя настолькоросло в нее, что трудно представить ее Таней или Катей».

...Когда через десять лет он закончил читать и положил на специальную полочку двадцать восьмую книгу о Рите, он понял, что устал. Во время поисков ему попалось несколько книг на английском и испанском языках, и он специально выучил испанский, чтобы прочесть небольшую повесть, в которой аргентинский автор, друг Борхеса и Кортасара (чего только в этой жизни не бывает!), назвал Ритой неказистую очкастую студентку с зелеными глазами и наивным выражением лица. Ничего общего с его Ритой у этой пламенной революционерки-подпольщицы не было, он понял это с первых страниц и все-таки героически дочитал повесть до конца, несмотря на утомительную необходимость постоянно заглядывать в словарь чуть ли не на каждой строчке, особенно в первое время. И ни в одной из прочитанных им книг не было *той* Риты. Не было даже намека на нее, несмотря на то, что у каждой книжной Риты были какие-то отдельные черты Риты реальной. «Все это бред, полный бред...»- говорил он со злой усталостью критика, которому пришлось прочесть до конца толстый бездарный роман только для того, чтобы произнести эту фразу, жалея о потраченном времени и об избранной профессии.

Вскоре после этого, возвращаясь тихим весенним вечером с работы, он понял, что никогда не найдет ее в чужих книгах, и что единственный выход – это написать свою версию, свою книгу. Только так у него есть шансы найти ее в этой бесконечной толпе и попросить спокойно посидеть в кресле, пока он будет писать ее портрет. Писал он быстро, почти ничего не исправляя, и через три месяца ежедневной работы первый вариант повести был готов. Он перечитал написанное и понял, что больше половины текста никуда не годится и надо все переделывать. На доработку и оформление окончательного варианта у него ушло еще семь месяцев и только к следующему апрелю он наконец остался относительно удовлетворен своей работой. Однако печатать он ее не собирался, только дал почитать одному из друзей, вкусу которого он доверял. Друг прочитал и сказал, что вполне «приличная вещичка и у нее есть шансы на успех». А потом сразу посоветовал, в какие журналы и издательства можно ее послать.

К зиме его повесть, которую он назвал в духе Борхеса «Двадцать девятое приближение к Р.», была опубликована отдельным изданием и сразу стала очень популярной. Настолько, что еще два издательства выпустили ее в твердой и мягкой обложке и на хорошей бумаге. Но он избегал журналистов и совершенно не радовался своей неожиданной популярности. Он просто положил свою книгу на ту же полку и она стала двадцать девятой книгой по счету. У него было какое-то спокойное и радостное чувство исполненного долга и в то же время опустошенность, причину которой он пытался для собственного успокоения объяснить простой усталостью, связанной с хлопотами по изданию книги. Но интуитивно он знал, что причина вовсе не в этом. Все было гораздо сложнее. Он понял ясно истинную причину своей усталости только через несколько месяцев, когда ему вдруг пришла в голову одна пугающая своей нелепостью мысль, от которой он окончательно утратил ту первоначальную спокойную радость первых дней выхода повести. Он сварил себе кофе покрепче, подошел к полке и с непонятным ему самому легким страхом взял свою книгу. Долго держал, а потом сел на диван, и открыл ее на середине...

Так он и знал! Все его опасения оправдались – Рита сбежала! Там, где еще вчера звучал ее голос, зияли опустевшие места, сквозь которые в лицо ударил холодный сквознячок времени. Вот пустая скамейка, на которой она сидела, вот ее шапка и сумочка, а чуть дальше, на сорок седьмой странице, лежит на книжной полке кассета, которую она



приносила ему послушать. Все вещи послушно застыли на своих местах, герои, как полагается, произносили свои правильные и отшлифованные монологи и, не опережая друг друга, текли размеренным чередом события, зеркально повторяя все изгибы его жизни, на которых захватывало дух. И все, казалось, было предусмотрено, и никаким незапланированным неожиданностям не было места на страницах его так гладко выструганной и подбитой повести. Да вот поди ж ты, на восьмой странице вдруг обнаружилась огромная прореха между строчками и Ритой, и той Риты, которую сохранила его память, уже не было и в помине среди этого стройного порядка, поэтому все дальнейшее – разговоры, вещи, случайные встречи и неслучайные опоздания, какая-то не книжная ревность и их короткое совместное обучение на курсах икебаны, и даже затерявшиеся где-то в эпилоге два его больших письма к ней, – все это вертелось теперь вокруг безжизненного манекена, которого по непонятной причине окружающие продолжали называть Ритой.

А она, как всегда, выскользнула из своей зеленой шкурки, не оставив ни адреса, ни телефона, совсем ничего, кроме короткой, как смешок, записки, которую он и нашел между страницами. На половинке линованного листочка из школьной тетрадки было написано: «Я всегда слишком любила свободу, чтоб быть запертой даже в такой просторной клетке, как твоя книга. Не ищи меня больше ни здесь, ни в других книгах – не теряй времени. Я сама тебя найду, когда у меня будет настроение. Возможно, мы как-нибудь встретимся в библиотеке, в нашем зале. Счастливо! Р.» Если бы не это Р., он бы подумал, что он бредит. Но она всегда подписывалась только одной буквой и почерк был ее, в этом не было никаких сомнений. Он захлопнул книгу и рассмеялся. Потом встал и вылил холодный кофе в раковину.

Об интерпретациях

Вспоминаю один интересный, и на мой взгляд, весьма символический сон, который приснился мне еще в мой аспирантский период. В то время, собираясь компанией в Москве или в Дубне, мы почти всегда начинали бурно спорить на философские и религиозные темы. И видимо после одной из таких дискуссий я и увидел этот сон.

Мне снится: мы с Ахмедом стоим в пустом коридоре у окна. Кажется, это была какая-то школа, впрочем, место действия особого значения не имеет. Мы спорим с ним (в который раз) на тему, какая религия более «истинная». (Понимаю, что звучит это смешно и нелепо, но спор был именно об этом). Ахмед отстаивал ислам, а я – христианство. Дискуссия наша продолжалась уже довольно долго (по крайней мере, так мне казалось во сне), когда вдруг, во время своего очередного горячего и возбужденного монолога, Ахмед, стоящий напротив меня, вдруг осекся на полуслове и застыл с открытым ртом, с незаконченной фразой на губах. Я смотрю на него с удивлением и вижу, как его глаза медленно наполняются невыразимым, диким ужасом, словно он увидел за моей спиной нечто настолько жуткое и страшное, что потрясло и перепугало его до смерти. Лицо его становится белым, а сам он становится неподвижным, как камень. Кажется, этот миг длится бесконечно долго и этот нечеловеческий ужас, застывший в его глазах, передается и мне. Я знаю, чувствую кожей, что за моей спиной находится некто или нечто страшное и не могу оглянуться, потому что боюсь увидеть **это**. Мне кажется даже, что я ощущаю на затылке

дыхание этого неведомого существа или его прикосновение. Ахмед еле заметным движением головы показывает, делает мне знак: посмотри назад.

Я все-таки набираюсь смелости и начинаю медленно оглядываться. И это мое оглядывание длится бесконечно долго, а страх растет с каждой секундой и становится всё больше и больше, растёт вместе с качающейся бесформенной тенью, которую я вижу перед собой на полу. А я все еще медленно поворачиваю голову и, наконец, в последний миг, когда краем глаза уже начинаю видеть *это*, я просыпаюсь. Разумеется, в холодном поту.

Папина дочка

Весной прошлого года в колледже, где я работал по гранту, проходила студенческая фотовыставка. Было немало интересных работ, но мне больше всего понравилась фотография под названием «Dad's daughter» («Папина дочка»). Вроде бы ничего особенного – обычная лондонская улица в центре города, пестрая толпа. И отец, несущий на шее свою дочку лет пяти-шести. Девочка очень похожа на отца, но поражает в снимке не это внешнее сходство – ничего удивительного ведь в этом нет – а взгляд дочки. Она смотрит на мир абсолютно недетским взглядом. И это ее выражение лица, ее глаза, ее взгляд совершенно точно повторяют отцовский взгляд и выражение лица. Трудно, пожалуй, передать адекватно словами, что именно в этом взгляде, но кажется, более всего подходит здесь эпитет «тревожный». Взгляд у них обоих напряженный и тревожный, словно они кого-то ищут в толпе, но в то же время боятся, чтобы тот, кого они ищут, их не увидел. Этот взрослый взгляд ребенка пугает сильнее, чем иные детские слезы. Пока ещё она восседает на крепкой жилистой шее отца, и он держит ее за ноги своими сильными руками, пока еще она чуть свысока взирает на всю эту разношерстную людскую массу. Но в ее глазах уже такая странная и пугающая серьезность, такая непонятная ей самой тревога, словно девочка увидела, как навстречу им идет её будущее. И столкновения с ним не избежать, несмотря на многолюдье и на то, что отец не знает его в лицо и пройдет мимо, лишь слегка задев локтем, и, обернувшись на ходу, бросит равнодушно-вежливое «Sorry».

Эта фотография напомнила мне одну сценку, свидетелем которой я однажды оказался, зайдя перекусить в одну из окраинных московских закусовых (а точнее, «запивочных»).

...Девочка лет восьми, одетая в короткое и застиранное платьице, из которого она уже давно выросла, смотрит снизу вверх на отца и тянет его за рукав старого и засаленного пиджака.

– Папа, ну пойдем домой... Пожалуйста...

– Сейчас, сейчас пойдем, Анечка. Сейчас, милая.

Отец Анечки стоит у низенького прилавка и горящими глазами смотрит, как грузная продавщица наливает в плохо вымытый стакан дешевый портвейн мутно-коричневого цвета. Видимо, в этот раз на водку денег не хватило.

– Пап, ты же обещал маме, что больше не будешь в эту столовую заходить... Пойдем домой, а?

– Да-да, Анечка, сейчас пойдем. Я быстро.

Анечка смотрит на отца с грустным недоумением, а он виновато улыбается и гладит ее по голове дрожащей левой рукой, а правой расплачивается с продавщицей. Затем он



садится за ближайший столик со стаканом в руке. Дочь садится рядом и терпеливо ждет, болтая ногами в туфельках без шнурков. Отец небольшими глотками пьет вино. Анечка смотрит то на отца, то в окно, мимо которого проходит молодая соседка с красиво одетым мальчиком. На шее у мальчика висит какой-то фантастический пулемет-автомат с мигающими лампочками. Одной рукой он держит мамину руку, другой – рожок мороженого.

...Отец ее между тем допивает стакан и настроение у него становится сразу лучше. Он оживает и даже пытается неуклюже пошутить: «Ну что, Анюта, сегодня у нас бизнес не очень, а? Ну ничего, день на день не приходится, в другой раз больше продадим». И он открывает сетку с книжками и выкладывает их по одной на стол. Лицо у него снова становится грустным и виноватым.

– Эх, Анечка, – вздыхает он, – какая у меня была библиотека, какие книги... Со школьных лет собирал. А теперь все это никому нафиг не нужно, даже тебе... Как говорили римляне, *o tempora, o mores!*².. Конечно, и вид у книжек моих, прямо скажем, не очень товарный, но какие книги, ты посмотри, дочка, какие у нас книги! Какая библиотека по частям уходит, Анечка, какая библиотека!.. Вот продаю я книжки эти по одной, а чувство такое, словно кровь из меня понемногу выходит. С каждой книгой капля крови – они ведь у меня растворены там, понимаешь? Что там у нас сегодня осталось? Шиллер, драмы и стихи. Гельдерлин! Гёте, сорок восьмого года издание, от отца еще досталось, а вот, посмотри, Овидий в их компанию затесался. Собственной персоной... Скорбные, понимаешь ли, элегии... Ну, как тебе подборка? Ничего себе, да? А если еще вспомнить тех, кто ушел сегодня от нас...Э-эх, что там говорить... Сердце кровью обливается – Шекспир в пастернаковском переводе, Поль Верлен, брат мой Верлен, и Вита Нова³, редчайшее издание, между прочим...Да, вита нова, вита нова... Мне бы эту виту нову... Я бы всё по-другому сделал, всё, понимаешь! И не сидели бы мы сейчас вот тут с тобой, как... Ладно, чего уж теперь говорить! Ну что, Анечка, домой пойдём? Кстати, а батон-то мы купили? Кажется, нет. Ну, пойдём, купим, у меня как раз на хлеб и осталось...

Отец завершает свой монолог на какой-то усталой ноте и продолжает сидеть неподвижно. Анечка слезает со стула и тянет его за рукав пиджака.

– Ну, пойдём же, папочка, что же ты сидишь?

– Да-да, сейчас, – рассеянно отвечает папа, крутя в руках пустой стакан. Анечка складывает книги в его старую рваную сумку и с мольбой смотрит на отца, заглядывая снизу ему в лицо. В ее больших серых глазах стоят слезы. Наконец отец встает и берет её снова за руку.

Они медленно выходят из закуской, и теперь уже девочка ведет его за собой, а он, продолжая бормотать себе под нос свой бесконечный монолог, покорно следует за ней, как провинившаяся собака за своей маленькой, но строгой хозяйкой. Продавщица с чуть презрительной жалостью смотрит им вслед. Я тоже провожаю их взглядом, пока они не исчезают в ближайшей подворотне.

Два местных бомжа, распивающих за соседним столом «Столичную», грустно вздыхают и долго молчат.

– Слушай, Саныч, – говорит один из них, – а давай последнюю выпьем за Анечку. Пусть у нее все будет хорошо!

– Да, – говорит второй, – за нее стоит выпить, тут ты прав на все сто!

Они разливают бутылку до конца и выпивают до дна.

² О времена, о нравы (*лат.*)

³ «Vita Nova» («Новая жизнь») Данте Алигьери.

Иллюстрация к притче

Стихотворение в прозе

Я заметил его сразу, как только зашел в церковь. На нем была расстегнутая телогрейка, под которой виднелся старый коричневый свитер грубой домашней вязки. Он стоял недалеко от входа и напряженно смотрел на Царские врата. По его рано постаревшему, испитому лицу, по нечесаным полуседым волосам, сбившимся в клочья, по опухшим нижним векам можно было без труда понять, что перед вами стоит уже почти погибший человек. Но сейчас он был, очевидно, трезв и по щекам его медленно ползли слезы. Хор пел заповеди блаженства и этот невысокий, сутулый человек крестился дрожащей рукой и ничего вокруг не замечал. Сколько муки, почти нечеловеческого страдания было в его глазах, сколько стыда, боли и такого не показного покаяния, какое редко увидишь у людей благополучных, хотя и считающих себя благочестивыми и соблюдающими все предписания церковной жизни.

Я смотрел на него с изумлением и трепетом, потому что на моих глазах и на глазах всех, кто его видел, совершалось настоящее чудо – чудо преображения, когда уходит все временное, ненастоящее, грешное и сквозь грубую оболочку просвечивает неуничтожимый и прекрасный даже в этом человеке образ Божий... И вскоре я заметил, что люди стоящие рядом, смотрят сочувственно и понимающе и что они, так же как и я, увидели в нем человека погибающего, но не погибшего, человека, которому нужна действительная помощь и поддержка сейчас, даже если потом он снова оступится и будет продолжать свое падение с еще большей скоростью.

Это был сошедший со страниц Достоевского Мармеладов, и такая потрясающая, такая наглядная иллюстрация притчи о мытаре и фарисее...

Этюд на заданную тему

...Он часто думал, как могла бы проходить эта встреча. Как двух, только что познакомившихся людей? Ни слова о прошлом, о том прошлом? Только настоящее и будущее, нейтральные темы? Но внезапно, без усилия с их стороны, почти нечаянно, возникнет имя, общее и дорогое для обоих. Имя человека, который объединял их общей любовью к нему и память о котором они хранят как святыню. И тогда наступит та долгая пауза, которая так часто разрывала их разговор, когда они неумело и долго выясняли отношения, пауза, погружавшая каждого в свое отдельное воспоминание, где еще не было его или ее, и мир был чист и полон надежд, и жизнь сверкала впереди широкой праздничной улицей. И оба они снова погрузятся в прошлое, но и на этот раз у каждого из них будет свое отдельное прошлое, и только события будут общими у обоих. И кто-нибудь осмелится, наконец, взглянуть в глаза другому и увидит в них почти скрытое отчаяние, мольбу или крик, хотя слова будут совсем о другом, общие, вежливые слова, немного грустные и подобранные так тщательно, как подбирают каждую деталь, каждый цвет и каждый предмет гардероба, оформляя напоказ витрину своего прошлого. А зайдешь в магазин – холод стеклянных шкафов дохнет на тебя со всех сторон, и продавец в белом халате улыбнется своей страшной неживой улыбкой. И тогда возникнет одно желание: бежать, бежать скорее из этого жуткого паноптикума... Где нелепые чучела поедают тебя



своими выпуклыми глазами, из этого морозильника, где в больших аквариумах из темного зеленого стекла сонно плавают синие рыбешки бывших недоразумений и обид, навсегда обреченные на немоту твоими письмами, стихами и рассказами, которыми ты все еще с одержимостью безумца стреляешь в прошлое, пытаешься попасть в яблочко смысла.

Медленно и равнодушно скажет она: «Да, все давно прошло и сгорело, все это были детские и грешные дела», а ты ответишь: «Или детские, или грешные... Вряд ли это одно и то же». «Что?» «Или детские, или грешные...» «А, ну да, конечно... Конечно». И снова пауза, бесконечно долгая пауза, и уже сами минуты разрываются от невыносимой растяжки и тяжести, и тебе кажется, что ты слышишь, как они кричат от боли и умоляют отпустить их на свободу. И поэтому ты просто спрашиваешь: «Еще чаю?..»

Книга

«Здравствуй, дорогая Настасья Федоровна!

Получила я твое письмо и очень рада, что ты пошла на поправку. В наши-то годы такой подарок нечасто случается. Дай Бог, чтоб и дальше дело шло так же хорошо, как сейчас.

У меня же и новостей почти нет, скриплю помаленьку. Нога моя снова болеть начала, хотя вроде бы весеннее обострение уже прошло. Мой внучатый племянник переехал ко мне окончательно – раньше-то он по полнедели у себя в общежитии проводил, а теперь, видно, надоело ему мыкаться по комнатам, вот и осел у меня. В субботу мы с ним ездили на дачу в Опалиху, он мне накопал грядок, а я посадила морковку и топинамбур. Весна в этом году в Подмосковье выдалась ранняя и теплая, теперь главное, чтоб заморозков не было.

А на прошлой неделе разбудил нас рано утром, часу в седьмом жуткий собачий вой – у нас ведь собака жила в подъезде. Я проснулась, и мне не по себе стало, словно умер кто. К несчастью, так и оказалось. Но расскажу по порядку. В подъезде нашем, в конурке под лестницей, поселился в конце зимы бомж. Да не один, а с собакой. Породу-то не знаю, но похожа на простую дворнягу. Ну мы, то есть жильцы, ясное дело, не очень обрадовались такому соседству. Но Филимонова из двести первой квартиры (прямо подо мной живет, я тебе писала про нее, одна с двумя детьми) уговорила нас, сказала, что он безобидный, пусть, мол, поживет, пока не потеплеет, а там видно будет. Еще сказала она, что разговаривала с ним и по всему видно, что бывший интеллигент, потому как поразил он ее знанием какого-то художника, уж не помню какого, у меня на имена-то всегда память плохая была, сама знаешь, хоть и работала в прокуратуре. Ну, в общем, уговорила она нас, и мы на это дело глаза закрыли. Да и новый сосед наш вроде приличным человеком оказался, не дебошир, тихий, спокойный. Ну, пил, конечно, так они же все почти пьющие, бомжи-то. А что им еще делать при их жизни такой. Но наш никогда не кричал, матом не ругался почти никогда. Приходил незаметно и спать ложился в своей конуре, и не слышно, и не видно его. Мы все привыкли к нему, а некоторые даже подружились с ним, причем, довольно скоро. Но вид у него был и впрямь жалкий, даже для бомжа. Весь обросший, лохматый, ходил всегда в какой-то выцветшей телогрейке и в шапочке лыжной, но вот ботинки почему-то всегда хорошо чистил, вот это удивительно было. Хоть и старые они совсем были, и даже худые, наверное, но всегда он ухаживал за ними так, как будто в театр собрался или на прием к министру. Как ни странно, мы все в подъезде нашем очень быстро

привыкли и к нему, и к собаке его, которая, кстати, как водится, очень на хозяина была похожа: такая же тихая, спокойная, но осторожная очень, никого к себе не подпускала, ни в какую. Сразу клыки наружу и рычит. Мы ее, конечно, подкармливали, чем могли. Ну и «интеллигента» нашего тоже (кстати, потом уже выяснилось, что он бывший художник), кто чаще, кто реже. Филимонова, так та почти каждый вечер носила ему что-то. Да она вообще как с другой планеты – последнее готова отдать. Недаром соседи ее прозвали «блаженной». Да не только едой кормила, но и книжки ему носила «духовные», ну религиозные, то есть. Не хлебом, мол, единым. Художник-то, правда, не особо книги ее читал, видимо не верил он или просто читать не хотел ничего – уж не знаю.

Разговорчивым он не был, все молчал больше. Но и угрюмым не назвала бы его, скорее смирный или смилившийся (уж не знаю, как точнее) какой-то. Словно он уже ничего не хотел в этой жизни и не ждал ничего. Вот на что я сразу обратила внимание, так это глаза его. Грустные очень. Даже когда он улыбался, что, впрочем, редко случалось, глаза у него всегда грустными оставались. Ну, знаешь, как в книжках часто пишут про какого-нибудь там Байрона или еще кого, что глаза, мол, у него никогда не смеялись. Я раньше думала, что такое только в романах и бывает. Но вот оказалось, что не только. Вот и в тот вечер, когда я его позвала к себе, чтоб блинами угостить, у него глаза очень грустные были. Мы в лифте на восьмой этаж поднимались и я спросила, как, мол, поживаешь, Валя, не нашел еще работы постоянной. А он только головой покачал молча, нет, мол, не нашел, и улыбнулся чуть ли не виновато, словно я его начальник какой. Я пригласила его в квартиру и пошла на кухню сразу, чтоб блинов ему положить. А он остался в прихожей стоять. Племянник мой из комнаты вышел, поздоровался с ним. Я возвращаюсь и вдруг вижу, что с Валентином что-то произошло. Лицо у него совсем другое стало, совершенно изменилось, словно увидел он что-то небывалое и страшное. И застыл весь, как изваяние, а глазами так и впился в тумбочку. Я ничего не поняла, на тумбочку смотрю – ничего особенного: телефон, блокнотик, книга, ручка. А художник спрашивает: «Простите, Светлана Матвеевна, это ваша книга?» «Да, говорю, хочешь взять почитать?» «А где Вы ее купили?» – снова спрашивает он и по голосу видно, что волнуется страшно. Я удивилась – что за допрос с пристрастием, но ответила ему честно, что в букинисте каком-то, в центре, точно не помню, поскольку давно, мол, это было, где-то. А в чем дело-то, спрашиваю. «Это книга.... Вы не дадите мне ее буквально на одну ночь? Завтра в десять я верну ее, обещаю». «Пожалуйста, но только ее, кажется, сейчас мой племянник читает. Да, Володя?» «Да нет, ничего, у меня сейчас все равно нет времени, так что я могу уступить», – ответил Володя. Я взяла книгу, – это была «Повесть о двух городах» Диккенса, – и протянула ее Вале. «Спасибо Вам огромное...» – пробормотал «художник» и почему-то быстро отвернулся и вышел за дверь. Мы с Володей переглянулись, удивленно так, а чуть позже, за ужином, он сказал мне, что определенно видел слезы в глазах Валентина. Да и мне тоже так показалось. Я говорю Володе: «Наверное, когда-то это был его любимый роман». Володя помолчал, в окно посмотрел и говорит: «Или любимый роман того, кого он любил...»

Ну, а утром, около семи, зашли к Валентину дружки его, машину с продуктами они собирались разгружать, зовут его, а он не отзывается. Хотели зайти в каморку, да Чарли его лаем заходится, никого близко не подпускает... Как мне потом Филимонова рассказала, когда книгу заносила, полная тарелка окурков возле него лежала и Диккенс, значит, в раскрытом виде. И лампа включенной осталась – читал, наверное, до последней минуты. Ну, друзья его сразу, конечно, милицию, врачей вызвали, всё, что полагается в таких случаях. Диагноз поставили, оказалась острая сердечная недостаточность. Кто бы мог



подумать... И так всем нам жалко его было, ведь привыкли к нему уже и полюбить даже в каком-то смысле успели.

А Филимонова у меня посидела немного, мы с ней чаю попили, поговорили о случившемся. Она книжку взяла, открыла обложку и говорит: «Почитай, что написано» И тут до меня вдруг дошло! Книжка-то с дарственной надписью была. «Милому Вале с пожеланием творческих успехов и с надеждой на новые встречи». И подпись: Катя. Вот Надежда Николаевна мне и говорит, что, мол, может это его книжка и была. Может, когда он спиваться-то начал, продал ее кому-нибудь за пол литру или в магазин отнес. А вчера увидел у меня и вспомнил жизнь свою прежнюю, человеческую, и не выдержало сердце. Да мало ли на свете Валентинов, говорю я Филимоновой. И с чего вы взяли, что это именно книжка была? Она помолчала и говорит: да, конечно, Валентинов много, а только чувствую я, что его эта книга, просто чувствую и всё тут, а объяснить не могу.

И еще она мне рассказала немного про Валентина – она ведь много общалась с ним, особенно в последние недели. Так вот, сказала, что много ему в жизни пережить пришлось, и что жена у него была когда-то, и ценили его как художника. А потом вроде что-то у них случилось, и ушел он от нее к другой вроде. А через годика два понял, что ошибся и назад захотел вернуться. Да только поздно уже оказалось – жена его умерла от рака, причем быстро так, что он даже и не знал, что она больна была, хотя не видел ее всего 3-4 месяца, пока на даче под Москвой где-то жил со своей кралею молоденькой. Вот с тех пор он и запил и вниз покатился, все простить себе не мог и себя винил в смерти ее. Вот такие дела, Настасья... Чего только не случается в жизни.

Я спросила у Филимоновой, так это жену его, что ли, Катей звали? Не знаю, говорит, не называл он имени ее, да и рассказывал очень немного, не хотел или не мог, а скорее и то, и другое. Да, в конце концов, не в том дело, как ее звали. И даже не в том, его ли книга была. А в том, что с книги его жизнь настоящая началась и этой же книгой и кончилась. Вот что интересно. Так мне Филимонова объяснила, и я с ней, в общем-то, согласна. Она все-таки много понимает, и человек очень светлый, хотя многие и считают ее не от мира сего. А по мне, такие люди глубже нашего жизнь видят, и нам у них учиться бы надо. «А Вы сами-то читали роман этот?» – спросила я Надежду Николаевну, когда она уже в дверях стояла. «Да, но давно это было, в молодости еще. Очень хороший роман, очень добрый. И знаете, главный герой, кстати, чем-то на Валентина похож».

Вот на этом и заканчиваю свое затянувшееся послание, дорогая моя Настасья Федоровна. Привет передавай от меня старику своему и держись, не болей. Мы еще с тобой проживем!

Целую тебя, твоя Светлана.

P.S. А собаку его, Чаппи, с того дня не видел никто. Как Валентина увезли, убежала она и в подъезд больше не возвращалась. К собачатникам попала или бродит где-то, никто не знает. Москва – город большой...»

«От окраины к центру...»

В большом городе всегда начинаешь искать себя. Даже когда тебе кажется, что ты ищешь что-то другое. Даже когда ты переполнен впечатлениями и, не зная усталости, готов впитывать их бесконечно. Так происходило со мной в Лондоне, когда я часами бродил по его вечерним улицам, разглядывал витрины магазинов и ресторанчиков, заходил в книжные лавки и спускался в букинистические подвальные, бережно хранящие восхитительные россыпи и запахи старых книжек с пожелтевшими хрупкими страницами. Несколько раз я заходил и в пабы с их непередаваемой атмосферой, с их удивительным сочетанием веселых шумных компаний, утопающих в плотных клубах сигаретного дыма, и какого-то особого уюта, который присущ, вероятно, исключительно этой стране и является уже давно частью ее мифа. Миф этот, впрочем, гораздо более осязаем и реален, чем те же пресловутые лондонские туманы, которые действительно большей частью красивый миф, прочно укоренившийся в нашем представлении о Лондоне. Позже, когда я приехал в этот город в третий раз и прожил в нем год, я видел туман всего один раз за все это время, но зато уж это был настоящий туман, такой, что буквально не было видно дальше 2-3 метров.

Но сейчас я хотел бы поговорить о другом. А именно об ощущении потерянности в большом городе, которое, как мне кажется, всегда подсознательно присутствует у каждого, кто впервые попадает в такой мегаполис, как, например, Лондон или Москва. Впрочем, с полной уверенностью могу говорить только о своем собственном опыте. Так вот, у меня в Лондоне сразу появилось чувство невероятной свободы, когда кажется, что можно идти куда угодно и делать все что угодно. Но если первая часть довольно в большой степени совпадала с реальностью, то вторая была, разумеется, сильно ограничена такой прозаической деталью, как количество бумажек с портретом королевы или их знаменитого классика, любимого нами, кажется, даже больше, чем самими британцами.

Потерянность всегда бывает по отношению к чему-то. Мы можем потеряться в чужом городе, когда нам нужно куда-то попасть, а мы заблудились. Бывают, правда, случаи, когда мы бродим по чужому городу безо всякой определенной цели и, тем не менее, ощущаем такого рода потерянность. Так было, например, со мной в Алма-Ате, когда сама топография, сама структура города навевала на меня какую-то подсознательную тоску. Дело в том, что этот город имеет четко выраженную прямоугольную структуру. То есть, он разбит ровными прямыми улицами на кварталы, так что в нем очень легко найти практический любой адрес, зная, на пересечении каких улиц он находится (или между какими), как в шахматах. Но из-за такой топографии в Алма-Ате нет четко выраженного центра, как некоего средоточия всего самого главного в городе, своего рода сердца города. Такой центр очень ярко выражен, конечно же, в Москве, но и в других городах он почти всегда более или менее локализован. Санкт-Петербург, как из ствола дерева, растет из Невского проспекта, хотя там есть и Васильевский остров, и Литейный проспект. Тем не менее, для нас этот город прежде всего связан с Невским, Эрмитажем, Исаакиевским собором, Медным Всадником – все эти замечательные объекты и составляют центр. В Лондоне это, наверное, Big Ben, Trafalgar square, Piccadilly circles, в Париже – Елисейские поля и т.д.

Так вот, в Алма-Ате ничего подобного нет и в помине. В результате некуда идти, нет *центра притяжения города*, куда можно было бы стремиться, и где можно было бы бродить, изучать, наблюдать жизнь города. Поэтому я и ощущал там какую-то жуткую потерянность и неприкаянность, было как-то не по себе и хотелось поскорей вернуться на



квартиру, где мы остановились. Помню, тогда мне подумалось о том, что, возможно, вообще наше сознание по природе своей моноцентрично, то есть для него как бы необходимо наличие центра – города, мира, Вселенной. Сознание наше не выносит относительности, нужна какая-то привязка, точка отсчета, центр координат. И в пространстве географическом, и в пространстве душевном, не говоря уже о духовном, нам нужно то, от чего мы могли бы отталкиваться, точнее, к чему мы могли бы притягиваться. Мы как бы соизмеряем свое местоположение с этим центром и оцениваем, как далеко от него мы находимся.

Интересно, что и в литературе встречается тема центра (и окраины, соответственно). Первое, что приходит в голову – «Москва – Петушки» (Веничка так и не дошел до Кремля) и «От окраины к центру» Бродского.

Таким образом, соотнесение своего местонахождения с определенной точкой в пространстве (в нашем случае, с центром) есть своего рода стремление человека к уменьшению энтропии, то есть как бы психологическое противодействие второму закону термодинамики. Нужен ли нам центр сам по себе как некая область пространства? Ведь мы, живя в наших городах, не так уж часто ходим в центр, так только, по мере необходимости. Подозреваю, что нам больше необходим не столько сам центр, сколько сознание того, что он существует. Это придает нашей жизни некую устойчивость и ритмичность, удерживая нас на орбите повседневного быта. Независимо от геометрии нашего перемещения, центростремительно ориентированное сознание удерживает нас от внутреннего хаоса.

Но интересно отметить, – и это, кстати, вносит существенную коррективу во все выше приведенные размышления, – что присутствие в человеке духовного центра или, точнее, центра духовной жизни (если таковая имеет место быть), делает его существование практически независимым как от географии его жизни вообще, так и от центра физического, в частности. Тот, кто концентрирует всю свою жизнь вокруг духовного центра, не только создает этим самым абсолютную систему духовных координат, в которой все остальное становится и в буквальном, и в переносном смысле относительным, но и получает при этом внутреннюю свободу перемещения в пространстве (и, кстати, во времени тоже). Наш духовный центр зависит от нашей воли и чистоты, и следует помнить, что он является лишь зеркалом, в котором, если оно, конечно, чисто, отражается *другой* Центр, высший центр мироздания, его Творец. Царство Божие в нашем сердце, и горе нам, если мы не пытаемся пробиться к нему и построить свою жизнь вокруг этого Центра. Ведь в этом печальном случае мы всю жизнь обречены на духовное изгнание и голод, на бессмысленные и истощающие поиски городов и их центров с дурной бесконечностью магазинов. На бесконечные поиски того не существующего центра в не существующей столице, где мы могли бы забыться в тяжелом сне, состоящем из бесконечной смены работы и развлечений, и не вспоминать мучительно своё *настоящее* имя, своё *настоящее* прошлое и свой *настоящий центр*, в котором всё еще ждет нас, словно брошенный и беспомощный ребенок, наше истинное «я», в глаза которого мы так боимся взглянуть, дабы не увидеть в них нечто такое, что навсегда разрушит наши уютные иллюзии и лишит нас столь ненадежного покоя, возведенного лукавым временем на руинах нашей души...



Владимир ФЕТИСОВ

ДЕРЗКИЙ РЕЙД КАПИТАНА КОРНИЛОВА

Рассказ-быль

Это случилось зимой 1898 года. Над древней Бактрией солнце приближалось к зениту, когда в кабинет начальника гарнизона генерала Ионова, вошёл молодой капитан с несколько азиатскими чертами лица.

Браво щёлкнув каблуками он доложил.

— Ваше превосходительство, капитан Корнилов, помощник старшего адъютанта начальника штаба Туркестанского военного округа. Направлен в распоряжение вашей части с особым заданием.

— Здравствуйте, капитан. Да, я получил депешу из Ташкента. Лавр Георгиевич, если не ошибаюсь. Добро пожаловать. Насколько я знаю, ваша задача — рекогносцировка приграничных районов.

— Так точно.

— Давно в Туркестане?

— Как сказать. После окончания училища в 1892 году, прослужил в Ташкенте два года, а затем поступил в Академию, и вот, окончив её, снова выбрал этот край.

— Понимаю вас. Что ж, я окажу вам полное содействие. А пока, отдохайте, вы наверное устали с дороги. Вам приготовлено помещение. Мой ординарец отведет вас. А вечером прошу пожаловать на обед в нашу столовую, я познакомлю вас с нашими офицерами.

И командующий Первой Туркестанской линейной бригады вновь склонился над бумагами.

Имя Михаила Ефремовича Ионова было известно далеко за пределами Туркестанского края. Легендарный командир, под чьим началом сделала свой первый боевой выстрел легендарная русская «трехлинейка», единственный русский военачальник, позволивший себе войти с войсками на территорию Британской Индии. В 1891 году он возглавлял охотничьи команды Туркестанских линейных батальонов и казаков на Алае и Памире, где очищал от афганских и китайских постов территории бывшего Кокандского ханства. В результате этих действий были арестованы британские агенты Дэвидсон и Янгхасбенд, а китайский пограничный чиновник Чань выдворен в Кашгар. Всё это тогда вызвало широкий международный резонанс и, в конце концов, заставило английских дипломатов признать государственные границы России на Памире. Вот под начало этого славного командира и прибыл молодой выпускник Николаевской Академии Генерального штаба, являвшейся кузницей элиты Русской Императорской армии.

Вечером направляясь в столовую Корнилов заметил небольшую группу туркмен, сидящих на корточках и о чем-то оживленно беседующих. Очевидно, это были джигиты из

туземной милиции, в задачи которой входила полицейская служба на территории генерал-губернаторства, охрана военных объектов и «занятие постов на границе». Фактически это было воинское подразделение в ранге дивизиона.

Капитан подошел к туркменам и заговорил на их родном языке. Те, несколько удивившись, ответили. Завязалась беседа.

— Откуда так хорошо знаешь наш язык, — спросил очевидно старший по чину туркмен, по имени Мулла-Рузы.

— С детства знаю. Родился в Усть-Каменогорске, и мама моя, хоть и православная, но из киргизского⁴ рода. Потом служил здесь два года, местные языки знаю.

Было видно, что общение с туркменами доставляло огромное удовольствие молодому русскому, но нужно было идти знакомиться с офицерами.



Столовая, когда туда вошел Корнилов, была уже заполнена. Ионов представил сослуживцам Лавра Георгиевича, но многих капитан уже знал по предыдущей службе. Обед состоял из простых, но сытных блюд, в том числе и из свежевывловленной амударьинской рыбы. Потом начались разговоры, посвященные большей частью военной сфере.

— А что, господа, вы скажете относительно крепости, которую афганцы с помощью англичан, строят недалеко от нашей границы? — обратился к присутствующим Ионов.

— Опять англичанка гадит, — раздался хрипловатый голос, немолодого подполковника.

⁴ Киргизами тогда называли казахов.

— Очень бы хотелось взглянуть на это чудо фортификационного искусства.

— Да, только, как говорится, близок локоток, да не укусишь. На той стороне разьезды афганские так и снуют, мышь не проскочит.

Прошло несколько дней после этого разговора, когда Корнилов, за это время тесно сблизившийся с милиционерами-туркменами, подошел к Мулле-Рузы. Отведя в сторону спросил:

— Ты знаешь, что афганцы строят крепость недалеко от Мазари-Шарифа?

— Слышал. На базаре караванщики болтают, очень большая. Прямо у выхода с Гиндукуша. А что?

— Я хочу пробраться туда, чтобы рассмотреть поближе. Я знаю, ты храбрый джигит. Пойдешь со мной?

— Опасно. Но отчего не сходить, это мужское дело. Только если попадемся, смерть будет мучительной. Живыми сдаваться нельзя.

— Последнюю пулю я оставлю себе — ответил Корнилов. — Живым меня не возьмут. Готовься, время выхода я скажу позже.

— Хорошо. Я возьму ещё одного товарища, Кули-батыра. У него родственник на той стороне живет, можно будет лошадей взять. Ты денег побольше возьми.

В тот же день Корнилов отправился к генералу Ионову.

— Ваше превосходительство, Михаил Ефремович, хочу отпроситься у вас. Мне нужно отлучиться на два-три дня.

— Что случилось, Лавр Георгиевич? Уж не зазнобу ли какую успели завести?

— Ну что вы, Михаил Ефремович, я человек семейный, жена и дочь в Ташкенте ждут. Очень нужно, потом объясню, не хочу, как говорится, сглазить.

— Ну, хорошо, езжайте куда там вам надо. Я в штаб не буду сообщать.

Темная ночь опустилась на Аму-Дарью, падал мокрый снег, когда три тени неслышно скользнули к берегу, где в кустах были заранее спрятан плот из гупсаров — герметично сшитых овечьих шкур наполненных воздухом. С их помощью и осуществилась переправа на другую сторону. Ещё не наступило утро, когда на афганском берегу возле селения Чушка-Гузар показались три туркмена. Лавр Георгиевич обрил наголо голову и одетый в туркменский халат ничем не отличался от своих товарищей.

Лошадей, как и было задумано, взяли в аренду у знакомого Кули-батыра, и опаснейший поход начался. Едва отъехали на несколько километров, вдали показалась группа всадников. Это как раз и был один из тех разъездов-патрулей, которые так и сновали вдоль границы. Вскоре трио русских разведчиков были окружены афганским отрядом.

— Кто такие, — грозно спросил предводитель.

Вперед выступил Мулла-Рузы.

— Мы подданные Бухары, господин, услышали, что Эмир Афганистана Абдуррахман-хан, да продлит Аллах его дни, набирает сарбазов в свою армию. Вот едем наниматься.

— А что это у тебя в сундуке? — неожиданно указал начальник патруля на большой ящик, притороченный к седлу лошади Корнилова.

У русского капитана тревожно забило сердце. Там был спрятан фотоаппарат американской фирмы “Кодак” — последнее техническое достижение в фототехнике.

— Там чистая одежда и вещи для молитвы, — спокойно ответил Корнилов.

И открыв крышку показал лежащие сверху молитвенный коврик, четки и Коран.



— Хорошо, езжайте, и пусть Аллах поможет вам исполнить желание послужить нашей стране.

Облегченно вздохнув, разведчики пришпорили коней и устремились к своей цели.

Окружающий пейзаж поразил Корнилова. Всюду были видны следы разрушения и запустения: развалины кишлаков, брошенных, по-видимому, недавно, городов с остатками огромных башен, стен, минаретов и зданий со следами древней высокой архитектуры тянулись на несколько верст по сторонам пути. По рассказам туркмен-попутчиков, всего лишь несколько десятков лет тому назад все эти развалины представляли собой цветущие города и селения, обитаемые таджиками, узбеками и туркменами. С появлением в долине Амударьи афганцев, поселения начала пустеть, жители, спасаясь от притеснений и поборов, стали разбегаться, и результатом полувекового господства афганцев стало полное запустение некогда цветущих, огромных городов Сиягырта, Бербер-Шахара и Балха.

Солнце стало клониться к закату, когда впереди показались стены крепости, недалеко от которой располагался караван-сарай на окраине небольшого кишлака. Там и расположились. Во-первых, нужно было утолить голод, а во-вторых, расспросить постояльцев. Впоследствии Корнилов во время своих следующих разведывательных миссий постоянно прибегал к этому методу сбора информации в чайханах и караван-сараях. Вскоре на постоялый двор вновь заглянул патруль, и опять пришлось излагать ту же легенду о нукерах, едущих в Кабул наниматься в армию афганского правителя. Обошлось и на этот раз. Заночевали там же, и едва первые лучи солнца осветили приют разведчиков, отправились к крепости. В этот ранний, безлюдный час Лавру Георгиевичу удалось сделать пять фотоснимков, зарисовать схему укреплений и хладнокровно произвести съёмку двух дорог, ведущих к российской границе.

Обратный путь прошел также благополучно, и воспользовавшись все тем же плотом из бурдюков, разведчики переправились на родной берег.

Не теряя ни минуты, Корнилов, даже не переодевшись отправляется к командиру.

— Ваше превосходительство, хочу вам кое-что показать.

Генерал несколько секунд недоуменно смотрел на внезапно ввалившегося к нему туземца в пыльном халате, наконец, узнав, воскликнул.

— Господи, Лавр Георгиевич, что за маскарад? Вы откуда?

— Сплавал за речку, Михаил Ефремович, и смотрите что привез.

С этими словами, Корнилов разложил на столе свои бумаги.

— Это крепость Дейдади.

— Как вам это удалось? Но ведь вы страшно рисковали, вас могли схватить и посадить на кол.

— Эти сведения стоили того, — спокойно ответил Лавр Георгиевич.

Ионов тотчас отправил в Ташкент подробный рапорт о дерзком рейде, хлопоча о награждении капитана Корнилова орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Однако командующий войсками Туркестанского военного округа посмотрел иначе на несанкционированную акцию. Генерал Ионов получил строгий выговор за то, что рисковал молодым способным офицером, сам же Корнилов отделался нагоняем и угрозой месяца ареста за повторение подобного.

Но это была официальная реакция на нарушение воинской дисциплины, другое дело, что инициативный, отважный, владеющий восточными языками, способный к разведывательной деятельности офицер был замечен соответствующими службами.

А смелый рейд к крепости Дейдади стал образцом для последующих операций подобного рода. Сведения же, добытые разведчиками, оказались бесценными. В руках русского командования оказались карты и снимки не только крепости Дейдади, но и планы укреплений Шор-Тепе, крепости Тахтапуль, снятых Корниловым на обратном пути, чертежи афганских воинских казарм, места расположения крепостной артиллерии. Русский разведчик провел съемку дорог от переправ через пограничную реку к Дейдади, привез описание характера укреплений и анализ пропускных возможностей коммуникаций, обзор приграничной северной области Афганистана. Как вспоминал впоследствии генерал Иван Павлович Романовский (впоследствии один из ближайших сподвижников Корнилова по Добровольческой армии): «Разведка крепости Дейдади разбиралась в войсках как пример тщательно спланированной операции, и прибывших на службу в Туркестан офицеров специально знакомили с этой чрезвычайно опасной экспедицией».

Так завершился первый, — в череде последующих славных дел, — подвиг Лавра Георгиевича Корнилова. Впереди его ждала жизнь, наполненная приключениями, битвами и героической смертью. свободно, как и они. Забегая вперёд, скажу, что неизменно, до конца жизни, генерала Корнилова охраняли туркмены-текинцы.



Лавр Георгиевич Корнилов



Галина ВОСТОКОВА

ИНЫЕ

Повесть

1

Сиял ослепительный Сонал. Век за веком вальсировала вокруг него Асольсина. Ее единственный материк омывался синими волнами бесконечного океана.

Король Асольсины Хиан-Яр-14 избегал суетной столичной жизни. Он, так ничего и не решив, подошел к окну, отдернул шторы. В вечернем свете стволы деревьев казались совсем красными, а листва из бесформенной зеленой массы превратилась в прекрасное творение из резных пластинок, поблескивающих то золотом, то изумрудом. Хиан-Яр не единожды пытался запечатлеть на полотне чудо этих мгновений, но не хватало терпения тоненькой кисточкой вырисовывать каждый листик. Также как и игру лучей в воде. Океан плескался далеко. Но кто хоть раз видел, как Сонал скрывается за ним, не забудет живой дорожки в цвет расплавленного золота, превращающейся в вереницу подводных фонариков и исчезающей засыпающими светлячками.

Краски поблекли. Сиятельную эстафету приняла Селла, белым нефритовым шаром повисшая над землей. Хиан-Яр с удовольствием предался бы безмятежному созерцанию звездного неба. Но завтра в Ложу Министров встанут те же вопросы, как и неделю, а в общем, как и четверть века назад. И теперь отодвинуть их стало совершенно невозможно.

Собственно, решение у него сложилось. Но оно шло в разрез с конституцией Асольсины. Недели не прошло после празднования Дня Мира. Уже три века страна наслаждается относительным покоем.

Три века назад бесконечные войны, раздиравшие княжества, почти утихли сами собой – некому стало сражаться.

Женщины, дети и старики все еще на ночь запирали двери и ставни на надежные замки, боясь нападений врага, а жалкие стайки вояк затаились в лесах и предгорьях, пытаясь добыть сведения о силах противника.

По разоренной земле от селения к солению, от ставки к ставке скакал тогда бывший крестьянин Яр, давая себе отдых на час-другой в сутки, чтобы перевязать раненое в боях плечо и ненадолго сомкнуть глаза. И призывал всех опомниться – что будет, если последние мужчины в слепой ярости уничтожат друг друга? До мести ли, до захвата ли земель, когда на каждую живую душу хоть по два, хоть по три дома с трупами? Кое-как собрал он общий совет из остатков враждовавших командиров. Только тогда очевидной для них стала катастрофа Асольсины. Каждый из них дал клятву – за себя и потомков – сломить оружие на все времена.

А как жить дальше? Без главы не обойтись. И все сошлись на том, что только Яру надлежит быть королем. Он отказывался – и власти с почестями не хотел, и политику не любил. Какой уж король из крестьянина. С месяц командовал всем самый громкоголосый

солдат, вызвавшийся навести порядок в стране. Но посмотрел Яр, как заставляет тот своих бывших врагов заниматься кладбищенскими делами, а сам с соратниками обустроивается во дворцах, сказал: «Так не пойдет!», и принял на себя все королевские полномочия. Тот день стал Днем Мира.

Со временем Яр подобрал толковых помощников для Ложи Министров. Зная лишь всего понемногу, не ставил себя в делах выше специалистов, помогал при случае своими мужицкими советами. Но очень уж к стати оказывались они. А главное – он старался предотвратить любые разногласия. «Только без свар и интриг!» – морщился он, когда чересчур ретивые деятели пытались любым путем добиться своих, пусть и похвальных, целей. Нет. Он часами мог выслушивать по очереди обе конфликтующие стороны и задавал, задавал вопросы. В конце концов, тому или другому из споривших становилась очевидной слабость собственной позиции, и противостояние исчерпывалось само собой.

На королевскую жизнь – с целью захвата власти, денег, трона – никто никогда не покушался. Власть-то была, но право «вето» использовалось в исключительно редких случаях. Яр-1 и последующие занимали позицию скорее наблюдательную, а каждый из министров был полноправным хозяином в своей отрасли. Деньги? Богатство? Отнюдь нет... Достойное содержание королевской семье обеспечивало государство. А счета ее подписывались Министром Финансов, действующим прежде всего в интересах народа. И сложилось так, что с добрый десяток граждан из среды промышленников и предпринимателей со временем обзавелись состоянием и виллами пороскошнее королевской. Трон, как символ главенства для честолюбцев? Но они могли реализовать свои амбиции, заняв подобающее место в Галерее Благодетелей Отечества. Впрочем, трона как такового не было. Деловые встречи король проводил в кабинете, правда, красивом, обшитом зеленоватым штофом, с мебелью светлого дерева и удобными креслами. А совещания в круглом зале Ложи Министров проводились за круглым же столом. Обычно за ним стояло 12 одинаковых стульев – по числу ведомств, и один – королевский. Сделанный из такого же, как остальные, терпентина, он отличался высокой закругленной спинкой, наверху которой поблескивала серебром стилизованная корона из белых лилий. Собственно, это и могло бы называться троном. Делался он под рост Яра-1. Хиан-Яр-14 был несколько ниже. Получалось, что вроде бы недотягивал до короны. Но его это мало волновало. Когда делался первый в истории телерепортаж из зала Ложи, его режиссер настоял, чтобы на сиденье короля положили кожаную подушечку – для повышения престижа. И нужная вещь была тотчас извлечена из запасников Ложи. Ею в прошлом пользовались королевы.

Главной проблемой Хиан-Яра и одной из главных проблем Ложи оказалось престолонаследие. До сего дня все было просто: первый ребенок главы Асольсины, будь то мальчик или девочка, по достижении 25 лет становился королем или королевой. Но закон не предусмотрел возможности появления двойни. А именно это и произошло в семье Хиан-Яра. Два прекрасных здоровых малыша. Темноволосого называли Нефед, светленького – Фид. Первым на свет появился Нефед. Казалось бы, и вопроса не могло возникнуть. Да не тут-то было. Министр Здоровья, пользующийся в некоторых слоях особым уважением, внес разноречивые мнения приближенных. Он с полной уверенностью утверждал, что старшим считается тот, кто первым попал во чрево матери, проник глубже и вышел позже. Именно он важнее. Потому что первым из двух выходит тот, кто попал во чрево почти случайно, вдобавок, неосновным. Так и остался вопрос открытым.



До поры до времени мальчиков воспитывали одинаково. Но резвому Нефеду больше хотелось бегать и играть. Спокойный же Фид состязаниям в борьбе и лазанью по деревьям предпочитал чтение сказаний или совсем уж бессмысленное времяпрепровождение вроде наблюдения за движением облаков или полетом птиц с крыши дворца, где он устроил себе огражденную терраску с легким топчаном и столиком для книг. Ну и учителя определились в соответствии с характерами братьев. Нефед влюбленными глазами смотрел на бравого Дисса, втихую гордившегося боевым прошлым своего далекого предка, к тому же умевшего починить любую машину и знающего все о происходящем в столице. А Фид, раскрыв рот, слушал старинные легенды и учился по еле уловим признакам отличать заболевающее дерево от здорового или определять предстоящее изменение погоды. Его наставника звали Хафт, и свое происхождение он вел из клана жрецов. На подобных ему личностей промышленники, технари и даже вольные артисты смотрели как на людей к жизни не приспособленных, устаревших. Мыслимо ли даже рассказывать про каких-то древних богов, когда делом доказано, что это выдумка, вредная для граждан Асольсины?

Когда сыновья были еще маленькими, Хиан-Яр испытывал к ним самые нежные отцовские чувства. Его до слез умиляли детские шалости, ясные глазки и беззаботный смех. А потом у каждого появились собственные увлечения. И теперь Хиан-Яр ловил себя на мысли, что относится к ним несколько отстраненно, без былой сердечной привязанности. Да и то – каждый из них к предстоящему двадцатипятилетию успел стать главой семейства.

А все же, если его вариант не пройдет, и придется самому решать, кого сделать королем, на ком остановиться?..

В одном привлекала живость и быстрота реакции. В другом – рассудительность. А сердце помалкивало. И тот и другой, похоже, мог бы стать королем ничуть не худшим, чем их отец. Он не очень хорошо помнил себя в юном возрасте. Хотел ли он принять полномочия из рук Яра-13? Особого желания не было. Знал, что такова его доля. Зато теперь он с надеждой предчувствовал освобождение. Он уедет во дворец на берегу океана и будет писать закаты. Может, когда-нибудь удастся, как того хочется, передать трепетное движение меркнувшей золотистой дорожки на бескрайней синей в пурпур глади?

Еще один нюанс – его воцарение было непреложным, а сыновьям, о судьбе которых пока все могут только гадать, от соперничества не уйти. Это тоже следовало иметь в виду. Каждый держится своей точки зрения. При равных правах это уже сейчас выливается в явное противостояние.

При решении спорных вопросов случается разделение мнений среди двенадцати министров поровну. Хиан-Яру в таком случае приходится глубоко вникать в суть проблемы, чтобы обеспечить перевес в один голос. Если бы братья были единомышленниками, они могли бы править Асольсиной сообща, во всем помогая друг другу. Но последнее заседание Ложы особенно четко выявило их разногласие.

Речь шла о Библиотеке – одном из красивейших строений столицы. Когда-то это здание называлось Храмом Огня. В большей хрустальной чаше центрального зала неугасимо горел священный огонь. Жрецы проводили службы, торжественные гимны Огню вместе с пламенем возносились к куполу, к небу, молящиеся преклоняли колени перед сверкающей многочисленными гранями чашей с обжигающим алым цветком, неторопливые служители добавляли чистейшее масло в его сердцевину, сыпали крупинки ароматных смол в углубление рядом... Дед Хиан-Яра еще помнил запах воскурений, а сам он только по книгам знал о священнодействиях в былом Храме.

Но случилось так, что при Яре-9 начался невиданный доселе прогресс в развитии техники. Расцвет? Нет, скорее фонтан, фейерверк разных изобретений. Создание новых машин и производств заняло главенствующее место в умах самых способных к наукам асольсинцев. Настал день, в котором они сказали: «Нет Бога, когда есть человек здравомыслящий!». Многие называют этот переворот Днем Свободы, хотя и не занесен он в официальные праздники.

Храм переоборудовали в Библиотеку. Зал священного Огня стал главным читальным залом столицы. Его заполнили ряды рабочих столов, и люди проводили за ними дни и вечера. Но и это время прошло. Теперь каждый сидит у экрана дисплея и обменивается не книгами, а дискетами. Библиотека опустела.

Фид предложил переоборудовать здание в Музей истории, восстановить в центре зала хрустальную чашу, пусть имитацию, без живого огня, с лампочкой, вделанной внутрь, снять со стен слои краски, скрывающие символические письма с рисунками, призвать к работе давно ушедших от дел архивариусов.

Но Нефед, как того и следовало ожидать, возмутился и предложил устроить здесь главный Дом Версий, что отвечало бы последним веяниям моды.

Наверное, людям перестало хватать новых впечатлений и возможностей самореализации. В семье и на службе ты до конца жизни остаешься самим собой. Читая книгу или глядя на экран, сочувствуешь герою, но не более того. А хочется не просто представления, хочется побыть кем-то другим, напроочь вырваться из круговорота обыденности. Кое-кто заглушал тягу к новым ощущениям выпивкой или курением огненной травки, маленькие плантации которой, ранее тщательно оберегаемые жрецами, стали достоянием всех желающих наряду с обычным табаком. Что получал? Да, раскрепощенность, туман в голове или провалы в памяти, какую-то мозаику странных образов... — для многих притягательные ощущения, но не зря поговаривали о вреде для здоровья от подобных забав. Так чем же разнообразить досуг? Хорошо актерам — сегодня они князья, завтра — обитатели трущоб. Хотя и в театре не развернешься — тексты вызубрены, от сюжета не уйти. Тут-то и появились клубы любителей версий. Собираются в каком-нибудь просторном месте, загодя обставив его соответственно выбранной эпохе, надевают подходящие случаю костюмы и разыгрывают спектакль. Но вся соль в том, что близко к истории или созданному сценарию только его начало, а дальше каждый действует как считает нужным, исходя из характера своего персонажа, окрашенного, конечно же, личным опытом и свойствами исполнителя. Заранее никто не может предсказать, к какому финалу приведет двухчасовая игра. Шахматная партия с выбранным дебютом... Некоторые разыгрывались многократно — меняется настроение кого-то из героев, роняется резкая реплика, и история получает иной, приобретает совершенно противоположный ход. В шахматах новую фигуру не добавишь. Здесь же любой из присутствующих мог как пребывать в группе пассивной массовки почти-зрителей, так и включиться в качестве никем не предусмотренного персонажа — лишь бы сохранялось единство времени, места и стиля.

Нефед побывал в столичном студенческом клубе на нескольких играх и успел оценить новое развлечение. Там же прозвучало сожаление о камерности игр, появилась идея иногда собираться всем желающим для больших постановок. Но где? Тогда и началась кампания за обладание Библиотекой.

— Книги давно пора уничтожить, — убеждал Нефед брата. — Все, что надо, есть в диско-копиях. Оставим пару сотен самых ценных...

— Кто будет определять эту ценность?



- Да хоть Министр Просвещения!
- Он оставит только справочники.
- А тебе нужны сказки? Ну и забирай все, что хочешь – пыль собирать...
- Не только мне... Людям.
- Как раз о людях я и забочусь. Народу нужно просторное помещение в центре и не нужна Библиотека.
- Уничтожить что-нибудь легче, чем сделать.
- Не уничтожить, а создать на этом месте нечто принципиально новое. Ох, братик, придется тебе прибавить шагу, чтоб не оказаться совсем в хвосте. Или на обочине. Между нами, мне тебя иногда даже жалко.
- Каждому своё. Если держать все время нос по ветру, шея быстро изнашивается.

Министр Порядка выжидающе молчал. В конце концов, это королевские сыновья. Пусть Хиан-Яр хоть что-нибудь предложит сам, а там посмотрим. Он и сам еще не до конца понимал, кого из братьев хотел бы видеть королем. Хиан-Яра он втихую осуждал за равнодушие к делам Асольсины. Фид, похоже, будет вести себя также. Но зато ведь и не мешает никому. Не слишком ли прыток Нефед? С другой стороны, Министр всегда его понимает и может предсказать его поведение, да и женат принц на кузине его племянницы. Конечно, это седьмая вода на киселе, но при случае вполне можно привлечь Нефеда на свою сторону, приручить, пока молод.

Хиан-Яр вынул из стояка темную полированную указку с серебряной рукояткой и гардой, как у шпаги. Направился к карте Асольсины, занимающей половину хорошо освещенной стены его кабинета. На ней поблескивали полудрагоценные камни, разными цветами отмечая города, месторождения, крупные промышленные объекты. Бросалось в глаза их преобладание на западе страны.

Конец указки коснулся коричневого пика Миражей в Южных горах, рельефно выступающих из зелени равнинных лесов, скользнул по ниточке Ливеи, превращающейся на пути к северу в голубую стекловидную ленту; замер у океана, почти белесого в области шельфа и густо синего по краям карты.

Зная о теме предстоящего разговора, Министр сразу понял, к чему клонит Хиан-Яр.

- Вы хотите разделить Асольсину? – не веря догадке, спросил он.
- Сначала посоветоваться с вами. Но почему бы и нет?
- А как же главный принцип государства? Только объединившись, народы Асольсии смогли предотвратить полное вымирание. Неделимость... Мне ли напоминать вам о Яре-1?

– Да-да! – торопливо проговорил Хиан-Яр. – Знаю. Но те времена давно минули. Никому и в голову не придет воевать!

– Это так вам кажется сейчас. А через десятой-другой лет одному из братьев захочется контроля над всей территорией. И пусть по площади обе части примерно одинаковы. Но запад – это наука, промышленность, большая часть населения. Или вы предлагаете перенос нескольких центров на правый берег Ливеи?

– Ну нет! Я об этом и не думал. Пусть все остается, как сложилось.

– Так вот, тот, кто получит правобережье, Асольну, не сомневаюсь, почувствует себя обделенным, и рано или поздно это проявит себя. Асина проживет и без аграрного придатка, но не наоборот. Более того, в портфеле Ложи лежит предложение о переименовании планеты в Асинсольну – по приоритету ее просвещенной части.

– Знаю, – отмахнулся король. – Это не к спеху.

– Ваше Величество, пусть даже люди не захотят настоящей войны и не допустят ее, нельзя сбрасывать со счетов «тихие» методы. В некий прекрасный момент одного короля – и именно короля Асины – возможно, найдут неожиданно почившим вечным сном.

– Угу, – Хиан-Яр вдруг смутился, – я предусмотрел и это. И еще кое-что.

– Да? – кажется, в первый раз Министр Порядка посмотрел на своего короля с интересом.

– Я предложу закон, если мы, конечно, договоримся в принципе, по которому в случае гибели одного из братьев автоматически правителем всей Асольсины становится первый ребенок погибшего. Тогда устранение становится лишним смыслом. И потом... – голос Хиан-Яра приобрел просительную интонацию. – Думаю, вы скорее согласитесь, если разделение будет только временным.

Что вы имеете в виду?

– О! – Хиан-Яр, казалось, сам удивлялся своей изобретательности. – Крошка Дана, то есть дочь Фида, является кузиной малыша Марна. Понятно, родственные браки не приветствуются. Но в порядке исключения.. Можно было бы провозгласить сразу их помолвку, и семья снова сольется. Первый ребенок Даны с Марном станет единственным королем. Или королевой.

Хиан-Яр воткнул указку в стояк, как шпагу в ножны после успешного поединка, и потер ладони.

– Мне надо все взвесить, – задумчиво проговорил Министр. – Пока же лучше ничего не сообщать принцам. А кстати, не боитесь ли вы, что возникнет спор за власть после желаемой для вас свадьбы Даны и Марна? Произойдет ли еще при них естественное слияние частей Асольсины? А если да, то кузен или кузина, муж или жена займет тронный стул в Ложе?

Ну, во-первых, Марн все же старше Даночки на полгода, значит, править ему. А если не захотят, дело их, – Хиан-Яр беспечно махнул рукой, – в конце концов, пусть они правят каждый своей частью. До вступления в престолонаследие их первого ребенка.

– Если это снова не будет двойней, – скрывая сарказм, заметил Министр. – Прецедент есть.

– О, мой дорогой, до того времени еще так далеко.

По дворцу сквознячком пролетел слух о возможном разделе страны.

Первым из братьев узнал об этом, конечно же Нефед, не пренебрегавший отчетами Дисса о происходившем вокруг Ложи. Предложение отца явилось для него, как и для всех, полной неожиданностью. Но, допустим, так и произойдет, хорошо ли это лично для Нефеды? Как посмотреть. Лучше бы стать единовластным королем. Он наверняка сможет справиться с делами лучше Фида, чаще глазеющего на облака, чем вникающего в проблемы граждан. А если выбор остановится не на нем? Быть до конца жизни на вторых ролях? Даже третьих, если учесть, что вторыми после короля по пиетету являются министры. Заняться наукой? Ни к какой особенно не тянет. Стать промышленником? Уж лучше получить свою половину Асольсины, но – наверняка. Можно будет даже пустынные земли Асольны сделать вполне цивилизованным местом. Речь, похоже, идет о жребии. Нефеду всегда везло при жеребьевке. Может, удача и на этот раз не отвернется.



Он направился в часть дворца, отведенную семье брата. В кабинете никого не было. Пришлось подниматься на крышу. И не лень Фиду лазить вверх? Мало ли комнат для уединения на нижнем этаже? Да и в кабинете никто его драгоценного покоя не нарушает.

Гнездышко – а как иначе назвать обжитый уголок на верхотуре? – было обставлено не без уюта. Фид сам наводил здесь порядок, не позволяя прислуге прикасаться к инструментам дальнего видения, бумагам, книгам...

– Не помешал?..

– Нет-нет, заходи. Что-нибудь случилось?

– А по мне видно?

– Тебя же сюда и калачом не заманишь.

– Да уж... Ну слушай. Дела обстоят так... – и Нефед изложил брату суть решения отца.

– Ну и что? – спокойно спросил Фид.

– Как что? Тебя это не волнует? Может, ты так себя держишь, потому что знаешь что-то еще? Признавайся. Может, у тебя на руках все козыри, и ты не сомневаешься, что станешь королем всей Асольсины? – начал заводиться Нефед.

– Не кипятись, пожалуйста. Никаких козырей. Если я скажу, что совершенно равнодушен к ситуации, ты все равно не поверишь. И будешь прав. Я бы не отказался стать королем, потому что многое хочется изменить. Но сражаться за тронное место в Ложе я не собираюсь. Так что вариант раздела, по-моему, наилучший выход для обоих. Ты не согласен?

– Пожалуй, согласен, – потер висок Нефед. – Но жребий!.. Ты же знаешь, мне везет больше, допустим, я вытяну Асину. Ты будешь дуться до конца жизни.

– Чушь какая-то! Тебе нужна Асина? Так заberi ее, пожалуйста. Если бы мне предложили свободный выбор, я предпочел бы Асольну.

– Правда?! – Нефед чуть не подпрыгнул от радостного удивления, и его лицо осветилось улыбкой облегчения. – И ты потом не откажешься от своих слов? – все же уточнил он, уже зная, что все обошлось. Может, ему и не повезло с наличием брата, но зато повезло с тем, что брат этот не от мира сего.

– Зачем мне отказываться? Я действительно люблю больше Асольну.

– Гора с плеч. И жеребьевки никакой не надо. Ты не против, если я от твоего и моего имени сообщу об этом отцу и Министру Порядка?

– Сделай милость.

Нефед ринулся вниз по лестницам, прыгая через ступеньку и насвистывая веселый мотивчик.

* * *

Нефед-Яр решил ознаменовать начало своего правления Асиной праздником – открытием Дома Версий. Первая большая игра требовала тщательной подготовки. Прежде всего – выбор темы. Он собрал инициативную группу.

– Надо, чтобы люди могли выплеснуть эмоции, – глубокомысленно произнес очкарик, представляющий студенческий клуб. – А посему предлагаю разыграть одно из сражений старых времен.

– Вряд ли Министр Порядка, одобрит это. Молодежь увлечется. И неизвестно, во что выплеснутся ваши эмоции, – отверг предложение Нефед-Яр. Надеюсь, вы не забыли о

смертном случае в игре, на первый взгляд совсем безобидной. Банальная сцена ревности, а кинжал для бутафорского оказался слишком острым.

– Может, первый День Мира, годовщину правления Яра-1? Ликование масс... – продолжил обсуждение профессиональный актер из неудачников, примкнувший к клубу Версий в желании реализовать свой неоцененный талант хоть здесь.

– Просто соберутся, будут ликовать и все? Нужно стержневое событие, какой-то сюжет.

– Выслушайте, пожалуйста, мое предложение, – прокашлявшись, подал голос консультант по истории. Многие годы никому не было дела до его знаний. И только недавно клубы Версий в поисках подходящих тем вспомнили про замшелых архивариусов. Старик еще не привык чувствовать себя в центре внимания. – Правда, это не из реальной истории, но... В общем, из области мифов. Если представить так – богиня раздора Эрн раскидала семена войны не только там, где ей было велено, а и на праведной земле Белого Княжества. И верховный бог Птах наказал ее, надолго превратив в обычную женщину. Это можно прекрасно обыграть – фантастические наряды богов, злоключения Зрны...

– Боги... – скептически усмехнулся Нефед-Яр. – Для того ли мы избавились от всех мыслей о них, чтобы поминать в первой же большой игре. Хотя... О! Я, кажется, придумал. Почему бы нам просто не воспроизвести День Свободы? Ну конечно! Именно это событие надлежит вспомнить. Уловили? Все произошло в этих стенах. Храм перестал быть храмом. Человек вышел из пеленок, и ему больше не захотелось цепляться за веру в придуманных богов. Гвоздь программы – разбивание Чаши Огня. Вопли жрецов, их попытка отстоять свою Чашу, их проклятия. И после торжества сброшенной зависимости от косных суеверий – вот как раз тут – всеобщее ликование. Мы приготовим фрукты и легкое вино. По-моему, должно получиться то, что надо. Как считаете?

Никто не возражал. Осталось уточнить детали.

Нефед-Яр потоптался на квадрате мозаичного пола в центре зала, отличающегося от общего рисунка из каких-то зигзагов, кругов и переплетений простым чередованием черно-белых полос. Здесь был алтарь. Молодой король окинул взглядом высокие стены. Фид как-то предлагал снять слои краски и обнажить древние символы. Для представления было бы неплохо. Но слишком хлопотно. И снова придется потом закрашивать.

– Позовете театрального художника, – велел он актеру, – пусть изобразит на стенах что-нибудь значительное. Символы пусть с пола срисует. Что-нибудь в таком же духе. И чтоб краску потом легко было смыть водой. Да, и бутафора не забудьте. Пусть представит мне эскиз Чаши, подберет материал. Стекло, пластик? Не знаю. На его усмотрение. Но чтоб расколоть можно было одним ударом, и осколков поменьше. Кровь нам ни к чему...

Вопли жрецов?..

В тот печальный для немногих поворотный день никаких воплей не было. Главный жрец и несколько священников при приближении разгоряченной толпы встали в ряд у алтаря, скорбные и готовые ко всему.

Растрепанный молодчик в черно-белой рубаше изо всех сил ударил кувалдой по двери Храма. Но она не была заперта, и, увлеченный инерцией, он растянулся у ног жрецов, все еще держа кувалду. Кровь хлынула из его разбитого носа.

Старейшина в запрещающем жесте протянул вперед ладони:



– Остановитесь, одумайтесь. Это кощунство! Бог покарает погасившего священный Огонь!

Ближайшие к нему замешкались, топчась возле дружка, оттирающего кровь с лица. А задние напирали... Кто-то искал под ногами оброненную кувалду.

Видя неотвратимость катастрофы, священники отступили к дальней стене, оставив алтарь не ведающим, что творят.

Главный жрец медленно развел руки, поднял их над головой, соединил ладони и опустил их к сердцу со словами, обращенными к Огню и Небу. Он отрешивался от случившегося, просил прощения за действия неразумных и молил Старших Огненных Братьев принять его к себе. Старик раскрыл ладони, резко выдохнул и рухнул на руки подхвативших его священников. Те бережно перенесли его в книгохранилище, накрыли остывающее тело расписным платом, заперли за собой дверь на задвижку.

А в зале бушевала страсть. Кувалда наконец была найдена. Она попала в руки некоему преуспевающему инженеру по имени Кайм. Он и не предполагал, что угодит в герои. И не собирался крушить Чашу сам. Но теперь уже сунуть орудие еще в чьи-то руки было невозможно. Толпа расступилась, освобождая ему место для размаха. Кайм словно в бреду поднялся на приступочку алтаря. Замахнулся тяжелым молотом, полной грудью вдохнув ароматный дымок, настоящий на смолах. На мгновение все замерли. Подальше к стенам жались те, кто не был вполне уверен в безнаказанности происходящего. Может, обвалятся стены? Мир сгинет в тартарары?

В последний миг рука Кайма дрогнула, и кувалда, нацеленная в сердцевину огненного цветка, попала по краю Чаши. Осколок ее, чиркнув по плечу вскрикнувшего юнца, со звоном упал на мозаичный пол. Еще один удар – теперь уже в центр Чаши. Она треснула – пламя разделилось надвое. Но массивное основание, вделанное в алтарь, не давало ей распасться. Лишь третий удар – под корень Чаши – довершил начатое. Но от неловкого движения потные лохмы Кайма коснулись огня. И прядь над ухом затлела.

– Ой! – завопил он, приняв ожог за обещанную кару. Но чьи-то проворные руки тут же накинута ему на голову подвернувшуюся жилетку.

Небо не смешалось с землей. Храм остался незыблемым. Затоптав огонь, толпа водрузила героя на раздобытые в хозяйственной клетке носилки и устремилась к питейным заведениям.

Оскверненный Храм опустел. Озираясь по сторонам, священнослужители выбрались из убежища, завернули в мешковину каждый из осколков драгоценной Чаши, перенесли в машину тело главного жреца и несколько десятков древних фолиантов, весь запас смол и масел, кое-какую утварь и в ночь двинулись на правобережье Ливеи. Впрочем, до них никому не было дела.

Яра-9 поставили перед свершившимся фактом. В то время более всего короля заботило создание Галереи Благодетелей Отечества и дебаты по воду того, может ли считаться Благодетелем человек, наживший крупный капитал и построивший на него, к примеру, лечебный центр, или это могут быть только люди науки.

Кайм недолго пребывал в лучах славы. Неделю спустя, в состоянии не совсем трезвом, он взялся поменять дома лампочку. Следовало бы, конечно, подстраховаться и перекрыть электричество, да помешало все еще держащееся ощущение эйфории. Неловкое касание оголенного провода – и спасти его не удалось. Всплеснулись шепотки о неслучайности его нелепой гибели. Но связь двух событий не была очевидной. Если бы прямо там, на месте, у Чаши Огня... А так... Следовало неуверенное пожатие плечами. Об

обстоятельствах смерти Кайма очень быстро забыли, и остался он в памяти людской победно стоящим над осколками Чаши с пламенем, гаснущим у его ног. Да здравствует прогресс!

Нефед-Яр знал, что найдется мало охотников представлять жрецов, но не до такой же степени! Кое-кому пришлось гарантировать повышение по службе, остальным попросту пригрозили отлучением от клуба. Так или иначе, но к назначенному дню все было готово

Игроки заняли исходные позиции. Около сотни человек в одежде, переделанной на манер вековой давности, столпились у входа. «Жрецы» с самым рослым, исполняющим роль главного, заняли оборонительную позицию. Нефед-Яр последним взглядом окинул стены, размалеванные кругами, стрелами и крестами, чашу из легко бьющегося пластика с газовой горелкой. В воздухе вместо аромата смол и курений стоял крепкий и терпкий запах пьянящего дезодоранта. Король занял единственное место наблюдателя в углу зала и нажал кнопку звонка, открывая представление.

Разнобой голосов у запертых дверей усилился. Послышались требования открыть храм, угрозы.

– Может, отпереть им? – прошептал главе один из псевдо-жрецов, – жалко, сломают дверь.

– Да я закрыл всего-то на пол-оборота. Сейчас ворвутся. Приготовились!..

И тут же дверь распахнулась. Толпа ввалилась в зал, крича и надвигаясь на «жрецов». Те стояли, раскинув руки и извергая на «нечестивцев» заранее приготовленные проклятия. «Кайм» с молотом в правой руке левой ткнул «старейшину» в грудь. Тот среагировал автоматически, ударив обидчика в поддых. «Кайм» согнулся пополам и на несколько минут вышел из игры. Завязалась потасовка. Но поскольку силы были неравными, «жрецов» довольно быстро скрутили и запихали в чулан, где те быстренько скинули дешевые «мантии» и наспех переоделись, чтобы в новом обличье принять дальнейшее участие на стороне покорителей косности. «Кайм» к тому времени почти оправился и, подбадриваемый криками: «Долой невежество! Да здравствует Наука! Ура свободе!», шагнул на приступку «алтаря». Ни тени сомнения или страха не было на разгоряченных стычкой лицах.

«Кайм» взмахнул молотом. Но дыхание снова перехватило, и с первого раза он слегка промазал. Кусок легкого пластика отлетел, доставшись кому-то в качестве сувенира. Со второго удара чаша накренилась и пошла трещинами. Третий взмах довершил акт. Правда, разбившийся баллончик с газом вызвал короткое замешательство. Вспышка подпалила одежду «Кайма». Но тут же привели в действие огнетушитель, и облепленный серой пеной «герой» взлетел вверх – его дружно подбрасывали, прославляя прогресс и свободу.

Зазвучала музыка. Сначала победная, а потом просто веселая. Открыли двери бывшего книгохранилища. Игроки устремились туда к столикам с вином и закусками. Кто-то уже распевал частушки вековой давности, выученные загодя. Начались танцы в центральном зале. Кавалеры, которым не хватало дам, выделявали замысловатые па, сообразуясь со своими собственными представлениями о старых плясках.

В общем, все, включая молодого короля, остались довольны открытием Дома Версий.

Правда, позже до Нефед-Яра донеслись слухи, что «Кайм», как напился во время представления, не желая огорчать отказом всех, лезущих к нему в друзья, так и продолжал



веселье целую неделю. А к седьмому дню с ним случился припадок «белой горячки», и бедолага выбросился в окно с какого-то этажа. Жалко, конечно. Но сам виноват – надо же знать меру.

2

Марн преклонялся перед отцом. Все, за что бы тот ни брался, доводилось до конца наилучшим образом. Марн в редкие минуты объективного к себе отношения понимал, что является лишь бледной копией успевающего во всем Нефед-Яра. Отец брал его с собой во все деловые поездки, усаживал рядом на совещаниях – с наизиданием вникать во все тонкости происходящего и пытаться мысленно опередить его ответы или решения, потом сравнивая с действительными. Если уж сыну не дано мыслить масштабно и оригинально, то пусть в оставшуюся пару лет до вступления в права короля Асины переймет максимально отцовский опыт, научится некоторым психологическим приемам, помогающим держать ситуацию под контролем.

Время от времени гражданами Асины выдвигались предложения – в разрез с традициями – увековечить фигуру Нефед-Яра в Галерее Благодетелей Отечества, но он, хоть и польщенный оценкой своих трудов, резко отвергал такие проекты. Может, ему не хватало честолюбия? Зато у Марна его было на двоих. И Галерея притягивала его все больше.

Последним выбранным Благодетелем был биохимик Тиренн, которому удалось синтезировать почти всю пищу. Отпала необходимость вступать в контакт с представителями Асольны, этими странными строптивцами, не желающими идти в ногу с прогрессом. Марн поморщился и вздохнул, вспомнив о Дане, по обыкновению уединившейся с сынишкой на дальней ливейской вилле. Лучше не думать о жене и всем, что с нею связано.

В последней из занятых комнат Галереи фигуры Тиренна и его помощника из разных пластиков с максимальной точностью воспроизводили ученых, занятых опытами по производству белковых продуктов поистине из ничего. С их открытиями была снята масса проблем. Отпала нужда в фермах и птицефабриках, которые пришлось сооружать возле городов Асины после того, как Фид-Яр отказался поддерживать животноводство и работы по селекции в Асольне. Нефед-Яр не понимал доводов брата. А уж Марн и подавно. Тысячелетия люди питались мясом, разводя скот и птицу. И все было прекрасно, пока эти правобережные умники не выдвинули глупейших теорий. Мол, даже разведение молочных коров – насилие над природой. Сколько молока естественно вырабатывает организм самки? А сколько выжимается из него, превращенного в машину по добыче этого напитка? Да и нужно ли оно взрослым даже в виде сыров и масел? Детское – детям! А куры? Видите ли, производство каждого яйца это роды. И преступление – вопреки естеству заставлять беспомощных птиц рожать ежедневно. Жители Асины, упоминая о заречных соседях, непременно постукивали пальцем по правому виску в знак общего помешательства тех. Но, хвала прогрессу, так много ферм перестало быть нужным. Оставлен самый минимум – для гурманов.

Сейчас наметилось два основных кандидата на ближайшую незанятую комнату Галереи.

Туреп считался ученым-энциклопедистом. Мысль, которая пришла ему на ум несколько лет назад, казалась настолько простой, что было удивительно, как до этого не

додумались раньше. Она вылилась в теорию Сопоставлений. Вращение планет, смена времен года, чередование сытости и голода, сна и бодрствования – все укладывается в циклы. Значит, если в каком-нибудь процессе является неопределенным один участок, надо хорошо поискать, найти что-нибудь наиболее подходящее и попробовать тут по уже известной модели восстановить неизвестное в разрабатываемой цепочке. Двенадцатичастные циклы были изучены до мелочей. В динамике это, к примеру, проход от создания запасов исходных материалов, их предварительной очистки с отсеиванием брака, через основную обработку, контроль, придание товарного вида, вплоть до передачи потребителю и утилизации отходов. При этом анализировались все возможные петли, связанные с введением дополнительных факторов, или напротив – проскакивание некоторых фаз. В статических моделях было ценным правильное определение места любого объекта или явления в цепочке родственных. Разрабатывались множество математических способов проверки верности решения, включая наложение динамических моделей на статические. А если рассматривался не очевидный цикл, а нечто вроде дерева? Да надо просто собрать все, что когда-либо узнало или придумало человечество, благо под рукой мощные компьютеры. Аж дух захватывало от такой перспективы. Стоит только сформулировать задачу или нащупать слабое место в разработке, нажать несколько кнопок, и помощь придет со стороны трудно предсказуемой: для химической реакции ответ может скрываться в раскладке пасьянса, а для социологической программы – в рецепте приготовления праздничного торта. Идея великолепна, но когда Туреп взялся за ее воплощение, оказалось, что на этом пути слишком много подводных камней. Одному не справиться, а со многими славой делиться не хотелось. Тогда и подвернулся Дьюк, который согласен был работать круглые сутки из любви к искусству, не рвался к известности и не только не мечтал быть запечатленным навеки в Галерее, но с неистребимым упорством отказывался даже фотографироваться с друзьями на пикнике. У Дьюка не было ни денег, ни техники – одно желание заниматься любимым делом. Так что Туреп его облагодетельствовал – поселил подальше от столицы, на самом берегу Ливеи, неподалеку от пустующей королевской виллы. Правда, позже туда переехала невестка Нефед-Яра, Дана, но эта странная, как и все асолинцы, женщина не устраивала пышных приемов, у нее мало кто бывал. Так что подобное соседство не должно было помешать Дьюку творить.

Туреп, навещая его, в последнее время все чаще раздражался, поторапливая. Возвращаясь в столицу, себя же ругал за несдержанность.

Хотелось, конечно, все завершить быстрее, но выше головы не прыгнешь, а лучше Дьюка все равно никто не справится. Ну, не получится в этот раз, так не последняя же зала в Галерее. Дело, главное, беспроеигрышное. Если удастся найти ключ хотя бы к нескольким сложным проблемам, используя методы сопоставлений, можно будет заявить о победе. Он пытался убедить Дьюка на первом этапе сузить круг разработок, но тот, на словах соглашаясь, забирался все дальше и дальше в дебри исследований. Нефед-Яр тоже ждал результатов Турепа. И выбирая между двумя претендентами, как истинный глава страны, озабоченный, прежде всего, тем, чтобы подданные ни в чем не знали недостатка, конечно, отдал бы предпочтение ему.

Марн же был заинтересован в победе конкурирующей группы Нивера. Проект того был не менее грандиозен – первый в истории космический полет. Марн мог часами смотреть на красавицу Селлу. Как изделия из нефрита завораживают взгляд, блуждающий по неопределенным переплетениям, уводящим его вглубь, – так луна увлекала его – белесые пятна, расплывчатые тени – что скрывают они? Для серьезной научной работы



Марну не доставало способностей. Но он придумал, как убить двух зайцев сразу – удовлетворить и любопытство, и честолюбие. Поделиться своими мыслями он мог только с Анитой – подругой детства и юности, единственным человеком, которому он доверял всецело и без душевных терзаний признавался в своих слабостях.

Анита была дочерью Министра Здоровья, ровесницей Марна, вила ее родителей стояла по соседству с дворцом, дети прекрасно ладили, принадлежали к одному кругу. Ах, если бы не злополучная помолвка Марна с Даной, удавкой, накинута Хиа-Яром на шею внука! Анита была бы лучшей женой для будущего короля. Она не испытывала ненависти к Дане, считая ее, с одной стороны, тоже пострадавшей, поскольку принцесса Асольны насколько возможно оттягивала день бракосочетания, не испытывая к кузену нежных чувств, с другой стороны – блаженной, достойной сострадания. И пока та живет с ребенком далеко от столицы и не путается под ногами – пусть! Про нее можно просто забыть.

На всех приемах Анита появлялась вместе с Марном, Ребенок? Пока он ей не нужен. Но она родит Марну сына тогда, когда сама этого захочет. И потом, существуют разные болезни и кирпичи, которые падают на голову с чистого неба – жизнь непредсказуема. Может, и с Даной что-нибудь случится без каких-либо усилий со стороны Аниты. Впрочем, даже быть всеми признанной подругой принца совсем не плохо.

Когда Марн сказал ей, что хочет стать космонавтом, Анита посмотрела на него, как на ненормального. Но довольно быстро поняла, что к чему, видя в этом проекте прекрасную реализацию честолюбия. Физическим здоровьем Марн не был обделен, с детства уделял спорту немалое внимание. Космический проект Нивера успешно двигался к завершению. Общей научно-технической подготовки Марну хватало. Участие принца в полете придавало бы предприятию особую торжественность, и сколько бы космонавтов ни было на борту, никому и в голову не пришло бы опередить сына короля нынешнего и короля будущего в первых шагах по Селле. Если все будет благополучно, образ Нивера займет подобающее место в Галерее, рядом с ним в облачении первого космопроходца будет помещена фигура Марна. Он еще не король и традиции формально не нарушаются. Риск? Конечно, не без того. Но жизнь принца драгоценна, и технари удвоят, утроят страховочные меры.

Итак, Анита не просто согласилась с идеей Марка, но оказывала ему всемерную поддержку. На ракетном полигоне она чувствовала себя неуютно, но в тренажерных залах была все время рядом, с удовольствием подменяла персонал, записывая показатели физических нагрузок.

Только заглядывая в ее яркие карие глаза, касаясь тугих каштановых локонов, Марн ощущал спокойствие и уверенность. Изредка досаждало легкое чувство вины перед законной супругой. Тут же он оправдывал себя тем, что ведь и Дана не проявляет особого желания вникнуть в его заботы.

Когда врачи отметили некоторое переутомление принца, ему был предписан недельный отдых вдали от шума столицы. Нефед-Яр, как это само собой разумелось, велел прислать за сыном машину, чтобы доставить его к жене в ливейскую виллу. Марн предпочел бы провести нежданные каникулы у моря вместе с Анитой, но пришлось подчиниться, и Анита отправилась к морю одна.

И вот Марн сидит на террасе возле законной супруги и придумывает темы для разговора. Здоровье близких обсуждено. Собственно, тут и говорить не о чем, поскольку все здоровы. Правда, Хиа-Яр стареет, но это дело естественное. Недавно дед без особых

на то причин переселился на правобережье, к отцу Даны. Но он всегда считался человеком искусства, а значит не вполне отвечающим за свои поступки.

– Ты отправила с дедом в Асольну нашего сына, – полуутверждая, проговорил Марн.

– Зачем?

– Рену пора учиться.

– В полтора года?

– Чем раньше, тем лучше.

– Неужто наши учителя не смогли бы научить ребенка читать, рисовать, петь... Да всему, чего хочешь?..

– Нет, – после недолгого раздумья ответила Дана. – Пусть будет жить там. Пока. Пожалуйста!..

Марн пожал плечами.

– Ну, как хочешь. Вечно какие-то странные прихоти.

Светлый шар Селлы висел над деревьями прямо перед ними. Марну захотелось вызвать в Данае если не преклонение, то хотя бы уважение.

– Видишь вон то темное пятнышко? – он протянул руку к луне. – Нет, не в середине. Немного левее. Скоро я смогу побывать там.

И почти не желая того, все же добавил: «Первым».

– Да? – неопределенно произнесла Дана и сказала после долгой паузы, – Там в гряде, окружающей кратер, есть двойная гора, а в ней пещера с розовыми сталактитами. Это очень красиво.

Марн на минуту опешил.

– А ты откуда знаешь? – Дана не отозвалась.

– Не можешь ты этого знать! – уже уверенно сказал Марн. – Даже если у вас есть дальнотелы, сравнимые с нашими, ты могла бы видеть только в общем гряде, но не вход в пещеру, тем более не ее внутренности. А... понял! Тебе все приснилось?! Но тогда я специально попрошу наметить первым маршрут в эту сторону, чтобы доказать беспочвенность твоих выдумок. А сейчас – пора спать. Мне велено хорошо отдохнуть. Надеюсь, ты не против, если я займу спальню в левом крыле и не буду тебя беспокоить?

Мысли об Асольне всегда вызывали у Нефед-Яра приступы раздражения, в общем-то ему не свойственного.

Когда было налажено производство синтетических продуктов питания, Министр Торговли вознамерился продать соседям эту технологию за хорошую цену. Представители Асольны отказались от приобретения. Цена была снижена до минимума. Результат оказался тем же. Нефед-Яр, желая помочь нищей, по его представлениям, Асольне, направил брату послание с предложением передать ему в дар всю документацию вместе с образцами оборудования. На что, наконец-то, получил членораздельный ответ, объясняющий отказ. Фид-Яр сообщил заключение своих старейшин – заметим, не министров, – синтетические белки и углеводы лишены важнейших жизненных начал, а потому неполноценны, не могут заменить натуральных растительных продуктов – животная пища в Асольне практически не употреблялась – и неотвратимо ведут к вырождению народа. Хорошо, что письмо было передано Нефед-Яру с особым курьером, и кроме короля его никто так и не прочитал. Стань оно достоянием общественности, последствия могли бы быть грустными. Наконец-то все подданные сыты. И что теперь? Возделывать заброшенные поля? Так их и раньше было мало в левобережье. Унижать и просить Асольну кормить их? Ну уж нет! Нефед-Яр передвинул размышления о будущем народа на самый



отдаленный срок. Правда, в рационе дворца исчезли синтетические продукты даже с самыми модными вкусовыми качествами. Высвобожденную сельхозтехнику пускали в переплавку. Несколько же новейших комбайнов стало жаль отправлять в печь. И правительство Асины решило сделать великодушный жест – подарить их Фид-Яру. Как выяснилось позже, подарок не был отвергнут только из вежливости. Комбайны, поблескивающие краской и хромом, даже не удосужились перегнать вглубь правобережья – завели в ангар у моста, так и оставили там. Окольным путем Нефед-Яр выяснил, чем они оказались неудобны соседям. Шумят, дымят, требуют топлива. Для скромных нужд асольников им, видите ли, вполне хватает машин на маломощных солнечных батареях и световых аккумуляторах. Как быть с подаренными комбайнами? Не перегонять же обратно. Нефед-Яр решил закрыть вопрос дипломатично – через отца, пребывающего нынче на территории брата, сообщил тому, что ничего не имеет против, если комбайны будут переплавлены в Асольне – металла там всегда не хватало.

Нефед-Яр подумал, что неплохо было бы самому навеститься к соседям. Слухи разные ходят про них. Сейчас в Асине все спокойно. Жизнь бежит по накатанной колее. Почему бы и не отправиться навестить престарелого отца? Повод есть. Так и скажет в Ложе. Никаких официальных приемов, документов. Частный визит. Постарается даже избежать встречи с Фид-Яром, которая непременно вылилась бы в выяснение отношений. Король попытался сбросить напряжение, вызванное мыслями о брате. Кстати, по дороге к Ливее можно заехать к Марну с женой, пользуясь редким случаем застать их вместе.

Его отношение к Дане тоже было неоднозначным. Хороша собой, добра, но холодновата, точнее – замкнута. Хотя и это можно понять: вырвана из привычного окружения. Да еще и осведомлена об Аните. Следовало бы ей посочувствовать. Но и к этому она повода не дает. Спокойна, отстраненна. Опять вертятся те же слова: «Не от мира сего». С такой внешностью при желании она могла бы заставить Марна вычеркнуть Аниту из своей жизни. Нет желания? Тогда и Марна не осудишь. Сам Нефед-Яр, поставленный перед выбором между этими женщинами, предпочел бы подвижную как ртуть Аниту. У той все просто, хоть и придумать умеет такое, что и ее отец-министр удивится. И на виду, и с хитрецей. А Дана? По поступкам и словам вся как на ладони. Но в глазах этих серо-голубых непонятная глубина, и о чем она думает на самом деле неизвестно.

Перед самым поворотом к ливейской вилле Нефед-Яр отменил указание водителю, и машина направилась прямо к мосту. Пусть молодые сами разбираются со своими проблемами. Королю не хотелось сейчас играть роль отца благополучного семейства.

Хиан-Яр сразу показал сыну свое новое жилище. Довольно скромный дом без всяких притязаний на звание дворца экс-короля: южная, самая светлая, комната отведена под мастерскую, пропитана запахами красок и холстов; еще гостиная, спальня, ванная комната, флигель для гостей – вот и все апартаменты. Правда, сад очень хорош – ухоженные ряды отягощенных плодами осенних деревьев перемежаются газонами, цветочными клумбами, прихотливой формы и раскиданными вроде бы случайно, что придавало ему вид живописный. Тут же Хиам-Яр пояснил: в местах, отведенных под лужайки, есть какие-то особые области, где деревья, если и растут, то плохо, и плоды их не приносят пользы. И только вот этой траве вредные зоны нипочем.

– Какие еще зоны? – недоуменно поморщился Нефед-Яр.

– Не знаю, – отец только отмахнулся, – что мне сказали, то и говорю.

– А где твоя прислуга?

– Садовник уже ушел. Домоправительницу ты видел. Тийна встретила тебя у ворот. Там же и ее дом.

Нефед-Яр вспомнил ничем не примечательную женщину средних лет, проводившую его к отцу. Она помогла выгрузить вещи и, заняв сановное место, уехала с шофером короля в недалекий поселок, чтобы разместить там и его, и машину.

– А кухня?

– Тийна приносит мне то же, что ест со своею семьей, – и, предваряя пренебрежительную ухмылку сына, твердо сказал, – Мне нравится, и это я сам так захотел. Зная твой вкус, запас провизии мы приготовили, и по твоему указанию тебе подадут любые блюда, разве что кроме тех, что из натурального мяса. Синтетические отбивные – пожалуйста. Придется перемочься. – И примиряюще улыбнулся: – Ладно? Сам понимаешь – «В чужой монастырь...». Милый мой, попробуй принять их такими, как есть. Если ты не против, я договорюсь с Тийной, и ты зайдешь к ней повечерять, допустим, завтра? Ты с чем приехал? Не просто же на меня полюбоваться. Если скажешь, что соскучился, все равно не поверю. Если б по делам, то сидел бы уже в кабинете брата. Значит, просто так, посмотреть, как оно тут живет. Угадал?

Нефед-Яр неохотно кивнул,

– Тогда послушайся моего совета. Про машину забудь. Переоденься попроще – у меня найдется то, что надо, – и забудь на пару дней о своем королевском происхождении. Только тогда стена между тобой и асольтцами станет потоньше. Может, что и разглядишь.

На следующий день Нефед-Яр отправился побродить по окрестностям, прихватив с собой флягу с разбавленным вином и бутерброды с синтетической, к сожалению, икрой.

Внутреннее напряжение так и не покидало его. Перед выходом из дома, он тщательно осмотрел себя в зеркало: мужчина средних лет без ярко выраженных особенностей. Будут узнавать? Вряд ли его фотографии висят в каждом доме, а телевизоры здесь не в почете.

Кое-кто из встречных или работающих на полях кивал ему и улыбался без подобострастия, иные, не глядя, проходили мимо. Но несколько раз он наткнулся на взгляды пытливые, тут же становящиеся будто бы рассеянными, под которыми король чувствовал себя, словно его оставили без одежды и регалий, что не добавляло умиротворенности. А в остальном... Лес был как лес, но, может, чуть чище и гуще, чем в Асине. Ручей, разлившись, образовал красивую, но бесхозную заводь. Вообще, здесь все было бесхозно, неправильно. И еще вечером, раз он дал согласие, придется скучать в обществе отцовском домоправительницы.

Но именно в доме Тийны, по площади лишь вдвое меньшем отцовского, Нефед-Яру, наконец, удалось расслабиться.

На прикаминном очаге закипала похлебка, и запах ее не казался отталкивающим пресыщенному обонянию короля. Тийна несуетно накрывала на стол, помещивала варево, подкладывала кирпичики сухого торфа в жерло камина, то рассказывая про мужа, уехавшего на заготовку орехов, или сына, играющего с друзьями в соседней комнате, то замолкая, но так естественно, что паузы не тяготили.

Она положила у края огня еще один коричневый брикетик, тот затеплился и потянуло смолистым ароматом.

– Чувствуете? Это попался хвойный стланик. Торф из другого района.

– Разве есть разница? Торф – он торф и есть, как и нефть, – не задумываясь откликнулся Нефед-Яр.



– Ой, что вы! – ласково и удивленно улыбнулась Тийна. – Это ведь отжившие корешки. А в каждом месте свои растения, со своими свойствами. Вот, посмотрите, – она достала из короба еще кусочек. – Видите хвоинки? Они так и засохли вперемешку с корешками. А теперь потрескивают. Но вы не думайте, что мы только торфом пользуемся. Сонал два дня почти из облаков не показывается – световые батареи разряжены. И ветряк есть – верно, видели над крышей, – так ветра нет. Всегда так – стоит только мужу уехать. Или не умею я с этой техникой... Да ладно, ребяшня тоже больше любит у живого огня посидеть. Мальчуган лет восьми появился в дверях. Из-за его плеча выглядывали еще две мордашки.

– Мам, скоро кушать?

– Еще немного. Идите-ка сюда! – махнула она рукой на плетеный коврик чуть левее камина.

Пока они устраивались, Тийна ворошила длинными щипцами остатки торфа и веток, пепел проваливался сквозь решетку в поддон. Вдруг она с резким криком: «Йо!» выхватила щипцами раскаленный уголек, отпустила его над раскрытой правой рукой и тут же, не глядя, метнула в сторону сына.

«Рехнулась баба», – с этой мыслью Нефед-Яр вскочил, зная, что все равно не успеет оттолкнуть ребенка от огненной стрелы. Но то, что произошло в ближайшие секунды, ввело его в ступор. Мальчик, как будто ничего другого и делать не следовало, поймал уголек незащищенной ладонью и перекинул его матери, та отправка девочке, и так до тех пор, пока он из ослепительно-огненного не стал тускло-багровым и не вернулся в догорающий камин. Но и это не было концом представления. Тийна ритмично похлопала в ладони. Ребята быстро поднялись и уставились на ее указательный палец, поднятый до уровня глаз. Она слегка качнула им, и дети запели – если можно назвать пением долгое произнесение странной гаммы. Звуки от громкого «А» до какого-то еле слышного, невнятного рождались во ртах и исчезали в их маленьких глубинах, а после паузы возникали вновь, но вот Тийна повернула к ним ладонь, улыбнулась: «Молодцы!», приобняв, подтолкнула к столу и вышла на кухню.

Дети, как ни в чем не бывало, уселись за стол. Девочка что-то прошептала сынишке Тийны, и они рассмеялись. Король, изобразив отеческую улыбку, подошел к ним, коснулся плеча маленькой гостью:

– Ну-ка покажи мне руки.

Она доверчиво выставила вперед чистые розовые ладошки – ни ожога, ни пятнышка от горящего угля.

– Я хорошо вымыла их после песка.

– И я... и я, – продемонстрировали аккуратность ее друзья.

– Ну и хорошо, – стараясь сохранить улыбку, Нефед-Яр сел рядом с ними.

Он убеждал себя, что попросту проголодался – не могла же крестьянская похлебка быть вкуснее блюд, приготовленных королевским поваром. Но сухие хлебцы, жесткие на вид, хрупко ломались и нежно таяли во рту. А порция супа из обычной крупы, приправленная ореховым маслом и травами, показалась ему слишком маленькой.

Ребята отпросились к соседям. Стол был снова чист. Нефед-Яр не знал, можно ли сразу откланяться или это будет выглядеть невежливо. Он снова сел перед камином. Тийна разгребла кучку золы, обнажила розовеющие угольки и кинула на них несколько корявых веточек. Села рядом. Заговорила о житейских проблемах, что-то о брате, у которого никак не налаживается личная жизнь. Нефед-Яр слушал ее вполуха, внутренне чуть ухмыляясь –

хоть какие-то занозы есть у этих всем довольных асольнцев. Вдруг самым краешком правого глаза он заметил легкое движение от двери, быстро повернул голову. Или он сходил с ума или надышался дымом: две Тийны были в комнате — одна шла от дверей, другая сидела возле него. Движущаяся подошла к сидящей и исчезла — растворилась в той. Королю показалось, что в этот момент плавная речь отцовской домоправительницы прервалась коротким вздохом. Но, может, показалось и все остальное? Померещилось... Это стало последней каплей. Он резко поднялся и шагнул к выходу: «Благодарю за ужин и гостеприимство. Кажется, мне пора».

— Ну как? — выжидающе спросил отец. — Все в порядке?

— Да, — односложно ответил Нефед-Яр. Если тот полагает, что он захлеб будет рассказывать о своих ощущениях, испытанных во время пребывания в этом сумасшедшем доме, то глубоко ошибается. — Впрочем, я бы еще что-нибудь съел.

— Угу. Понимаю. Я сам поначалу вдогонку к подаваемому Тийной все бутербродами пробавлялся. Вот фрукты, печенье. Открой себе любую жестянку с консервами. Здесь мало едят, но к этому быстро привыкаешь.

— Не собираюсь привыкать. Завтра утром уезжаю.

— Жаль. Ну как знаешь. Я буду на верхней террасе. Если понадобится, зови.

Нефед-Яр опорожнил баночку тушеной рыбы, вяло пожевал яблоко и нехотя поднялся к отцу.

Тихо, безлунно. Редкие звезды просвечивают сквозь облачные прорехи.

— Грустишь? Тоскуешь по маме?

— Немного. Вспоминается на старости лет то одно, то другое. Рядом с ней, во дворце и даже на курортах Асины, я будто все время бежал по замкнутому кругу. А теперь ее не стало, я поселился в этом доме — и словно вышел на финишную прямую. И раньше не склонен был к осуждению, а сейчас мучительно стараюсь понять... — он замолчал, подбирая слова поточнее.

— Что понять?

— Жизнь.

— Здешнюю?

— Вообще... жизнь. Иногда вроде что-то проблескивает — как вон те звезды. А потом снова чувствую себя неуспевающим школяром. Мало времени мне осталось. Уже не наверстать, не научиться. Да, пока не забыл, имей в виду, я завещал похоронить себя по обычаям Асольны.

— Это новость. У них же нет кладбищ!..

— Неправильно выразился. Ну, не похоронить — завершить земной путь.

— И ты не против, чтобы тебя сожгли? — недоверчиво уточнил Нефед-Яр.

— Во-первых, не меня, а мои останки; во-вторых, черви, копошащиеся в гниющей плоти, бывшей королем, это куда хуже. Пепел по ветру — и все.

— А памятник? И место рядом с маминой могилой отведено... — все еще не верил сказанному Нефед-Яр.

— Нет. Я так решил. Просто довожу до сведения. И очень надеюсь, что ты станешь бывать здесь чаще. Более того, я прошу, не отвергай всего происходящего в Асольне, постарайся относиться без предубеждения. Я прошу об этом и ради тебя, и ради всего народа.

— Может, ты уже жалеешь, что не сделал единственным королем Фид-Яра? И ни во что не ставишь процветание Асины? Ты спроси любого из моих подданных, согласились ли



бы они жить на правом берегу. Да для каждого это стало бы сущим наказанием! – Нефед-Яр чувствовал себя несправедливо оскорбленным.

– Не кипятись. Ты хороший король, даже прекрасный, если хочешь. И Асина богата. Но если спросить любого из асолянцев, хочет ли он жить по другую сторону Ливеи, что ответит он? То-то и оно. Не все так просто.

Столь скорому возвращению короля приближенные были бы удивлены. Поэтому Нефед-Яр решил все же заехать на обратном пути к сыну с невесткой.

Его, конечно же, не ожидали. Поэтому с обеих сторон при встрече было произнесено несколько общих фраз оправдательного характера. Но через час уже все текло так, словно этот визит был запланирован давно.

Прекрасные фрукты, переданные Хиан-Яром внукам и переложенные из асолянской корзины причудливого плетения в серебряные и хрустальные вазы, украшали десертный стол. Обед подходил к концу. Дана сидела напротив дяди-свекора, и Нефед-Яр имел возможность наблюдать за нею без помех. Ни к чему не обязывающий разговор, перебрасывание друг другу малозначащих реплик... Потом Дана уйдет, и он надолго потеряет возможность что-нибудь прояснить для себя. Король попытался втянуть ее в беседу,

– Дана, тебе, наверное, скучно здесь? Марн часто уезжает, – и мысленно поправился: «...бывает тут только по необходимости», – друг нет. Или есть?

– Нет. Но скучно мне не бывает.

– Чем же ты занимаешься? Понятно, когда малыш был рядом, он требовал забот, но сейчас, когда Рен у деда...

– Да, так лучше. Для него. А я занимаюсь хозяйством, думаю, гуляю.

«Вот как? – отметил Нефед-Яр. – Думать для нее такое же дело, как составлять заказы на продукты или ухаживать за цветником».

– Но все-таки сочувствую тебе – оторвана от привычного окружения.

– Таков удел, – пожала она плечами.

Марн, отвернувшись, усмехнулся. Отец слегка напрягся.

– Удел? И что же это такое?

Дана помолчала, раздумывая, стоит ли продолжать разговор, в котором ее будут, как обычно, слушать, но не слышать.

– Что это в твоём понимании? – переспросил Нефед-Яр настойчиво.

– Удел, доля – то, что возложено на человека и что все равно придется выполнить, так что лучше нести эту ношу достойно.

– Возложено кем? Вашим богом?

– Неважно. Пусть даже самим человеком, если он принял какое-то решение и взял на себя ответственность. А можно другими словами: доля – часть, удел – участь. Может, я ошибаюсь, но в паре "часть-участь" мне видится оттенок совершенной перед этим ошибки, неверного выбора.

– Но если верить в бога и удел, все предопределено, не так ли? Именно стремление вырваться из даже пусть воображаемой предопределенности привело народ к Дню Свободы.

– И что теперь? Вы чувствуете себя хозяевами своей судьбы? И все происходит так, как вы желаете?

– Ну... не совсем. Но по крайней мере мы не испытываем морального давления этой пресловутой предопределенности. Зная, что невозможно избежать предначертанной катастрофы, как жить?

– Я сама еще мало что понимаю и умею, но, мне кажется, дело вот в чем. Допустим, неотвратно – вам предстоит упасть с двадцатиметрового обрыва в такой-то день. Но есть некоторая вероятность введения поправок вашей волею, и вы, если хорошо умеете плавать, можете приложить силы, чтобы в сужденный день оказаться среди прибрежных скал, на берегу океана, а не в Южных горах. Я проверила на себе. Это возможно.

– Ты падала с обрыва? – недоверчиво спросил Нефед-Яр. Марн, не принимая явного участия в разговоре, все же переключился с мысли об Аните и прерванных тренировках, прислушиваясь более к интонациям, чем вникая в смысл беседы.

– Нет. Это касается другого. Обрыв – нагляднее. Вы же спросили о личной катастрофе? Но кроме выбора места... Слабый человек, или в силу обстоятельств готовый на самоубийство, просто будет падать как случится, может, даже умрет от страха еще в воздухе. А если он собран и намерен бороться до конца, то будет использовать самые крошечные шансы. И тут многое зависит от личного опыта, находчивости.

– Например?

– Ну... у каждого свое: попытаться зацепиться за кусты или, если в плаще, раскинуть руки и постараться планировать, замедляя падение. В конце концов, сделать рывок, оттолкнуться от скалы, чтобы упасть в наилучшее место. Да еще сгруппироваться, защитить голову и позвоночник. Все это делается, конечно, в считанные секунды.

– Может быть, может быть.

Дана явно не хотела продолжать разговор и поднялась со словами: « Я велю подать вам напитки и сигареты на веранду».

Марн предложил отцу сыграть партию в шахматы. Расставили фигуры.

– Тебя на самом деле интересуют проблемы вроде предопределенности? – спросил он. – Или ты хотел всего лишь услышать голос нашей затворницы?

– Второе. Но меня занимает и ход ее мыслей. Знаешь что... Хотя нет, не стоит.

– Раз уж начал, договаривай.

– Ладно. Но тебе это покажется странным.

– Постараюсь здраво смотреть на сказанное. Что-то произошло в Асольне?

– И да, и нет. Я даже деду твоему не стал говорить. Но тебе надлежит стать королем, и надо ориентироваться в жизни не только нашей, но и соседей.

– Конкретнее!

Нефед-Яр постарался беспристрастно изложить все, что видел в доме Тийны, включая появление ее двойника.

– Игра в уголек, пение – пусть это какие-то странные развлечения, или, как ты предположил, тренировки. Но призрак... Может, тебе все же почудилось?

– Допускаю. Но на обратном пути, уже неподалеку отсюда, я вспомнил одно сказание. Ты его наверняка не читал. Я слушал его с Фидом, будучи совсем малявкой. Так вот, до эпохи Мира, во время обороны одной из крепостей Асольны, князя Рамила видели одновременно стреляющим в неприятеля, укрепляющим баррикаду и трубящим призыв к атаке – в разных местах. Кто его знает? Нет дыма без огня. Я все посмеивался над Фидом за его пристрастие к сказкам. Может, зря. Но тебе, пока Дана рядом...

– Ты полагаешь, здесь что-то изменится?



– Не знаю. Завет деда выполнен. Сына родили. Но это не значит, что вы до конца жизни должны быть несчастны друг возле друга. У тебя хоть есть Анита. А Дана? Сомневаюсь, что она удовлетворится легковесным адюльтером. В королевских семьях до сей поры не было разводов. Но и заданных браков, и подобных ситуаций. А что она думает сама?

– А я почему знаю? Отмалчивается. «Далека, как таинственная звезда», – с иронической ухмылкой напел он строчку последнего шлягера.

– Тем более. Считай, что это дипломатическое поручение тебе – разузнать, могла ли Тийна иметь двойника?

Срок вынужденных каникул Марна истекал. Случая переговорить с Даной на интересующую отца тему не представлялось. Но пренебречь поручением было невозможно. И во время последнего завтрака, когда машина, готовая доставить его в вожденную столицу, уже стояла у центральных ворот, Марн, не мудрствуя лукаво, спросил Дану.

– А правда, что кое-кто из правобережников умеет раздваиваться?

– Ну и что? – ответила Дана вопросом на вопрос.

– Да ничего. Ты можешь подтвердить или опровергнуть эти слухи?

– Могу.

– Итак?..

– Правда. Это не трудно. Но нужна специальная подготовка.

– У тебя она есть?

– Отчасти. Я пока не умею делать так, чтобы часть моя стала двойником видимым.

– Ты хочешь сказать, что можешь, пусть невидимо, присутствовать где-то еще, кроме... ну... основного что ли места? – недоверчиво уточнил Марн. – И ты можешь это доказать?

– Я не стану ничего доказывать. Ты спросил – я ответила. Не веришь – не надо. Мне все равно.

Марн взвесил, насколько выполнил задание отца. Кое-чего не хватало.

– Допустим. Что нужно, чтобы научиться этому? И для каждого ли достижимо?

– Для большинства. Образ жизни, тренировки...

– Ты не хочешь об этом говорить? Тебе запрещено?

– Нет. Но, действительно, не хочу. Похоже на допрос с пристрастием.

– Извини. Я тоже не люблю, когда из меня что-то вытряхивают. Мне и еще за многое следовало бы извиниться.

– Ты ни при чем. Нас заставили слиться, как две разные реки, а они все равно разделяются в одном русле, норовят отгородиться друг от друга хоть отмелью.

– Спасибо. Мне пора. – Он едва коснулся губами ее щеки и вышел с чувством легкого смятения.

Марн соскучился по Аните. Он целовал усмешливые губы, зарывался лицом в ее темные кудри, вдыхал знакомый аромат ее любимых духов. Было уже далеко за полночь, когда она спросила, как он провел время на ливейской вилле.

– Всё как обычно, – ответил он и задумался.

– Есть проблемы? – Анита прильнула к нему всем телом. – Рассказывай.

Марн приподнялся, отодвинулся, чтобы видеть ее глаза.

– Так странно. Даже не знаю с чего начать.

– Да хоть с конца.

Марн пересказал ей разговор с отцом о поездке на правобережье. Потом – слова Даны о возможности невидимого пребывания в разных местах.

Анита скорее не верила, чем верила. Но Марна удивило, что она не стала сразу насмехаться и называть это бредом.

– Ты передал ее ответы королю?

– Да, сразу.

– А он?..

– Ничего не сказал, кивнул и только.

– Ну, допустим, всё правда, – заговорила Анита. – Пожалуй, я бы не отказалась научиться. Представляешь, приходишь, куда хочешь, и тебя никто не замечает. Здорово. – Подумала о чем-то еще, и вдруг, приблизив к нему лицо, вдохновенно зашептала. – Тебе надо вернуться. Вызнай у нее все поподробнее. Может, какую-то мазь надо втирать, или зелье пить...

– У меня нет никакого желания тащиться туда снова. И тренировки... Я выйду из формы.

– Ерунда, – отмахнулась Анита. – Наверстаешь. Тем более, что спешить особенно некуда. У наших конкурентов, то есть у группы Турепа, дела идут не лучшим образом. Говорят, они надолго запутались в формулах. А весь процесс подготовки твоего полета к Селле я держу под контролем. Можешь не волноваться. День-два ничего не изменят, и разрешаю тебе, – она многозначительно улыбнулась, – быть с супругой поласковее. Пусть выкладывает всё, что знает. Король, не сомневаюсь, мое предложение поддержит. Считай, что это поручение государственной важности. И никому больше ни слова.

– И скажешь – рад не будешь, засмеют. Ладно, уговорила. Тогда сама передай отцу, что я отправился за дополнительной информацией. А тренерам и врачу вообще ничего не сообщай, мол, задержался еще на пару дней.

Дана встретила его неожиданное появление спокойно.

– Что-нибудь забыл?

– Нет. Хотя, да. Начальная распечатка моих показателей при тренировках куда-то запропастилась. дома не нашел. Может, здесь?

– Не видела. Разве что у тебя в кабинете...

Марн еле дождался наступления вечера, когда можно будет создать атмосферу доверительности – уютные кресла, теплый круг под угловым светильником в гостиной. Он не ушел, по обыкновению, к себе. Напротив, предложил жене посидеть с ним.

– Ты говорила, что можешь как бы невидимой выходить из тела?..

– Ты не веришь.

– Пока не очень. Ты не хочешь ничего доказывать. Ну, хоть какой-нибудь пример... хоть что-то... ну, что-нибудь видела, что не могла иначе.

Дана подумала, слегка покраснела и кивнула.

– Хорошо. Но, знаю, это было тогда неправильно с моей стороны. Не следовало так поступать.

– Как?

– Давно, еще до того, как мы поженились, я захотела увидеть твою подружку. Нашлись «добрые люди», захотевшие просветить меня на этот счет. Так вот, ты помнишь, что я редко посещала Асину и не встречала эту женщину раньше, впрочем, как и теперь. На торжестве бракосочетания ее не было. С тех пор я практически не выезжала с этой виллы. Но я могу описать тебе Аниту.



– И что такого? Ты могла видеть ее фотографии или видеопленки.

– Нет. Я сама отправилась, чтобы посмотреть женщину, которую ты предпочитал мне. И я видела то, что скрыто на снимках. Родинка под волосами за левым ухом. И еще одна – на груди.

Настал черед покраснеть Марну. Дана избавила его от скользких домыслов.

– Ты не подумай... это было единожды, и я знала, что тебя нет возле нее в тот момент. Она купалась. Я знаю, что это неэтично. Глупое любопытство.

– Но ты, если бы захотела, могла бы и...

– Нет, не могла! И не захотела бы!

Марн, скрывая неловкость, поспешил перевести разговор к исходной теме.

– Верю-верю. Теперь о другом. Допустим, я захотел бы поучиться тому же. Что мне понадобится? Настойки, мази?.. Или, – он все же не удержался от усмешки, – заговоры?

– Ты был прав, мне не все разрешено говорить тебе об этом. – Дана замолчала, словно прислушиваясь к чему-то. – Ладно. Нужно, чтобы организм был очищен от остатков животной пищи; о специальных упражнениях, кстати, довольно тяжелых, я уже упоминала, еще – поначалу – вдыхание огненной травки.

– Все-таки наркотик? – с нажимом уточнил Марн.

– Если хочешь, да. Но строго дозировано, лишь вначале, в нужное время и в нужном месте.

– Сколько дней надо на тренировки? Или месяцев?..

– Это может сказать лишь учитель. Но имей в виду, никого из них нельзя заставить обучать огненному мастерству. И если человек хочет получить новые возможности из любопытства или для обретения власти над другими, разговор с ним закончится, еще не начавшись. Я представляю, о чем сразу подумал дядя: промышленный шпионаж или что-нибудь в этом духе.

– Не помешала бы группа обученных людей для общего надзора, выявления хищений...

– Ну представь себе, что этому обучен рядовой чиновник Асины. Он непременно использует дар – а это именно Дар – в своих целях, и заодно заглянет в спальни своих знакомых. Ты захотел бы, чтоб рядом с тобой в любое время мог присутствовать невидимый свидетель?

– Нет, конечно. Но если такие люди есть у вас, они, верно, и Асину навещают? По секрету.

– Нет и снова нет. Не делается ничего, что могло бы нарушить кодекс чести.

– Пусть так. Но, если не существует непроницаемых стен, тебя могут увидеть случайно, мимоходом, в самый нежелательный момент.

– Да, – Дана задумалась. – Но это и неплохо. Зная это, стараешься жить так... думать и делать только то, за что ни перед кем не было бы стыдно, чтоб не жалеть потом.

Марк разглядывал свою собственную жену, будто видел ее впервые.

– Значит, шансы научиться всему нашим людям не велики?

– Весьма.

Марн не хотел сдаваться.

– Но могут быть случаи, когда такие возможности были бы полезны Асине из самых человеколюбивых соображений.

– Например...

– Ну, ребенок заблудился в горах...

- Сообщите Фид-Яру, и он с радостью пришлет помощь.
- Это снова зависимость от Асольны.
- Как хотите, давно ли одно упоминание о подобных возможностях вызывало дружное неприятие твоих соотечественников?

Анита ждала Марна с нетерпением и, наспех его поцеловав, сразу спросила, что нового удалось узнать. Но после подробного его пересказа разговора с Даной, ее настроение ухудшилось. Более того, она отметила ранее несвойственные Марну интонации в отношении жены. Не преклонение, нет, но осторожное удивление и уважение.

До сего дня Анита не сомневалась, что долгие годы будет рядом с ним – королем в ближайшем будущем. В лучшем случае развод с Даной будет официальным. В худшем – она так и останется подругой короля. А что теперь? Может, она сама виновата, что подтолкнула его к жене, и он заинтересовался ею? Следовало срочно восстановить нарушенное равновесие.

Она не осталась у Марна на ночь, и всю эту ночь думала, как быть дальше. Немедленно завести ребенка? Допустим. Но принц через месяц отправится в полет к Селле. Первый космический полет. Марк ставит на карту свою жизнь. Пусть, его дело. Но если он не вернется, зачем ей его ребенок? С ребенком придется повременить до его возвращения. Надо просто получше привязать Марна к себе, чтобы он почувствовал незаменимость Аниты.

Выход нашелся быстро, недаром она была дочерью Министра Здоровья. Проштудировав справочники, Анита выбрала препарат в общем безвредный, но резко снижающий кровяное давление.

Марн только-только возобновил тренировки, и вдруг снова неожиданное ухудшение самочувствия: при быстром вставании кружилась голова, и силы словно убывали. Он встревожился не на шутку. Собрался консилиум. Назначили лечение. Постановили, что если в течение двух недель состояние здоровья принца не восстановится, на Селлу вместо него полетит дублер.

Для Марна это было равносильно катастрофе. Подавленное состояние вместе с порошком, подсыпаемым Анитой в напитки, сделали свое дело, через четыре дня на него было жалко смотреть. Все это время Анита лишь выражала ему сочувствие, и вроде бы не знала, что делать. Потом она словно опомнилась и взяла себя в руки. Она вдохновенно заявила, что спасти Марна может только ее любовь. Если бы принц не был так углублен в свои проблемы, он, возможно, заметил бы некоторую наигранность подружки. Но нет. Он сказал, поступай, как хочешь, только вытащи меня из этого мерзкого состояния слабости.

Анита уничтожила остатки сделавшего свое дело препарата, достала эссенцию душистых трав, смешала ее с жидким маслом и велела Марну лечь на кушетку для массажа.

Теплые руки гладили его тело, милые губы шептали слова любви, ароматы полей успокаивали.

Хватило трех сеансов, чтобы принц снова стал бодрым, целеустремленным и бесконечно благодарным возлюбленной.

Шли последние дни подготовки к полету. Во всей Асине едва набрался бы десяток людей, не желающих успеха космонавтам. И почти все они составляли команду Турепа, еще год назад на равных претендовавшим на титул Благодетеля Отечества. Как жаль, что Благодетель избирается раз в десятилетие! Теперь же Туреп почти физически ощущал, как



слава месте с вожденной залой в Галерее уплывает от него все дальше. Что толку винить Дьюка, на которого сделана основная ставка? Трое других исследователей еще менее способны. Дьюка, по крайней мере, не упрекнешь в лени или нерадивости. Но вот заносит его все куда-то от жесткой установки на немедленную практическую отдачу.

Дьюк чувствовал, что голова его трещит от стремления вобрать в себя всю сложность мира. Одна ниточка тянула за собой ворох перепутанных особенностей. Он пытался пробиться к первоисточкам. Материя и движение? Ну, пусть материя это то, чему можно придать форму или ограничить, это нечто, связанное с пространством. Тогда движение может быть выражением времени? Но время не идет вспять. Или все же идет? Когда Дьюк понял, что то, что обычно называется движением, есть лишь частный случай изменения вообще, будь то простое перемещение, эрозия почвы или созревание плодов, он ощутил себя первооткрывателем. Но тут же постарался облить себя ушатом скепсиса. Вряд ли за тысячелетия это никому до него не приходило в голову. Может, и сохранилось что-то в старых книгах, да где они? В главном библиотечном фонде ничего не нашлось. И Дьюк просто думал и думал дальше.

Если живой организм завершает жизненный цикл, стареет, разрушается, сбой первого же отказавшего органа воспринимается как болезнь, и череда сбоев приводит к смерти. Это нормальный процесс. А если болезнь протекает в теле в общем жизнеспособном и излечивается? На графике эта часть предстанет в виде петли с поворотом во время кризиса и обратным движением к точке близкой исходной. Изменение направилось вспять, а общее время идет и идет себе вперед. Все! Баста!.. Терминал-то не перегревается, а вот голове его грозит короткое замыкание.

Дьюк выключил стабилизатор и вышел к реке проветриться. Он брел по тропинке вдоль берега, глядя на воду. Пенные шапочки бурунов, мелькание струй на стремнине. Вода словно вымывала из него смятенные мысли и заполняла душу спокойствием. Перед зарослями ивы тропка раздваивалась. Ему лень было обходить их поверху, и он опустился к самой кромке Ливеи. Отодвинув свисающие ветви, он на секунду замер. На подмытом рекою заваленном стволе сидела светловолосая девушка. Она удивленно посмотрела на Дьюка и улыбнулась.

– Прости, – сказал он. – Не думал наткнуться на кто-нибудь в этой глуши.

Дьюк не знал, то ли вернуться, то ли пробираться дальше мимо незнакомки. Выручил камешек, попавший в ботинок.

– Ничего, если я присяду на минутку?

– Пожалуйста, – чуть подвинулась она, освобождая место рядом.

– Здесь хорошо, – оглядел он укромный уголок. Поток длинных желтеющих листьев за спиной девушки при некоторой фантазии можно было представить золототканым гобеленом.

– Да. Небо пасмурное, а здесь будто солнце задержалось. А у меня работа не идет. Вот, вышел прогуляться.

– Что-то связанное с техникой?

– Не совсем. Да тебе и неинтересно будет. Это я так, к слову.

– Почему же неинтересно?

– Женщин обычно привлекают частности, практика. А я по уши увяз в теории. Даже с макушкой провалился.

Незнакомка внимательно посмотрела на Дьюка. И он, где-то вторым планом отмечая, какие необыкновенные у нее глаза – серые, голубоватые, с зелеными искорками, стал излагать ей суть своих проблем.

– ... или взять хотя бы дом. Три звука. Но не случайно же жилище именно человека называется так. Что за этим стоит? Каждая буква занимает только ей присущее место во множестве. Но, может, каждая имеет собственную идею, а их сочетания усложняются до частных понятий? Тогда как быть с другими языками, на которых говорили до объединения Асольсины? Жаль, я не знаю их. Я так мало знаю! Я пробовал распределить звуки по частотам вибраций, невзирая на порядок алфавита, хотя, понятно, и он ведь не случаен. Пробовал сопоставить эти частоты со световой шкалой. Пока безрезультатно. Истина где-то рядом. Я это чувствую. Но где?

– На каждый звук откликается лишь ему соответствующая часть внутреннего тела.

– Чего-чего? – не понял Дьюк.

– Ну, например, когда произносишь "О" и слушаешь себя, резонирует точка надбровья.

– Да? – Он недоверчиво посмотрел на девушку и подумал, что ведь совсем не знает, кто она. – Может, познакомимся? Дьюк. Сферу занятий я уже обрисовал. Считаю, что здесь я в творческой командировке.

– Дана.

– Тезка жены будущего короля? Погоди-ка... Ведь здесь неподалеку их летняя резиденция!..

– Да, – кивнула она, – я и есть.

– Без свиты?

Она поморщилась:

– Терпеть не могу пышности.

– Простите, я так сразу на "ты".

– Пусть. Это не имеет значения.

– Так... – он слегка запнулся. – Ты с правобережья? Как же я сразу не догадался? Никогда не приходилось попросту беседовать с кем-нибудь из ваших. – Он помолчал. – А, можно, я спрошу кое-что?

– Конечно.

– Бот говорят, – Дьюк снова замешкался, – говорят, вы все еще верите в бога. Это правда? И ты тоже?

Дана задумчиво проводила взглядом щепку, прокрутившуюся на крае воронки и вынесенную потоком к середине реки.

– Что значит "веришь"? Вот перед тобой Ливея. Можно ли спросить тебя, веришь ли ты в ее существование? Всё это совсем не так однозначно, как видится людям Асины.

– Прости. Я понимаю. Вернее, не понимаю... Неважно. Но мы давно свободны от религии, от страха перед богом. Есть у вас этот страх?

– Страх? Нет. Страх нет ни перед чем. Разве что – опасение совершить ошибку.

– За которую будешь наказан?

– Дело не в наказании. Заслуженному наказанию каждый рад, поскольку этим вопрос закрывается. Просто после оплошности, когда сделаешь что-то не так, уже задним умом, чувствуешь свою глупость. А это, согласишься, малоприятно.

Они помолчали, думая каждый о своем.



– Если не секрет, – проговорила наконец Дана, – скажи, для чего нужна твоя работа?

– О! – воодушевился Дьюк. – Это же была бы новая ступень прогресса! Представляешь, можно было бы решить массу технологических проблем.

– А зачем?

Он посмотрел на нее с недоумением. Ну вот, эти странные отсталые соседи. Дьюк попробовал ей, словно ребенку, объяснить на простых примерах, каким путем можно будет добиться верной интерполяции, зная о соответствующих процессах из другой области.

– Это все мне понятно, – отмахнулась она. – Я о другом. Зачем нагромождать перед собой технологические задачи и потом тратить силы и время на их решение?

– Но как же иначе? – возмутился Дьюк. – У нас все направлено на улучшение благосостояния народа. Давно нет нищеты. Каждый может существовать вполне достойно. Ты же не скажешь, что вы живете богаче нас?

– Богатство для тебя выражается в деньгах? – уточнила Дана. Дьюк почувствовал подвох.

– И в деньгах тоже. Они дают уверенность в завтрашнем дне. Основу для счастья.

– Ой-ли?! – усмехнулась она. – В Асине с каждым годом растет число самоубийств. Не странно ли? Это при трогательной заботе правительства о благосостоянии.

– Можно подумать, у вас их не бывает.

– Конечно, нет. Не припомню ни одного за всю мою жизнь. Так значит, дело не в улучшении пресловутого благосостояния? И потом, ты говоришь, мы беднее, но нам и не надо многого. Пусть перед тобой будут ворохи одежды и множество столов с едой. Разве ты оденешь больше одной рубашки летом или съешь больше, чем сможет вместить желудок? Последнее чревато расстройством пищеварения. "Глаза завидующие, руки загребушие...".

– Это не про меня, – ушел в глухую оборону Дьюк. – У меня и нет ничего кроме одного рюкзака с вещами.

– И тебе от этого плохо?

– Нет.

– Значит, ты просто уверен, что другим плохо. И плохо было бы без дальнейшего развития техники? Ты говоришь от их имени?

– Нет... Прости, ты загоняешь меня в тупик. Я не думал об этом. – Он помолчал, собираясь с мыслями. Наконец, нашелся: – Но у человека голова на то и есть, чтобы соображать. Что-то узнавать, придумывать. А если довольствоваться малым, как вы? Да, пусть, спокойствие, закаты-восходы, дети-старика. Значит, вычеркнуть всякое стремление к совершенствованию? Погрузиться в природу, в сон, сравняться с растениями?

– Какая чепуха! Ты полагаешь, мы топчемся на месте? Отнюдь, нет. Просто ваш путь нам кажется тупиковым.

– Много вы о нем знаете!

– Почему бы и нет? Вы же не скрываете, напротив, гордитесь своими достижениями. Вы как на ладони.

– А вы? Вы что-то скрываете?

Дана снова устремила взгляд к реке.

– Не совсем так. Для человека, искренне стремящегося понять, что к чему, никаких особых тайн нет. А для тех, кто готов посмеяться, не разобравшись... Да с ними ни о чем и говорить не будут.

– Тогда, если вы такие умные, может, ты мне объяснишь, в чем состоит идея каждого звука слова?

– Нет, я не сумею, – ответила Дана и добавила, – пока не сумею.

– А потом? – настойчиво спросил он.

– Потом? Думаю, да, – осторожно сказала она и внимательно посмотрела ему в глаза, ожидая насмешки. Ее не было. Вообще Дьюк явно отличался от других асинцев, с которыми ей приходилось общаться. Давно не стриженные русые волосы небрежно спадают на плечи. Но в этой небрежности не эпатаж, не неряшливость, а искреннее равнодушие к своей внешности. И взгляд открытый. С такими глазами не плетут интриги и не ставят подножки. Дана с детства знала, что предназначена в жены кузену. Поэтому старалась не замечать мужчин, или, по крайней мере, не выделять никого из них. Но так тоскливо было иногда думать о долгой предстоящей жизни без всякого личного счастья. И на какую-то минутку она расслабилась – представила руки Дьюка на своих плечах, только это.

– Значит, такое возможно? – спросил он.

– Что? – вздрогнула Дана, стряхивая наваждение.

– Узнать. Хоть в принципе...

Дана кивнула.

– Кто-нибудь из Асольны может мне помочь? Сейчас?

– Тебе будет сложно быстро понять все...

– За это не волнуйся.

– Надо обратиться к жрецам, в школу святилища, на самом востоке.

– Опять жрецы, святилище?.. – Дьюк скептически пожал плечами.

– Ну, пусть профессора, аппарат стремления к совершенству – если тебе так привычнее. Дело не в терминах.

– Ладно, допустим. На востоке. Это далеко. А ближе?

– Тебе ведь нужны знания из первых рук? Там Огненная Чаша.

– Такая же, какую разбили в День Свободы?

– Нет. Та самая. Ее восстановили. Но имей в виду – добираться, и правда, сложно.

Через плоскогорье.

– А дорогу мне кто-нибудь покажет?

– Всегда найдется тот, кто знает ее. Можешь сослаться на меня, но, думаю, в этом не будет необходимости.

– Что мне нужно взять с собой? Деньги...

– Самый минимум. Главное – стремление к истине. И если нет корысти, если это не простое любопытство, все получится.

– Что – всё? И сразу получу ответы на свои вопросы?

– Боюсь, что нет. Во всяком случае, не сразу. Знаешь поговорку: "Дурак, за пять минут может столько вопросов задать, на которые умный и за всю жизнь не ответит". Не обижайся. Это и про меня тоже. Каждый знает что-то больше одних, но меньше других. Я сама часто чувствую себя совершенно беспомощной, оттого, что так мало знаю и умею. А ответы... Ответы получишь настолько полные, насколько сможешь вместить в свое сознание в этот момент.

– В зависимости от моей неполноценности, – усмехнулся Дьюк.

– Не передергивай карты. Доверия и желания понять действие законов, которые реально существуют, но – так странно! – отвергаются в вашем мире, не замечаются даже при лобовом столкновении, – этого для начала хватит. В общем, там посмотришь. Может,



захочешь учиться. Вернее, переучиваться. Только... – Дана коснулась его руки. – Будь готов к тому, что через некоторое время тебя напрочь перестанут интересовать технологические проблемы.

– Ужели?..

– Посмотришь, – сказала она уверенно.

– Как думаешь, мне стоит отправиться прямо сегодня? Все равно я в заданные сроки проект до конца не доведу...

– Дело твоё.

– Наверное. – Он поднялся. – Ну, спасибо тебе. Может, это и к лучшему. До свидания. – Дьюк уже раздвинул ветви, нависшие над тропинкой, но, вспомнив что-то, обернулся.

– Погоди. Ты сказала про какое-то внутреннее тело. Что это?

– Я могла бы попытаться выразить свои ощущения. Но лучше, если ты пройдешь через свой собственный опыт. Тебя научат.

– Пусть. Пусть так и будет.

– Желаю удачи, – взмахнула рукой Дана. – Может, еще и встретимся.

* * *

Марн чувствовал себя на вершине блаженства. Сбылась всё же его мечта! Он первым из асольсинцев ступил на землю Селлы!

Капитан и двое исследователей, летевшие с ним, почтительно выжидали несколько минут, пока принц не махнул им рукой, чтобы спускались тоже. У Марна не было никаких специальных обязанностей – лишь привилегия распоряжаться собой по собственному усмотрению. Он огляделся: резкие тени на палевой, пепельной, белесой поверхности. Пыль, камни, мертвая, но поэтому же спокойная, ничем не угрожающая планета. И тут взгляд его наткнулся на двуглавую гору совсем неподалеку. Он вспомнил слова Даны. А если в ее сне было что-то от истины?

Марн двинулся в сторону горы и сразу услышал в наушниках голос капитана.

– Ваше высочество, не следует удаляться от корабля.

– Занимайтесь своими делами. Я снимаю с вас всякую ответственность за мою жизнь. Впрочем... запаса кислорода хватит на два часа. Если через час вы меня не увидите, захватите запасной баллон и направляйтесь по моим следам. Возможно, там есть пещера.

Капитан осуждающе посмотрел ему в спину и пожал плечами – движения все равно не заметные в скафандре.

Пещера действительно была у подножия горы.

Марн шагнул в полумрак и застыл от удивления. Перед ним вздымались колонны розовых сталагмитов и сталактитов с прихотливыми натеками. Они излучали слабое сияние и были прекрасны. Марк, вытянув руку вперед, двинулся к ближайшей красивой сосульке, осторожно потрогал ее пальцем, упакованным в многослойный пластик. Значит, Дана была права. Он будто почувствовал рядом ее присутствие. Что ж, придется признать некоторую осведомленность жены. Но никто не отнимет у него права первооткрывателя этой пещеры. Что же делать теперь? Позвать исследователей? Для работы в этой области Селлы отведено всего четыре часа. Планы нарушатся. Но нужны подтверждения, необходимо доставить домой образец этого странного материала. Жаль, он не захватил с собой инструменты, отбойный молоток не помешал бы. Марн попробовал отломить кусочек руками. Не

получилось. Пришлось выйти из пещеры и подыскать подходящий камень. Он вернулся, примерился и с силой ударил по ближайшему сталактиту. И – чудо, что сразу отпрыгнул к выходу – несколько колонн беззвучно обрушились с потолка, дробясь на куски. Жалко, конечно, но он ведь не хотел! Марн тут же решил никому ничего не говорить, мол, так все и было. Подобрал показавшийся ему подходящим осколок размером с кулак, вышел из пещеры, стал запихивать его в карман скафандра. Мешал вырост на боку, маленькая такая сосулечка. Ее удалось обломить. Марн бросил розовую стекляшку тут же у входа и победно устремился к кораблю.

Капитан, завидев принца, облегченно вздохнул.

* * *

Дана видела, как была разрушена пещера, и ей до слез было жаль безвозвратно утерянной красоты. В тот момент она не могла ничему помешать. Если бы было больше сил и умения!

Ей захотелось попробовать сделать ЭТО снова. Когда-нибудь ведь должно получиться! Отпустить себя от себя...

Дана обратилась к учителю. Увидела его глаза. Услышала его голос: "Хорошо. Попробуем снова. Будь сосредоточенной и следуй указаниям".

Она достала из заветной шкатулки щепотку Огненной травы. Высыпала ее в трубку, подожгла. Пока порошок становился достоянием Огня, Дана широко развела руки, подняла их вверх, прося о помощи Старших Огненных Братьев, соединила ладони и опустила их к солнечному сплетению. Потом вдохнула несколько раз горьковатый дым и, только услышав голос учителя: "Достаточно, все хорошо. Я с тобой". Легла на кушетку, раскинув руки. "Собралась в третьей точке. Так. Увидела цель. Вперед!"

Мгновенное головокружение, и вот она в любимой пещере. Еще не веря до конца в свершившееся, Дана потрогала стену. Та была шершавой и плотной. Осколки сталактитов драгоценным мусором покрывали пол. Ей нечего было больше здесь делать. Дана вышла из пещеры, подняла отброшенный Марком обломок, обратилась к учителю. Он кивнул: "Назад. Знаешь – как".

Дана, не открывая глаз, прислушалась к себе. Все в порядке. Дом. Тишина. Еще пахнет дымком. Она ощутила в кулаке нечто гладкое, теплое, продолговатое. Раскрыла ладонь – розовый оплав сиял внутренним светом. Она представила недоумение Марна, когда приложит его к добытому принцем трофею.

Но, может, и не стоит этого делать? Пусть живет им как живется?..



Александр СВИСТУНОВ

ИВАН–ЦАРЕВИЧ, СЕРЫЙ ВОЛК И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

Серый волк

Жил был волк. Серый волк. Попросил он как-то месяц отпуска у Ивана-царевича и ушел в дремучий лес – рыбку половить, со зверьем пообщаться, от волшебных дел отдохнуть.

Но слава серого волка впереди него бежала. Только успел он возок разгрузить, коврами царскими свое логово устлать да посуду серебряную по полкам расставить, как постучал кто-то в окошко. Глядит, а это хвост рыжий по стеклышку мотается, паутинку стирает.

– Спасибо, тебе лиса – говорит волк, – что уборку делать помогаешь, но только я пока новоселье не справляю, гостей не принимаю.

– Волк, а Волк, будь другом, – она отвечает, – поможешь мне немножечко, а я угощение тебе устрою, пир на весь лес.

– Ну, хорошо, рыжая, заходи.

– Нет, нет, – капризно лиса отвечает. Хвостиком махнула, от волка отвернулась, – выходи ты из логова, здесь освещение получше.

Вылез волк, смотрит, стоит лиса красавица, в лапах хвост мнет, виновато улыбается.

– Знаешь, волк, несчастье у меня, – говорит, – зеркало я разбила.

– А через плечо три раза плюнула?

– Да, и черного кота задом наперед через дорогу пустила, и весь сор из избы вынесла. Но это полбеды. Беда в том, что гости у меня сегодня будут, тебя не приглашаю, ты занят, но помочь можешь.

– Чем это? – заинтересованно волк спрашивает.

– Вот тебе гребешок, у меня такой же. Обратись в меня, только мне точная копия нужна.

– Не, да ну зачем? У меня и дел полно...

Долго лиса его уговаривала, уговорила. Обратился.

Встали две лисы друг против друга, и давай причесываться. Точь в точь все движения повторяют. Лиса-волк уже устал, а лиса все недовольна, то возле правого уха не так шерсть лежит, то на мордочке волоски топорщатся. Надоело волку гребешком махать, а тут и лиса причесалась.

– Спасибо, серый, выручил. Я тебя потом отблагодарю. Век добро помнить буду, и ты не забывай.

– Память у меня, что надо, – устало волк отвечает, – но ты лучше зеркальце найди.

Потапыч охнул коротким ревом и полетел в чащу, спиной сминая ветки. Остановил его только дуб зеленый, сказочный. Со страшным скрипом ствол встретил медведя, листьями зашелестел и желудями Потапыча засыпал.

– Ну ты, **волк**, даешь, – очень уважительно главный заяц произносит и низко кланяется, – где это вы научились?

– Да за жар-птицей, с Иваном царевичем как-то мотались, в гости к китайским мандаринам. Пришлось несколько дней с местными монахами пожить. Они Ивана учили всяким ушу, ку-фу и прочим премудростям. Я тоже кое-чего нахватался.

Заяц уши прижал, жалостливый вид принял.

– Очень вас прошу, господин серый волк, помогите, пожалуйста, и драться вам не придется, дело пустяковое, а я вам буду очень обязан.

– Да ты что, косой, некогда мне, сейчас коня приведут, мне его еще на постой определять.

– Обращаю ваше внимание, господин серый волк, что Михайло Потапыч еще в себя не пришел. Пока он сообразит, что произошло, пока коня разыщет, а мы с вами уже в деревне будем. Вы так сразу подходите, «Привет!» скажете, мужик, давай договор заключим. Мы, зайцы, огород ему пропалываем, а он нас морковкой снабжает. Я бы и сам сбегал, но как мужика вижу, на меня страх нападает, слово не могу вымолвить. Сходите вместо меня, пожалуйста, договоритесь.

Волк смотрит, медведь только-только ушами начинает дергать, даже не сопит еще.

– Ох, заяц, пользуйся моей добротой. Давай сходим. Мне что, в тебя превращаться? Разговор с мужиком получился недолгим.

Волк-заяц подскакал к нему поближе, сделал страшные глаза, ушами как рогами покачал и рычащим волчьим голосом говорит.

– Значит так, мужик, мы тебе огород пропалываем, ты нам морковки отсыпашь, договорились?

Хлопнул волк заячьей лапой по ладони мужика и в лес побежал.

А мужик стоит, глазами хлопает.

– Какие-то бешеные зайцы пошли, объелся он волчьих ягод, что ли? Это... – кричит вслед, – только прополку добросовестно делать, сам проверять буду.

Волк, конечно, не успел свой прежний вид принять. Бежит в лес как заяц, видит, колобок навстречу катится.

– Волк, а волк, погоди, дело есть, – говорит он.

Волк засопел по-заячьи.

– А как ты меня узнал? – спрашивает, – заяц же я сейчас.

– Нет у нас в лесу зайцев с волчьими клыками.

– А, поэтому мужик так быстро согласился, как-то не полностью я превратился. Надо внимательней быть.

Колобок вкатился на пенек, расставил коротенькие ножки из двух булочек и заявляет нарисованным ртом.

– Значит, так. Во-первых, привет тебе от Ивана-царевича. Видел я его намедни. В гости тебя приглашает. Царь-батюшка возвращается из зарубежного вояжа. У аглицкого короля гостил, с подарками прибыл. Завтра всю ночь пир горой. Собаки на цепи сидеть будут, пока им объедки кидают, а ты так по залу походишь, без привязи, можешь есть от пуза, что Иван-царевич кинет.



– Знаешь, что, любезный колобок, устал я от дворцовой жизни, меня и здесь неплохо кормят. Скажи Ивану, что не нашел меня.

– Не нашел, говоришь, – колобок сделал вид, что задумался, – ну, хорошо, услуга за услугу. Ты от моего имени лисе объясни, что нельзя меня черствой коркой обзывать и плесенью пугать. Я же как вечный пряник – не плесневею. Только напугай ее как следует, чтобы отстала. А я забуду, что тебя видел.

– От твоего имени, говоришь... Ох, колобок, ставишь ты мне задачи. Размером ты мал, чтобы тебя пугаться. Надо бы мне колобка гиганта изобразить. Где там лиса? И учти. Я тебя не видел, ты меня не видел.

Лиса сначала ничего не поняла, даже чуть хвост не потеряла, когда зацепилась им за сучок осиновый. Еще бы, шла по своим делам, к волку собиралась, то ли причесаться, то ли еще зачем. А тут на нее колобок-монстр выскакивает, величиной с Михайло Потапыча, Такой громадный пухлый шарик на коротких ножках. Только и есть, что голова и пасть огромная, с зубами острыми. Того и гляди проглотит. Есть чего испугаться. А колобок орет свирепым голосом.

– Не смей меня, лиса, больше черствой коркой обзывать и плесенью пугать, а то я тебя съем.

А лиса пока выпутывалась, уже все сообразила.

– Волк, ты, что ли? Ну, я этот батон наглый разгрызу.

– Не, лиса, не надо. Я же ему обещал, что ты его больше обзывать не будешь.

– Ну, хорошо, волк, ты мне еще пригодишься, оставлю я этого кренделя пока в покое. Вот ведь шла к тебе зачем-то, а напугал, и забыла, зачем. Ну, ты пока обратно в волка превращайся, а я повспоминаю.

– Это, лиса, а я какой был?

– Не поняла, какой такой был?

– Ну, внешне я как раньше выглядел?

– Ну, волк как волк, уши, зубы, когти.

Волк превратился.

Лиса охнула непритворно.

– Душераздирающее зрелище, – говорит, – колобок с ушами.

– Да забыл я, как выгляжу в своем собственном облики. Я ведь уже и лисой был, и медведем был, и зайцем был, даже колобком был, а как волк выглядит, забыл...

Лиса даже растерялась.

– Ну, это волк, такой волк, серый.

Колобок стал серым и неаппетитным. Подошли другие звери, узнали, что у волка с памятью плохо, стали наперебой советовать. Ежик так авторитетно заявляет.

– Ты это, почти, как я, только больше и с пастью.

Волк превратился, всем стало весело, при виде ежика с заячьими лапками и улыбочивой пастью с кривыми зубками.

Кот-баюн ему насоветовал.

– Хвост лисий, морда кошачья с длинными усами, лапы медвежьи, уши, как у зайца.

Волк превратился. Этот зверь выглядел даже не смешно.

– Ну, хорошо, что уже не колобок, – оценил новое воплощение кот, – но далеко не волк.

– Все, – говорит волк, – надоело. Иду к Ивану.

А Иван-царевич был в отъезде. Царя-батюшку встречал из Англии.

Зато царевна Аленушка, как увидела кото-волка-зайца с лисьим хвостом, руками всплеснула, и потому как была искусница в волшебных делах, не испугалась.

– Что? – говорит, – Допревращался? А волком был симпатичнее.

– Царевич твой когда будет? – волк растерянно спрашивает, – может, он меня, бывшего, хорошенько опишет или картинку какую мою откопает, есть же во дворце в библиотеке сказки про волков с иллюстрациями. А то никак не могу в себя превратиться, забыл, кто я.

Волк потерялся, как кот, бочком о ноги Аленушки.

– Ох, не скоро Иван вернется, не раньше завтра. Да и не нужен он нам. Сейчас я тебе сама покажу картинку с волком и размеры твои укажу. Но ты уж постарайся точно в себя превратиться.

Вытащила она какую-то праздничную открытку, показывает.

Волк посмотрел внимательно, Аленушка ему руками длину он кончика носа до хвоста отмерила, показала, какой высоты волк с открытки должен быть.

Волк повздыхал с сомнением.

– А что, – говорит, – этот дурацкий бантик на шее обязательно?

– Конечно, – Аленушка отвечает, – иначе ты и не волк будешь.

– А, ладно, превращаюсь.

Опять для него началась дворцовая жизнь. Ведь волки совсем не приспособлены для жизни в лесу, убеждала его Аленушка.

А тут как раз она званый ужин устраивала, подружек, других царевен пригласила. Они все со своими волками пришли. У каждой в сумочке по такому дружку поместилось. Правда, те в основном спали или зевали лениво. Только серый волк все время из сумочки Аленушки выскакивал и по полу радостно бегал привычными восьмерками.

– Ах, какая прелесть, – восклицали подружки Аленушки, глядя на серого волка.

А волк неуютно себя чувствовал. Сомневался он, думал, что царевна в размерах немного ошиблась. Морда у него на уровне стола раньше была, прямо из тарелок мог пахтеть гусиный рубать. А теперь прыгать приходится, да с первого раза и не допрыгнешь. Зато, когда допрыгнул, прямо в тарелке с салатом оливье оказался. Теперь надо было еще до паштета по всему столу бегать.

– Ох, какой прелестный той-терьерчик у нас, – слышался знакомый голос.

Это Иван царевич, только что царя-батюшку с дороги в покои проводил. Волк не сразу понял, что это его обзывают декоративной комнатной собачкой, а когда понял, решил обидеться.

– Не расстраивайся, Серый Волк, Аленушка в суматохе дворцовой жизни совсем забыла, как серые волки выглядят, вот ей и захотелось иметь своего волка, маленького, чтобы его можно было всюду с собой носить.

– Зачем меня носить? Я прекрасно могу на четырех лапах бегать и прыгать, правда, раньше они у меня значительно сильнее были.

– Не печалься, Серый Волк, помогу я твоему горю. Заказал я придворному художнику твой портрет. Завтра готов будет, во всех подробностях. Так что готовься к превращению.

– А размеры? Размером я большой буду?

– Конечно, косая сажень от хвоста до холки будет, или еще больше. Я больших волков люблю.



Рассмотрели они на завтра картину художника. Волку очень зубы понравились. Большие острые. Уши были странные, шерсть лохматая, да масть белая. Но Иван волка успокоил.

– Не с тебя же художник рисовал. А ты сделайся таким же, только серой масти, и все у нас получится.

Волк пискнул как той-терьер и превратился.

Царевич остался доволен, а волк пока не понял, как ему в новом обличье.

– Ну, пойдем, серый, тут царь батюшка пир горой дает, по случаю своего возвращения от аглицкого короля, пойдем и мы развлечемся.

Волк напраздновался. Рябчиков в собственном соку навалом, рыбы свежей сколько угодно, сахарных косточек ему гости набросали вволю. Грызи под столом, ни о чем не думай. Правда, пришлось косточки у собак, отнимать, которые бегали по парадному залу во множестве на привязи. Но волк сказал Ивану спасибо за превращение, потому как он был явно крупнее этих псов и рык был у него погромче. А вот почему его Иван тоже на цепь посадил, этого Волк не понял. Это у нас такая форма одежды для собак и волков, пояснил Иван, а колобок, когда приглашение передавал, немного напутал. Просто у волков цепочка подлиннее.

Волк сказал, ладно, тем более, что Иван-царевич обещал, что с дворцовой жизнью покончено и завтра в леса подадутся на охоту. Он завыл от счастья и сытости, его тут же отвязали и вывели из дворца.

И началась сказочная жизнь у волка. Ешь, пей от пуза, бегай по лесам за оленями и кабанами сколько влезет. Ошейник очень красивый подарили, и на цепь перед дворцом сажали только на праздники, когда гостей полно.

Вот как-то отправились они к озеру. Всей честной компанией. Иван царевич с волком, принцы разные, князья там всякие. Все на конях с ружьями, со сворой охотничьих собак и прочей свитой. Большая шумная толпа. Волк еще подумал, как же можно охотиться, производя столько грохота, топота, лязга и лая. Волку и самому часто отчего-то хотелось лаять, так хотелось, что выл иногда от расстройства, раньше он за собой такого не замечал.

Но вот собаки подняли стаю диких уток, охотники настрелялись всласть. А в озеро лезть кому? Волку. Поплыл он. Вытащил подстреленную утку, к ногам Ивана царевича положил.

– Хороший у тебя охотничий пес, – вдруг кто-то из принцев брякнул похвалу волку.

– Что? – Волк завертелся волчком от обиды. Завыл и слезы лапой стал утирать, – я собака! Пусть даже и охотничья. За что же ты меня так Иван-царевич, ведь верой и правдой служил тебе?

– Ну что ты, волк, я к тебе со всей душой, знаешь, как больно было на тебя смотреть – на дамскую собачку. А я из тебя благородного лабрадора сделал, тоже ведь не помню, как волки выглядят, что-то с памятью моей случилось. А так ты верный охотничий пес, весь день по лесам бегаешь, это ли не счастье.

– Это собачье счастье. Злые вы царевичи и царевны, уйду я от вас.

И волк ушел в самую глухую чащобу, и нос не высовывал из черного логова, случайной дичью перебивался, даже лягушек есть начал. Раз он караулил рыбку у ручья, а сзади кто-то вылез большой, важный серый. Волк гавкнул несмело, Но противник был больше и злее, хорошо, что сытый. Он только клацнул острыми зубами, глянул презрительно на грязного лабрадора.

– Ты кто? – говорит, – раскормленная болонка?

– Сам ты болонка, – смело волк отвечает, – это я сейчас несчастный охотничий пес, а ведь когда-то был волком.

– Волком? – удивился другой волк, – это я волк, а ты на волка и не похож совсем, и лаять, наверное, умеешь.

– Волк! – обрадовался серый волк, – а не врешь, честно-честно? То есть, не вводишь ли ты меня в заблуждение?

– Очень мне надо какого-то пса куда-то водить.

– Ну, да ты же не царевич или царевна, чтобы из волков декоративных собачек делать. Постой минутку. Я сейчас превращаться буду.

И пес превратился в волка.

– Как я выгляжу? – спросил он, – похож?

– Ну, вылитый я, – волк отвечает.

– Наконец то, в родной шкуре я как дома.

– А в чужой шкуре как? – спросил волк, – тесно, что ли или колетса она?

– Да нет. Вот, например волк в овечьей шкуре очень удобный наряд для охоты, но поносишь эту шкуру и сам блеять начнешь, и травку жевать скоро будешь – тяжело вздохнул серый волк.

– Надо же, как шкура на тебя влияет, – удивился волк, – а если в шкуру льва залезть? Самым сильным сразу станешь?

– Нет, у нас тут львы не водятся, а если бы и водились, то настоящему льву мог бы волк в львиной шкуре не понравиться. Содрал бы он с меня шкуру и голым в Африку пустил. Хватит превращений. Вернусь я, пожалуй, в свой лес. Давно не видел я медведя, лису, кота, кабана, зайцев. Колобка с удовольствием бы повидал. Даже с Иваном-царевичем в какое-нибудь приключение отправился бы. Но сначала бегом во дворец, пусть придворный фотограф мне фотографии сделает. Фас, профиль и в полный рост. Да, и еще пусть размеры проставит. Потому что я теперь точно знаю, поменьше надо превращаться во всяких разных зверей, а побольше надо самим собой быть. И шкура целее будет, и себя не потеряешь. Вот и все.

Лиса Алиса, из леса

А сегодня у лисы выдался день хлопот. В курятник надо забежать, посмотреть, как там цыплята, курам корм задать, воды в поилку добавить. Колобка попугать обязательно, а то, как с волком дружбу завел, теперь с важным видом булочками своими вышагивает. Совсем страх потерял. Еще лис из соседнего леса в гости напросился. Избушку-то она загодя убрала, теперь и себя принарядить надобно.

А где тропинка, по которой колобок в лес покатится от терема царского? Ах, вот она. Ну, держись, каравай ненадкушенный!

А колобок действительно изюминку, которая ему носик заменяет, вверх задрал, на дорожку не смотрит. Бежит себе спокойно, не спотыкается.

А лиса мастерица была, миражи творила всамделишные. Вот она и послала вслед за колобком призрачных, деда с ножиком и бабу с вилкой. Тех самых, от которых он укатился давным-давно.



Бегут они за колобком, съесть хотят. Дед облизывается, ножиком размахивает, бабка вилкой в колобка целится. Колобок взял, да и испугался. Как припустил по тропинке, даже ножек-булочек не видно стало, так быстро они замелькали. А потом заметил лису, остановился. Смотрит внимательно, как дед с бабкой бегут и со смехом лисе говорит.

– Так это, Алиска, твои проделки? И чего ты, со своими ненастоящими картинками, про звук забываешь? У деда под лаптями ни одна веточка не хрустнет, травка не прошелестит. А бабка, она женщина степенная, никогда не бегаёт. А если вдруг побежит, то сопит очень громко.

Бабка с дедом тут же растаяли, будто их с утренним туманом ветер унес. А лиса говорит.

– Ладно, ладно, сухарь-переросток. Я с тобой ещё рассчитаюсь. И звук тебе будет, и цвет, и запах. Сама бы тебя сгрызла, да боюсь зубки поломать. Давно ты по лесу бегаешь, зачерствел весь. Да и невкусный, наверное.

– Не буду я тебе, лиса, доказывать, что я вкусный и не черствую. А то вдруг тебе понравится от меня кусочки отламывать. А я этого очень не люблю. Побежал я. А тебя заяц ищет. Чего-то ему надо. Да вон он и сам идёт.

Заяц не важничал. Ещё издали кричит.

– Лиса, а лиса, хочешь, денежку покажу? Золотую!

– Покажи, – лиса отвечает.

– А вот она.

Заяц золотой рубль протягивает. Лиса изображение царя Ферапонта рассматривает.

– Ну, прямо как живой батюшка наш.

А заяц важно заявляет.

– Твой будет, если просьбу мою исполнишь.

– Не знаю, не знаю, стоит ли твоя просьба одной денежки, ты лучше скажи, косой, у кого этот рубль стащил? В царские покои тебя не пускают, Иван-царевич деньги не разбрасывает, разве что у мужика мог позаимствовать.

– Ну, что ты, лиса, я его нашел, честно-честно.

– Ну, заяц, предположим, я тебе поверила. А что ты хочешь за рубль, чтобы я сделала?

– Вот тебе денежка, лиса, а изобрази-ка мне, как я тут по лесу волка и медведя гоняю. И чтобы они меня боялись сильно-сильно. Ты же можешь мне их тут ненастоящих предъявить.

Забрала лиса рубль, думает. Сделать миражных волка и медведя, или так денежку прикарманить? Решила развлечься.

– Готовься, зайчик, быстро бегать придется.

Сосредоточилась лиса, и возникли сначала медведь, а потом и волк. Посмотрели на зайца удивленно, а потом сделали вид, что испугались и пошли к лесу неторопливо.

– Да разве так боятся? – возмутился заяц. Пусть со всех лап бегут. Я же их вроде съесть собираюсь.

Ну и побежал медведь. Походка у него тяжелая, косолапая. Лапами траву загребает, будто плывет по поляне. За ним волк бежит, след путает, вокруг медведя круги нарезает. И заяц за ними поскакал. Кричит радостно, тонко, по-заячьи.

Лиса, чтобы ей самой не бегать, сделала так, чтобы вся эта троица вокруг поляны бегала. Сама в центре стоит. Смотрит, чтобы волк и медведь испуганными выглядели.

Бегут они, бегут. Вдруг заяц останавливается, пищит недовольным тоном.

– А что они опять не боятся, совсем не кричат от страха? Давай, лиса, отрабатывай рубль.

– Ох уж, эти звуки, – недовольно лиса вздохнула. А потом как заревела голосом медведя, которого среди зимы из берлоги подняли, чтоб в зоопарк отправить. А потом передохнула и тоскливым волком на луну завывала.

Заяц как припустил со всех четырех лап. Чуть не догнал медведя с волком. Но лиса так сделала, что они в лес убежали и исчезли там. Запыхавшийся заяц подошел к лисе, сказал.

– Спасибо тебе, лиса, получил я удовольствие. Будет, что вспомнить. А еще немножко можно их погонять? Или нет, сможешь мне охоту на слона устроить?

– Да, это прикольно будет. Заяц против слона. Еще веселее только слон и мыши. А у тебя еще денежки есть?

– Да нету, пока.

– Ну, как достанешь, приходи. А мне пора, ко мне скоро гость придет. А у меня еще дел полно.

Лиса к своей избушке побежала.

А лис уже ждет. Хвостом в беспокойстве машет и сумочку какую-то протягивает. Лиса видела такую у Ивана-царевича. Он в ней трофеи таскал охотничьи.

– Здравствуй, лиса, – с важным видом лис говорит, – я в гости пришел, на тебя посмотреть, как живешь узнать.

– Ага, – лиса отвечает, – и приданое мое оценить. Смотрины, значит, ты мне, лис, устроил. А я, может, еще и не согласная буду. Да и в соседний лес перебираться неохота.

– А это мы сейчас посмотрим, – лис отвечает, – может, нам и здесь неплохо будет. А пока прими подарочек.

И достает он из сумочки зеркальце чудесной работы, подает лисе. Алиса внимательно рассматривает, говорит.

– Спасибо тебе, лис, за подарочек. Мне как раз зеркальце очень надо. А то надоело в волка смотреться. А почему оно так богато самоцветами усыпано? Ты меня за сороку принимаешь?

– Что ты, что ты лиса. Это царевна-Аленушка любит, чтоб все вещи у нее были красивые и богато украшенные.

– Ага, так это её зеркальце?

– Алиса, не подумай ничего. Я оба зеркальца у нее честно выменял.

– Так есть и второе?

– Есть, конечно, сейчас к тебе в избушку зайдем, я тебе всё-всё покажу.

– Ну, что ж, лис, давай зайдем. Только сначала я, а через минутку ты.

Лиса забежала к себе в избушку. Смотрит, все ли в порядке. Стол накрыт. Главное блюдо – караси тушеные в сметане. Есть и рыбка сырая, мелкая, на закуску. Сыр от вороны, квас из царского дворца. Всего в достатке. Только вот на лежанке, на печи, среди подушечек круглое и лохматое что-то спряталось. Лиса посмотрела внимательно и сделала для лиса, так чтобы предмет этот тоже подушечкой выглядел.

– Заходи, лис, – кричит Алиса.

Лис зашел, слюнки пустил, когда сыр унюхал, но на еду не набросился. Достает второе зеркальце, пристраивает его возле печки.



– Алиса, – таинственным шепотом говорит, – вот я теперь смотрю в одно зеркальце, а во втором тебя вижу. А ты меня наоборот видишь. И как бы далеко мы не были, будем друг друга всегда видеть.

– Спасибо тебе, лис, за царский подарок. Я теперь так часто тебя видеть буду, что ты мне и надоесть сможешь. Но я-то еще и себя иногда рассматривать хочу.

Лис радостно заявляет.

– А для этого обратная сторона зеркальца есть. Там только себя и увидишь.

– Ну, раз я и себя смогу в зеркальце рассматривать, тогда, пожалуй, ты мне надоесть не успеешь. Прошу к столу.

– Лиса, а лиса, – вдруг лис спрашивает. – А нет ли у тебя среди дичи к столу кролика?

– Кролика? – Лиса задумалась.

– Ну да, я за братцем-кроликом уже полжизни охочусь. И в терновый куст его бросал. И в болоте он меня топил, и смолу я грыз, когда он чучело свое подкинул. Все время меня обманывает. А ведь должен быть вкусным.

Лиса услышала про чучело и решила подшутить.

– Есть, – говорит, – кролик, как не быть. Вот, тушеный, в сметане.

Превратила она одного из карасей в кролика и лису подает. А тот как набросился, в два глотка проглотил.

– Да, – говорит, – интересный вкус, рыбу напоминает, и косточки мелкие.

– Так этот кролик у меня не только морковку, но и рыбный корм грыз, – пошутила лиса, – а ты кваском царским запей, да сырком закуси.

Выпил лис квасу, начал избушку оглядывать. Оценивал, богато ли лиса живет. Заметил лежанку на печке, только устроился поудобнее, да как вскочит, как закричит не своим голосом, да и вон из избушки выбежал. Даже зеркальце свое оставил.

Лиса присмотрелась, а эта подушечка хитрым ежиком оказалась. Спал он крепко, свернувшись клубочком, пока лис на него не сел. А теперь посмотрел на лису и говорит виновато.

– Извини, лиса, за эту суматоху. А кого это я из твоей избушки прогнал.

– Да так, лис свататься прибежал да быстро убежал. А захочет, так еще раз прибежит. Зато у меня теперь два зеркальца чудесных. И я всегда смогу посмотреть, что у меня в избушке творится. А лиса я могу и живьем увидеть. Не обязательно его в зеркальце рассматривать. Да и в курятник мне пора, я еще с утра туда собиралась.

В курятник лиса так и не попала. Колобок прибежал. Как всегда с посланием от царя.

– Царь-батюшка наш да с Иваном-царевичем сей же час требует тебя лиса на берег реки Горынки.

Хотела лиса от этой неприятности избавиться, да делать нечего. Придется мост чудесный строить.

Через речку Горынку царь обычно на юга отправлялся. В летний терем. Морским воздухом подышать да песчаных замков понастроить. А потом и разрушить их можно. А Горынкой она зовется еще со времен Змея Горыныча. Змея давно уже и след простыл, а Горынка течет. Она неширокая, саженой тридцать, но её царю-батюшке приходится вброд переезжать. Разок вода даже в карету протекла, царские сапожки замочила. Батюшка наш сразу обратно, домой повернул, чтобы переобуться и насморк не подхватить.

И тогда он приказал, услышав про таланты лисы, построить мост дивной работы, чтобы больше вода в карету не попадала.

Лиса подумала, что она совсем пропала. Ну как поедет царь по миражному мосту, а потом бух и в воду, но Иван-царевич выручил. Выпросил две недели отсрочки и еще лисе картинку моста предъявил. На картинке мост деревянный дивной работы. Искусные столяры и плотники должны усердно потрудиться, чтобы такой сделать. А вот если Лиса его изобразит, надобно, чтобы никто им не пользовался. Только издали любовался.

Но Иван заверил лису, что он все придумал. И рассказал, что нужно лисе сделать, чтобы и царь был доволен и мост получился.

А теперь вот царь батюшка к Горынке пожаловал. Пора мост ему предъявить.

Стоит наш царь Ферапонт-первый на берегу Горынки, волку ценные указания дает, как он должен мост проверить после постройки. Сколько зверей должно по нему прошествовать во главе с медведем, а потом царь еще и дружину свою на мосту выстроит. А потом и само наше величество проедет. И чтобы непременно салют был при этом.

Лиса сразу много радости на мордочке изобразила, кричит.

– Добрый день, царь-батюшка. Доброго вам здоровычка, чтобы вы не простужались.

– Это можно, – царь важно отвечает, – вот сейчас мостик поставишь, и больше ножки мочить не будем.

Лиса тяжело вздохнула, смотрит, нет ли Ивана поблизости, но картинку с мостиком достала, попросила всех, и царя тоже, подальше от берега отойти, и мираж творить стала.

Возник мост. Царь от его созерцания оторваться не может. Сам мост из дубовых стволов, каждый в три обхвата. А ограждения стоят из ольховых досок. А на них цельные истории вырезаны. С правой стороны царь на лихом коне, во главе дружины хазаров в южное море гонит. Царь на этом берегу Горынки, а хазары на противоположном стоят, боятся. А на левой стороне Иван-царевич на волке с пером жар-птицы несет Аленушку освобождать. То ли Черномора ему надобно победить, то ли самого Кощея? Победит, спору нет. И Аленушка домой возвратится, и мост стоять долго будет, пока лиса рядом.

Позвал царь батюшка волка, чтобы лесной народ по мосту прошествовал. А волк что-то не торопится. Медведя говорит еще нет. Только Ферапонт-первый начал терпение терять, как прискакал Иван-царевич. Лошадь под ним взмыленная, сам в поту горячем.

– Беда, – кричит, – царь батюшка, басурманин на нас напал.

– Что ж ты криком панику умножаешь, – спокойно царь отвечает, – есть воевода, есть дружина. Да и надобно ли на одного басурманина цельную армию отряжать?

– Басурманин не один. Они тьмой пришли с Запада. А дружина. Ты ж, царь-батюшка, сам воеводу с дружиной на юга отправил, отомстить неразумным хазарам.

– А, да. Это было. Безобразничают они в последнее время возле нашего летнего терема и владений южных. Ну, пошто ты прискакал, или есть еще войско у нас против басурман?

– Есть еще немного. Поскакали, батюшка, обратно в царские хоромы, надобно ответить супостату, чтобы неповадно было. И только ты за воеводу справно сможешь командовать.

– Эх, – вздохнул царь, – какой мост пропадает. Ну, не улетит же он. И не раз по нему проедем.

– Волк, лиса, вы с нами, – распорядился Иван-царевич.

– А Аленушка-то, она в царском тереме? Не попадется дочка моя басурманам? – забеспокоился царь.



– Да никогда в жизни, – ответил Иван, – я Аленушку неделю назад в Восточное царство отправил, в гости к царевне Будур. Пусть чудесами Багдада полюбуется.

Прибыли они в царский терем. Забрались на самую высокую башенку, Лиса стоит возле Ивана, волк в нетерпении от окна к окну бегают. Иван спокойствие хранит. Вооружился подзорной трубой царь Ферापонт-первый, запад разглядывает.

– Пыль да пыль кругом, – говорит.

– Только пыль, пыль, пыль от шагающих колонн, – Иван отвечает и на лису смотрит – давай мол, работай.

Пыль рассеивается, басурманское войско теперь видно. Идут солдаты, пылят колоннами штук по десять в шеренгу. Мушкеты нацелили. Сразу бы стрельнули, но далеко еще. Пуля не долетит. По краям пехоты то ли драгуны, то ли гусары, Саблями машут. Странная у них форма, попугайская, желто-зеленая. Но лиса-то в обмундировании не разбирается.

– А много ли у нас дружинников осталось? – вдруг главный вопрос царь вспомнил. – И заперты ли все ворота накрепко?

– Ворота заперты, – Иван отвечает, – а дружинников человек двадцать. Все как один богатыри. Так что, не извольте беспокоиться, царь батюшка. Но ежели мы им помочь сможем, эту битву выиграем.

– Как же мы им поможем?

– А вот волк у нас есть. Он как сейчас превратиться в чудо-юдо. Напугает басурман до икоты, те и побегут без оглядки до моря студеного. Сможешь, волк, в чудище обратиться, ростом с царский терем?

– Ну, если лиса поможет, отчего не обратиться?

– Ну, тогда выходи во двор. Пусть тебя все басурмане увидят, а ты, лиса, с башенки ему помогай. Волк, а волк, обратись, пожалуй, в Кинг-Конга. Знаешь, обезьяна, горилла такая была. И басурмане ее узнают, сразу побегут.

Вышел волк во двор, превратился. Страшно стало даже Ивану-царевичу с царем. Такая злобная громадина получилась. Но басурмане не побежали. Они даже два ероплана послали со всякими бомбами против Кинг-Конга. И из мушкетов постреливали. Но волку, то есть Кинг-Конгу пули вреда не причиняли, так щекотали кожу слегка. А на еропланы он как начал махать лапами, так и сбил. Сначала один, а потом и второй. Закрутились они в бешеном танце, упали на землю и задымились. А потом Кинг-Конг вырвал огромный дуб у царского забора. И так этим дубом махать стал, что все басурманское войско вымел из нашего королевства. Ни одного басурманина не осталось. Некого было даже в плен взять.

Оглянувшись, Кинг-Конг на башенку, усмехнулся, показал свои огромные зубы, это он так радовался, и просит Ивана-царевича портрет волка в окошко выставить. Чтобы, значит, опять собой стать. Превратился Кинг-Конг в обыкновенного волка. Царь тут же благодарность ему, и лисе выразил, и непременно решил по мосту проехать на новом. И даже дружину решил прежде там не строить.

– А пир на весь мир потом затеяем, когда дружина моя вернется и Аленушка гостинцы из Багдада привезет, – сделал такое заявление Ферапонт-первый.

Лиса растерялась, думала, может еще каких басурман изобразить, чтобы к мосту не ехать. Растаял же он. Лиса же не может издали миражи творить. Но Иван-царевич сказал, что все готово и можно по мосту уже ездить.

И отправились они к речке Горынке.

А мост стоит, и без лисы не улетучился никуда. Царь пустил волка вперед, потом сам проехал в карете. Лошади бодро стучали копытами по дубовой мостовой, волк встречал царя-батюшку на южном берегу хлебом-солью. Салюты шипели, петарды гремели. Светло было так, что солнышко потускнело.

Лиса спрашивает Ивана.

– Это как же получилось? Я что, могу всамделишные вещи творить? Раньше же не получалось.

– Ты, лиса, не волнуйся, – Иван отвечает. Не могла раньше, не можешь и сейчас. Все твои миражи это ветра дуновение. В один миг развеются. Этот мост сто лучших плотников и двадцать столяров строили. А сто дружинников с лошадьми на юга не ускакали, а весь день, пока мы с басурманами сражались, тащили его и устанавливали. Так что, теперь мы можем царя нашего батюшку обрадовать, что и хазарам отомстили и мост построили. Ты его, лиса Алиса, построила. Не забудь! Но лучше ты мосты не строй. Это дело ненадежное. Занимайся своим делом. Покажи нам в лесу, например, какой-нибудь спектакль.

– Ага, – вмешался волк, – сказку, про красную шапочку, с хорошим концом.

– Это как? – удивилась лиса, – чтоб ты всех слопал? И бабушку и шапку? Ты мне еще семерых козлят закажи.

– Нет, ну можно же так придумать, чтобы и волк был сыт, и козлята целы.

– Это пускай мне тогда Иван-царевич сценарии пишет. Вот как будет готово, попробуем. А пока мне нужно в соседний лес сходить, лиса навестить, о его здоровье справиться, зеркальце ему оставить. И в курятник мне нужно еще с самого утра. Сегодня у меня точно день хлопот.



Рифат ГУМЕРОВ

«Мир R» и Ферганская поэтическая школа

(штрихи к портрету)

«Если бы звёзды появлялись на небе лишь в одну ночь за тысячу лет, как бы истово веровали люди! На многие поколения сохранили бы они память о Граде Божьем...»

Ральф Улдо Эмерсон

ЭТИМОЛОГИЯ

Что же касается Ферганы, то здесь расцветут разные экзотические цветы школы ферганского направления, выстраивая замысловатые литературные конструкции, которые принимали всё большее значение в их творчестве. Но там, где они бродили, вдохновляясь герметизмом, R был герметичен сам по себе, герметичен сам в себе. И поэтому он явился промежуточным этапом в их архитектурной эволюции, которая вела к ТВОРЧЕСТВУ, быломu очарованию европейских и американских гигантов, не избегая не только цитирования, но и интерпретации. И стартовой площадкой для группы, разумеется, явилась «Звезда Востока», где каждый из членов группы получил возможность проявить своё Эго, свою изобретательность. С журналом этим отошли в прошлое безумные времена, провозвестники колебаний (от точно выражающих дух времени – до рассудочной расчётливости и рассчитанности). С этим титаническим прорывом русскоязычная литература Ферганы обозначила багаж и направления других, более поздних разработок.

В «Звезде Востока» они смогли реализовать разом все свои обещания, обнаружить весь свой потенциал, объединить свои склонности и удовлетворить многие аппетиты.

ПЕРЕПЛАВКА

Заведенный механизм начал идти привычным образом. Новинка приобретает относительное значение к прошлому; к опыту, где в их постоянном перемешивании, воссоединении и переориентации возникает настоящее. Так развивается любое искусство. На пустом месте не появляются шедевры. В небольшом мире ферганской школы появились перебежчики из других классов, по своей сути почувствовавшие склонность к ферганскому герметизму, фрагментаризму – которые привнесли в него элементы синтеза. Это Лариса Дабижа и Евгений Олевский.

Эти авторы с исключительной виртуозностью соединили свои прошлые склонности в новом стиле высвобождённого слова и составили из богатства своих идей новый коктейль более чем крепкий, хорошим примером которого явился вышеупомянутый орган издания.

Исключительно новая «Звезда Востока» установила мосты между литературными жанрами, развивающимися до того момента автономно. Участники группы рискнули на этот синтез, чтобы создать истинно литературное явление. После этого Шамшад допустил большую ошибку, пригласив к сотрудничеству Славика Ахунова (исполнившего роль 13-го апостола); затем быстро пойдёт в гору, четвертованный между различными тенденциями, которые, казалось, за эти пять удивительных лет, напрочь вросли друг в друга.

Склонность R к шамшадовскому направлению проистекала из его работы в альманахе «Молодость», которая творила литературу, разрозненно пресыщенную цитатами из западных произведений и ссылками на первоисточники. Принципиальным продолжением их деятельности явились наиболее смелые публикации в последующих номерах «Звезды Востока», решительно отличающиеся от творений их конкурентов избытком своей новой взрывной силы и вулканического вдохновения.

Но и здесь же обнаруживается опасность формализма. Тем не менее, «Звезда Востока» обладала волшебной свежестью, оригинальными идеями и коллективным счастьем.

Продолжение (со слов Славика Ахунова) оказалось весьма печальным: группа, попусту растрачивая свои усилия, задохнулась в мании величия, хотя, кажется, пытается воссоздать своё реноме в сегодняшние дни. Несмотря на то, что время пророков с электрическими гитарами прошло...

Между тем, «Звезда Востока» оказалась журналом, определившим время, в которое он был создан, который решительно использовал западную эстетику. «Звезда ...» стала одним из истоков новой русскоязычной литературы, обновившим её введением синтетических пестрот, использовавшим старые западные мотивы для создания новых восточных гимнов. Ферганские школьники, иллюстрируя это направление, и не пытались стряхнуть пыль со старых работ.

В актив ферганцев можно внести не то, что они подали дух Востока в западной упаковке, но породили некий способ мироощущения или эмоциональную моду. Рафинированный до предела Шамшад жаждал возродить воодушевление западных мэтров, быть одним из вожаков средиземноморского праздника.

А что мистер R? И что его тексты?

Весь его пыл, всё его самобахвальство, возрождённое им в наше время, воссоздаёт язык синтеза, который позволит ему передать в своих текстах и определенный заряд стёба и прикола на новообразованное общество потребления, совсем как в искусстве ироничных трубадуров и куртуазных маньеристов («скабрёзно об серьёзном»...). И из всех его текстов рвётся наружу это буйное ликование, эта насмешливая щедрость, словно слишком крепкий ликёр в слишком тщательно отделанной бутылке, словно веяние фривольности, колыхнувшее кружевное жабо или тюль...

Дикорастущий, как алты-арыкская конопля, столь же свежий, сколь и многословный, мистер R в совершенстве транспонировал в амбивалентную современность древние мотивы тюркского эпоса а ла Ходжа Насреддин, аристократические и сакс(секс)-аульные одновременно.

Достижения тех лет дают о себе знать и в литературе наших дней.



1987 год

В литературе, как и в онкологии, бывают периоды, когда разом реализуется вся совокупность накопленных ранее симптомов. В области русского поэтического слова особенное значение приобрел 1987 год. Уже успевшая стать на ноги, «Ферганская школа», подкормленная удобрениями старых культур, распустилась в серии шедевров...

Быть может, альманах «Молодость» является менее типичным для Ферганской школы, коль скоро речь идет об общей выдумке, её отличающей. Что же касается других, более поздних изданий, то они принадлежат уже другой Фергане, хотя также черпающей своё вдохновение из американской и итальянской поэзии. Встретившись с «Ферганской школой», читатель по-настоящему чувствует масштаб этого рода литературы, которая является новым явлением для людей, обладающих иной (русской) культурой. Так что, общая мировая пульсация (итальянский и американский герметизм), была модулирована в зависимости от другой восприимчивости, перекрашена в иные ориентальные краски.

И его величество текст, этот символ веры и поиска истины, обнаружил претензии стать более философичным и более творческим в русскоязычной литературе Узбекистана. Фергана сделала его более глубоким и более рафинированным по своей форме, более гибким, соединяющим Запад и Восток в сообразности с требованиями времени (представляющего собой гораздо больше, чем просто локальная история), указывая важный путь для совершенствования литературы во всех её измерениях. Далеко ушедшая от тривиальных текстов типа «Звёзды над Самаркандом» – ферганская школа является в этом отношении моментом кристаллизации целого стиля. После него русская региональная литература потребует для себя (уже!) обновления: ташкентская школа.

Так же, как и R, ферганская группа не прекращала совершенствоваться вплоть до 1996 года, тогда она выразила себя в труде (так и оставшемся, как предъявление всех личных и коллективных достоинств, квинтэссенция её творчества) – в пятилетнем издании «Звезды Востока». Эта беспримерная акция показывает, что ферганцы стремились к конструированию грандиозного направления, по духу и «заумности» весьма чуждого великим русским классическим образцам.

Но R совершенно отличался от Шамшада. Тогда как Шамашад делал основной упор на западный герметизм, на фрагментаризм, на итальянскую и американскую поэзию, мистер R оказался апологетом обострения уже существующих форм русской классики (Барков, малоизвестный Пушкин, Салтыков-Щедрин, Хармс, Зощенко, Саша Чёрный, Андрей Белый) и новых её направлений и находок, придания им своими аранжировками оттенка индивидуальности.

Состоящая из непревзойденных виртуозов пера, таких, как Хамдам Закиров, Даниил Кислов, Гриша Капцан, Юсуф Караев, которые могли себе позволить всё, движимая неисчерпаемой энергией Шамшада, ферганская группа постепенно начала дробиться, искажаться, выворачивать наизнанку нормы, уже установленные в школе, трансформируя главную средиземноморскую тему, беспрестанно дробя стратегические линии на локальные эскизы.

Но в то же время вся поэтическая продукция ферганской школы была выражением взаимной дружеской приязни, где главным смыслом коллектива являлось именно совместное общение...

В это же время более глубоким погружением в себя мистер R (по жизни и в прозе) находит выход из тупика абсурда и самопародии, в который он угодил...

МУЗЫКА

Огромное значение для всех имела музыка.

Два музыкальных мира – попсово-массовый, «лёгкий», и симфонически-камерный, «серьёзный». Они существуют каждый сам по себе, но между ними постоянно проскальзывают серебристые молнии коммуникаций. Игорь Стравинский, сочиняющий свой «эбеновый концерт» для джаз-оркестра Вуди Германа; Равель, пишущий медленную часть скрипичной сонаты в форме блюза; Хиндемит, «вмонтировавший» в финал «Камерной музыки N1» новейший фокстрот (с указанием в партитуре названия фирмы и номера по каталогу); Лучано Берио, пригласивший на исполнение своей «Симфонии» ансамбль Staple Swingers; Родион Щедрин, с джазовыми эпизодами Второго фортепианного концерта. Композиторы-симфонисты ищут новые краски в мире джаза, рока, песни. А многие из музыкантов, принадлежащие к жанрам, называемым массовыми, стремятся прикоснуться к роднику классической музыки, использовать её богатейшие средства, накопленные музыкальной культурой за столетия её существования. Использовать – это, конечно, не значит искажать прекрасные классические мелодии. Музыкальная классика, как и классические произведения литературы, изобразительного искусства, не терпит грубых рук и отсутствия вкуса. Но бережное отношение к ней, к её высоким художественным приёмам и достижениям как раз и способствует выработке хорошего вкуса и обогащению любого музыканта...

ПСИХОДЕЛИКА

Корни ферганской школы лежат где-то в неясности психоделического движения, которое, вдохновлённое атмосферой американского западного побережья, хотя и с опозданием на 10-15 лет, но всё же просочилось в Фергану в 70-80 годах прошлого века. Мода, или, если хотите, заметное социальное возмущение, которое смогло себя выразить не только в манере и одежде (вспомните пёстрые одежды апостолов «пси» – «Soft Machine», «Pink Floyd», «Syn»), но и в идеологии молодёжи.

Движение хиппи, «дети цветов», идеи пацифизма, рок-н-ролл, марихуана, Че Гевара и сексуальная революция, прогремевшая 6 мая 1967 года на далёком Западе и объявившая свободу нравов...

Благодаря «Beatles», выступившим в роли пророков, рок становится по-настоящему популярным. Именно песенный рок наилучшим образом передаёт ту эфемерную мимолётность, отличавшую психоделический период. Неясные мелодии и неистовые тексты разбили рамки традиционных структур. С этой точки зрения две группы становятся признанными лидерами этого безудержного безумия и взрыва анархии: «Soft Machine» и «Pink Floyd», две группы, работавшие в одно и то же время фантастического кипения психоделики, начавшие свою деятельность в 1966 году. Их объединяли общие цели: переделать банальный песенный рок, разбить ограничения, налагаемые его стандартной трёхминутной длительностью, увлечь слушателя вплоть до полного растворения его психики во всех возможных измерениях звучания музыки, обладать, в конце концов, звуковым пространством, достаточным для того, чтобы подключить к своему безумному миру целое поколение, так долго ущемляемое в своих желаниях опекой взрослых.



Возникшая сначала как музыка для развлечений и приложение к наркотикам, она стала со временем, настоящим ключом, открывающим двери во внутренний мир, к богатству личности. Это поколение молодых сделало шаг от суетных радостей к духовно более ценным стимулам. Во многом этому содействовал психоделический рок...

На этой волне и появились в Фергане (в музыке, литературе, кино, фотографии, живописи и т.д.) личности, одержимые новыми идеями – Александр Иванович Куприн, Шамшад Абдуллаев, Гриша Капцан (Коэлет), Макс Лурье, Александр Гутин, Мамут Чурлу, Серёжа Алибеков, Энвер Изетов, Хамдам Закиров, Андрей и Даниил Кисловы, Юсуф Караев, Ринат Тазиев, Игорь Зенков, Юрий (Вячеслав) Усеинов, Ольга Гребенникова и др. Выросшие в атмосфере ферганской психоделической лихорадки и появившиеся в литературно-художественном мире с техникой, как бы приспособленной к новаторскому воплощению своей фантазии.

И постепенно, эти различные элементы стали складываться в ферганское созвездие, удачно сконцентрированное в одной географической точке и затем разбросанное в огромном мировом пространстве, но, несмотря на это, – крайне плодотворное. Говоря о движении, необходимо подчеркнуть серию родственных модуляций, автономных в момент зарождения, принципиальные оси вращения этой новой волны, но соединённые общей связью к своему финалу. Все они снискали себе славу на этом поприще, позволившем им закалить свое слово в настоящее диковинного галлюциногена.

Все это было цельно и великолепно для группы, которая не потрудились сделать свой первый опыт более форматным по форме, для того, чтобы стать успешнее. Дело в том, что само время созрело для рождения такой эстетики. И сегодня нет сомнений в том, что благодаря своим достоинствам ферганская школа стала источником множественных ссылок у апологетов и им сочувствующих. Не потому, что ферганцы создали это направление – они продемонстрировали миру лишь (перво?) воплощение законченности в данном стиле. И ныне факел столь воодушевляющей ферганской школы они крепко держат в своих руках...

Впоследствии, в противоположность ферганским школьникам, которые в основном снимали урожай своих ранних новаций, – R («пси»-одиночка) никогда не оставлял попыток внести в каждый свой текст нечто другое, всегда с тягой к небывалому, демонстрируя постоянную изобретательность, и вследствие этого продолжая оставаться не реализованным до конца, но всегда актуальным.

...симфоническая сага, евразийская полифоническая песнь, ферганская легенда, струясь горным потоком, любит себя. В полной мере над сюжетной классической прозой, над её традиционным представлением, здесь вершится казнь. Тут же и впечатление постоянной дерзости, исходящей из текстов R, непрерывного умерщвления плоти традиционного романа или более радикальное ощущение свободного духа, помыкающего всем тем, что он хотел бы заключить и удержать в себе. Более того, здесь (в прозе) присутствует элементы грандиозного архитектурного жанра.

Использованием различных приёмов и приёмчиков (по словам Андрея Кудряшова), R отождествляет себя с утраченным величием летописи, чувством стиля, переделанным самым современным образом в настоящее эстетическое пиршество. Оттуда же и дыхание истории, которое идёт к нам от текстов, придающее слушателям ощущение присутствия при эпопее нового жанра, где эмоция заменяет действие. Эти «10 000 и не одна ночь» по настоящему достойны войти в историю.

Р является классическим примером автора, которому в силу ряда причин – редакционной неровной выделки, отсутствия литературного агента, полнейшего отсутствия коммерческой направленности и беспорядочного стиля жизни – не удалось в должной степени проявить замечательные таланты и реализовать постоянное стремление вперёд.

Благодаря экстравагантной и многослойной авторской работе, тексты Р, воспринятые восторженной критикой, как «песни из параллельной вселенной» (Тимур Зулфикаров), большинством читателей оказались непонятыми.

Тем не менее, первые выпуски «ARK»а подтвердили обоснованность его амбиций. Особенно удался 3 выпуск, где были собраны лучшие представители русской литературы республики. В нём Р как бы создавал коллажи из разных авторов, направлений, стилей и форм, из диссонансов а la Стравинский и гармоний фольклорных песен, соединяя все эти разнородные жанры в стиле рококо...

Что и обозначило стремление Р к некоммерческой интеллектуальности и авангардистской направленности. Полиграфически грамотно, со вкусом, прекрасно оформленное издание. Без всяких снобистских преувеличений...

ИССЛЕДОВАНИЯ

Достигнув вершины, нужно было думать о новых поисках, об открытии новых горизонтов, чтобы избежать склероза и повторяемости. В то время как ферганские школьники продолжали развивать свою песню, Р пустился в неизвестность, чтобы создавать новые фантастические творческие формы.

Он был единственным, кто пошёл по пути новаторской одержимости. Именно он начал осуществлять синтез классических элементов с более модернистскими. Новый грандиозный сплав, представленный новыми текстами мистера Р, обладает смелостью и сложностью, но не менее существенными его достоинствами являются красота и вкус слова, многоцветность. Наверное, этот бескомпромиссный модернизм в какой-то мере шокировал читающую публику, поскольку Р, обладая качествами более чем выразительными, не стеснялся демонстрировать, заслуженный им по праву, статус «трикстера», возмутителя спокойствия (Александр Куприн).

Более того: современное литературоведение просто не готово воспринимать эти тексты. Как это ни парадоксально, профессиональным критикам не хватает профессионализма, когда они берутся говорить о них. Уровень мышления нужен другой. Не выше, не ниже – просто другой. Именно сейчас, когда нравы изменились и между нами и большой литературой ничего, кроме личных и общественных экономических катастроф, не стоит.

И Р – генератор идейных кошмаров – вернулся с монументальным произведением «По улице имени Меня», ставшим открытием, которое смогло передать нам свой внутренний ужас и экстатическое ощущение вращения времени. Это произведение стоит особняком от главного проторенного пути развития – чарующе отстранённым и пугающим одновременно. Необходимо отметить, что Р, обогащённый опытом тридцатилетней беспонтовой работы «в стол», многое прибавил в манере и потенциях. Его взъерошенная лирика безумием своих утопических идей делает текст отличным от творений других авторов. Р словно Дон Кихот борется с проявлениями космического зла, которое мало-



помалу подтачивает нас, эта разновидность сплина, безысходной тоски, жесточайшей ностальгии – гангрена духа, которая является истинным бичом нашего времени. Текст жестокий, горестный и очень лиричный в своем самовыражении. Именно эту тему разрабатывает R, пугая любителей изящного своими исповедями адского отчаянья. Человек не в силах преодолеть несовершенство мира. Провозглашение этой цели – всегда ложь. Пусть прекрасная, как Царствие Небесное, пусть логичная, как Утопия, пусть научная, как Коммунизм – но всё-таки ложь.

И не бороться с несовершенством мира – немыслимо. Антиутопии никогда не рисуют будущее – лишь настоящее. То настоящее, которое необходимо свернуть в рулон и навсегда замуровать в прошлом. То настоящее, с несовершенством которого должно бороться. То настоящее, которое не имеет будущего.

В конце концов, R и сам устрасился продолжения и снова погрузился в молчание, на которое обрёл себя сам...

А что же дальше?

Поживём, увидим...

Наши авторы

Раим Фархади

Родился в г. Самарканде, в 1942 году, врач, литератор, художник, переводчик узбекской поэзии на русский язык. Автор многих книг, в том числе для юного читателя, изданных в Ташкенте, Москве, Лондоне, Сеуле, Праге, Кишиневе, Таллине, Душанбе, Алма-Ате.

Награждён орденом Дустлик (Дружбы), отличник народного образования, заслуженный деятель культуры Узбекистана.

Главная тема его стихов и прозы - сбережение духовных ценностей, защита родной Природы, Мир, Добро, Любовь. Ушел из жизни в 2024 году.

Александр Свистунов

Член Союза писателей Узбекистана, член международного совета по фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей России. В 1990-1991 гг. был ответственным секретарем Всесоюзного Творческого Объединения молодых писателей фантастов (ВТО МПФ) при ИПО «Молодая Гвардия» по Средней Азии и Казахстану.

Его рассказы публиковались – в журнале Б. Стругацкого, «Полдень, XXI век», Санкт-Петербург. В журналах: «Компьютерра», Москва. «Реальность фантастики», Киев. «HARD-n-SOFT», Москва. «Звезда Востока», Ташкент. «Литературный Азербайджан», Баку. Альманах фантастики «Полдень», Санкт-Петербург. Альманах "Лимонник", Тель-Авив. В 2017 г. в США вышла его авторская книга «Чудо по-русски».

Алексей Кирдянов (Алимкулов)

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, журналист. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище противовоздушной обороны в 1988 г. Является литературным сотрудником журнала «Звезда Востока». Член Союза российских писателей.

Руководитель творческого объединения «Город поэтов» при ташкентском Музее С.Есенина. Публиковался в журналах «Звезда», «Риск», «Октябрь», «Знамя», «Питерbook +», «Дружба народов», «Нева», «День и ночь», «Урал», «Восток Свыше», «Звезда Востока», «Преподавание языка», альманахах «Urbі», «Ноев ковчег», «Малый шелковый путь», «Провинциальный альманах», веб-альманахе «Слово», в коллективных сборниках, на некоторых веб-сайтах. Автор десяти стихотворных сборников. Живет в Ташкенте.

Долгая Галина Альбертовна

Член Союза писателей Узбекистана, член Международной Гильдии Писателей. Родилась и проживает в Ташкенте. Литературной деятельностью занимается с 2006 года. За прошедшее время написано семь романов, повести, рассказы в разных жанрах реальной и нереальной прозы.

Основная тема творчества: история Средней Азии. Издавалась в России («Вече», «Ridero»), Кыргызстане («Салам»), Англии (Hertfordshire Press), Германии (Stella), Узбекистане («Mashur-Press»). Лауреат международных литературных конкурсов: крупной прозы «Триммера» (Россия), рассказов «Белая скрижаль» (Россия), «Русский стиль» (Германия), «Русская тройка» (Россия), победитель «Open Central Asia Book Forum and Literature Festival 2012» (Англия) с романом «Боги Срединного Мира».

Дилбар Баратова

Родилась в Бухаре. Училась в Бухарском Технологическом институте Пищевой и Легкой промышленности. Член Союза писательей Узбекистана. Автор семи книг. Пишет на узбекском и русском языках. По ее повести снят телесериал «Адвокат».

Наталья Константиновна Бондаренко

Родилась в Бухаре, с младенчества живет в Ташкенте. Программист. Автор сборника рассказов и трех сборников стихов. Постоянный член жюри конкурсов Международного Фонда ВСМ при Российском союзе писателей. Лауреат конкурса-марафона, организованного издательством Ridero (Екатеринбург) и школой литературного мастерства "Хороший текст" (Москва). Публикуется в газете "Леди".

Михаил Шаинский

Родился в центре Ташкента, там, где сегодня возвышаются небоскребы «Акай – сити». Выпускник Ташкентского политехнического института и Республиканского эстрадно-циркового колледжа. Живет в США с 1990-го года.

Бах Ахмедов

Родился в 1967 году в Узбекистане, в Ташкенте, где и проживает по настоящее время. В 1990 году закончил физфак Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. Работает в Ташкентской Международной школе.

В октябре 2007 года получил 1-е место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В 2011 году вошел в шорт-лист конкурса «Литературная Вена». Участник 6-го Ташкентского фестиваля поэзии (2008 год). В июне 2012 года получил 2-место на конкурсе «Поверх барьеров», проходившем в рамках фестиваля «Пушкин в Британии».

Публиковался в периодических изданиях и альманахах Узбекистана («Звезда Востока», «Арк» и т.д.), России («Арион», «Литературная газета», «Новая юность», «Северная Аврора», «Аргамак»), Молдавии («Русское поле»), Эстонии («Таллинн»), Казахстана («Книголюб»), Великобритании («Лондон-Инфо»). Стихи были включены в антологию современной поэзии Узбекистана «Анор» (Москва, 2009 год) и в антологию-билингво «Буквы на камнях» (Ереван, 2013 год).

В 2010 году выпустил сборник стихов «Молчание шара», в 2015 г. – сборник стихов «Облако вероятности», в 2019 г. – сборник «Шепот». Член Союза Писателей Узбекистана.

Владимир Фетисов

Писатель, журналист, общественный деятель.

Родился в г. Ташкенте в 1952 году, окончил Ташкентский Политехнический институт. Автор многочисленных исторических очерков и документальных повестей по Русскому Туркестану, опубликованных в местных и зарубежных СМИ. Автор четырех печатных книг

по этой же теме: “Дуэль на Крыше мира”, “Вы отправляетесь в незнакомые страны...” “Последний губернатор Туркестана”, “Ошанины”.

Отмечен многочисленными дипломами и грамотами, в частности:

Диплом конкурса проводимого Посольством РФ в Узбекистане за первое место в номинации “Российские соотечественники в Узбекистане”, 2016 г.

Грамота Посольства РФ в Узбекистане “За активное освещение российско-узбекского сотрудничества. 2018 г.

Почётный знак хокимията (городская администрация) г. Ташкента “За активную гражданскую позицию и большой вклад в развитие нашего города”. 2021 г.

Диплом литературно-общественной премии Московской городской организации писателей России “За верность русской культуре и литературе” имени великого русского писателя И. А. Бунина с вручением медали. 2022 г.

Галина Востокова

Автор фантастических и исторических романов и рассказов, поэт и прозаик, член Союза писателей СССР и Узбекистана. Закончила МИИГАиК по специальности "инженер-астрономогеодезист", проработала полтора десятка лет в сфере геодезии и программирования. Но влечение к литературе пересилило. Издаваться приходилось далеко за пределами Узбекистана (США, Канада), но и в Звезде Востока регулярно издавались её рассказы. Её романы «Нефритовый слоненок», «Симонетта», «Не грусти, кабальеро» и другие нашли свой путь к читателю во всем мире. Её тонкая лирика в стихах и венках сонетов заставляет взволнованно биться сердца тех, кто способен почувствовать глубину и силу чувств, скрытых в её строках. Ушла из жизни – 2018 г.

Рифат Гумеров

Живет в Ташкенте. Пишет на русском языке. Поэт, писатель, журналист, издатель. Член Central Asian PEN CLUB, член Русского PEN-Центра, член Союза русскоязычных писателей Болгарии.

Работал - Преподаватель филологического факультета Ферганского пединститута, Учитель русского языка и литературы – школы №128, 168, частных школ города Ташкента, редактор издательства «Мехнат», Главный редактор альманаха «Молодость» в издательстве «Ёш гвардия», в издательстве «Камалак», издавал первые сборники молодых авторов.

Стихи и романы Рифата Гумерова публиковались в журналах "Дружба народов", "Юность", "Новая Юность", "Смена", "Молодая смена", "Дружба" (Москва-София), "Сельская молодежь", "Студенческий меридиан", "Литературная учеба", "Урал", "Звезда Востока", в "Литературной газете", "Московский литератор", на узбекском языке - «Шарк Юлдузи», «Саодат», «Ёшлик», «Ёш куч».

Содержание

Вспоминаем Раима Фархади

<i>Александр Свистунов.</i> Раим Фархади – главный редактор альманаха “Слово”	3
<i>Алексей Кирдянов.</i> “Волшебник слова”	4
<i>Галина Долгая.</i> “Вдохновленный природой и поэзией”	23
<i>Дилбар Баратова.</i> “Человеку, несущему свет, посвящается”	28
<i>Наталья Бондаренко.</i> “Человек Мира”	35

Поэзия

<i>Раим Фархади.</i> Стихи	38
----------------------------------	----

Проза

<i>Михаил Шаинский.</i> “Ночь в дюнах”. Рассказ.....	53
<i>Бах Ахмедов.</i>	
“О молчании”. Мини-эссе	67
“Вопросы и ответы”. Мини-эссе	68
“Утренние заметки”	70
<i>Владимир Фетисов.</i> “Дерзкий рейд капитана Корнилова”. Рассказ-быль	86

Фантастика, приключения, детектив

<i>Галина Востокова.</i> “Иные”. Повесть.....	91
---	----

Сказочная страничка

<i>Александр Свистунов.</i> “Иван царевич, Серый волк и все, все, все...”	
“Серый волк”. Сказка	121
“Лиса Алиса из леса”. Сказка	126

Литературоведение

<i>Рифат Гумеров.</i> “Мир R и ферганская поэтическая школа”	133
<i>Наши авторы</i>	140